

Петр Антипов: ПОДВИГ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.

Москва 2020

На вечернего сообщения
30 августа

II. На Центральном фронте

В течение 24 часов наши войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, преодолевая контратаки противника и отрывая контратаки его протыкаясь вперед.

В течение 24 часов наши войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, преодолевая контратаки противника и отрывая контратаки его протыкаясь вперед.

УДК 882

ББК 84(2Рос=Рус) 6

«Петр Антипов: подвиг длиною в жизнь.»

М.: ООО «ИД Третьяковъ», 2020 -204с.

ISBN 978-5-90657-757-3

Издается при содействии

Фонда рационального природопользования

Это книга о человеке, судьба которого беспримерна. О человеке нестигаемой воли, огромного мужества. Покалеченный войной танкист мечтал лишь об одном: встать в трудовой строй и быть равным среди людей. Он стал лучшим среди людей.

В сборник вошли произведения разных лет, в том числе собственные воспоминания Петра Григорьевича Антипова.

Выражаем признательность Комитету по природопользованию и экологии Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Староладожскому историко-архитектурному и археологическому музею-заповеднику и всем неравнодушным людям, причастным к созданию сборника.

ISBN 978-5-90657-757-3

© А.П. Аленцина(Антипова) 2020

*...подвиг война гигантский
Ничто пред доблестью гражданской.*

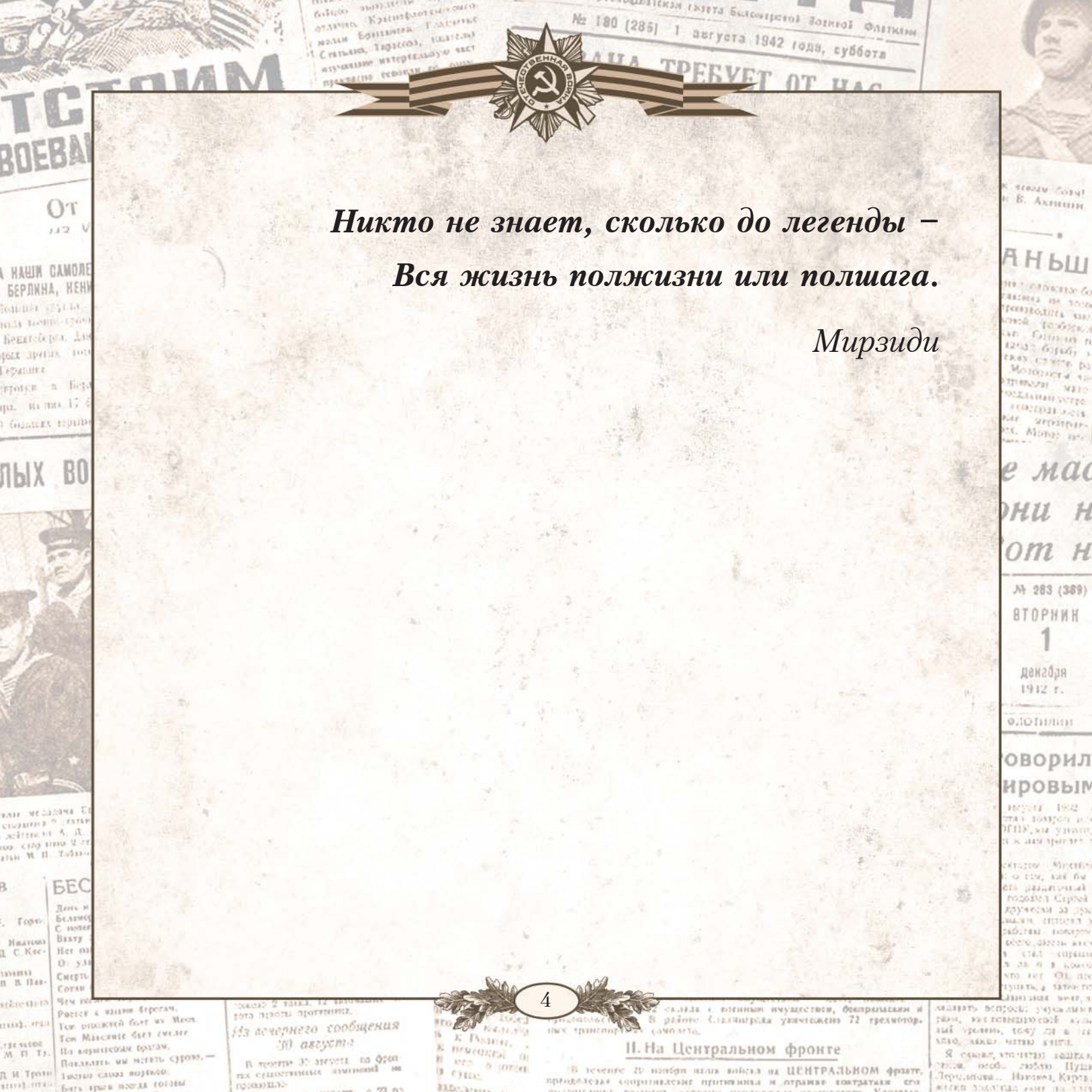
К.Ф. Рылеев , Гражданское мужество, Ода 1821

*100 – летию
Петра Григорьевича Антипова
посвящается*

*Никто не знает, сколько до легенды –
Вся жизнь полжизни или полшага.*

Мирзиди

Нина Курзанова

БЫЛЬ

геройская...

5

*Из вечернего сообщения
30 августа*

В течение 30 августа на фронте существенные изменения не произошло.

II. На Центральном фронте

В течение 29 и 30 августа наши войска на Центральном фронте, продолжая активные действия и отрывая контратаки его противника, в районе Сталинграда уничтожили 72 танка.

В своем боевом
В. В. Ахитонин

АНЬШ

...наши самолеты бо
...в воздухе не только
...производительность
...нашей боевой авиации
...в борьбе с вражеской
...Мотористы и
...стрекозы и
...ослабили сопротивление
...наши истребители
...Анатолий

е мас

они н
от н

№ 283 (389)

ВТОРНИК

1

декабрь
1942 г.

О.Ю.ГОТЛИК

говорил ировым

...в конце 1942 г.
...ТНК, как указывал
...и к нам придет

...Министерство
...и в 1942 г. как бы
...был достигнутый
...позволил Совету
...делу, а также у
...работавшие в
...своей работе
...и в 1942 г.
...что лет 10-15
...и в 1942 г.
...и в 1942 г.

...в течение 29 и 30 августа
...наши войска на Центральном фронте,
...продолжая активные действия и отрывая контратаки
...его противника, в районе Сталинграда уничтожили 72 танка.

...Я считаю, что в течение 30 августа
...наши истребители
...ослабили сопротивление
...наши истребители
...Анатолий

ТСТ
ВОВЕВА

От
112 V

НАШИ САМОЛЕ
БЕРЛИНА, КЕНИ
...наши самолеты бо
...в воздухе не только
...производительность
...нашей боевой авиации
...в борьбе с вражеской
...Мотористы и
...стрекозы и
...ослабили сопротивление
...наши истребители
...Анатолий

...наши истребители
...ослабили сопротивление
...наши истребители
...Анатолий

ПЫХ ВО

...наши истребители
...ослабили сопротивление
...наши истребители
...Анатолий

БЕС

Дом и
Белом
С югов
Ваху
Нет на
О: 341
Смерть
Согли

Чем
Росет
Тем
Тем
По
Поб
Точно
Быть

...наши истребители
...ослабили сопротивление
...наши истребители
...Анатолий

От автора

При жизни Петр Григорьевич Антипов являлся живой достопримечательностью волховской земли. Пример его стойкости не мог не вызывать горячего интереса у любого, кто впервые узнавал о судьбе прошедшего войну танкиста. И он не был оставлен людским вниманием. О нем писали газеты, журналы.

В 1970 году в Лениздате вышла первая книга об Антипове «Лесной ноктюрн». А эта, что перед вами, – переработанное и дополненное издание. Книге помогли выйти в свет люди, которым дороги не только сегодняшние проблемы и заботы волховчан, но и история родного края, связь поколения и судьбы тех, кто его защищал и прославлял.

Приношу искреннюю благодарность всем, причастным к этому. В первую очередь мэру г. Волхова Алексею Владимировичу Ларькину, заведующей отделом культуры мэрии Нине Александровне Цветковой и пресс-секретарю Анне Викторовне Алексеевой, генеральному директору ООО «Газета «Волховские огни» Александру Юрьевичу Смирнову, журналистам Елене Владимировне Хорошутиной, Галине Петровне Стерликовой и другим.

Пусть память нас объединяет на добрые дела.

(2005 год)

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ

...Полуторку уже нагрузили продуктами, она готова была двинуться в путь, когда к ней подбежал, махнув шоферу рукой, военный.

— Вы мимо Старой Ладogi поедете? — спросил он и, услышав утвердительный ответ, попросил: — Подвезите танкиста, он из госпиталя домой едет.

Одна из женщин, которые сопровождали груз, с удивлением заметила:

— Вот проклятая война, сорок седьмой год идет, а все еще раны залечивают...

— Тут случай особый, — отозвался военный и пошел. Вскоре вернулись от вокзала уже втроем. Двое помогли третьему сесть, душевно попрощались, и машина тронулась, поскрипывая и позвякивая на тряской ухабистой дороге, словно требовала серьезного «лечения».

А молодой танкист, не отрываясь, смотрел в окно. Узнавал и не узнавал многое: «Да, в Волхове война тоже похозяйничала». Когда выехали за город и дорога пошла крутым берегом реки, то сердце танкиста заколотилось так, что он с опаской оглянулся на попутчиков, казалось, и они видят его состояние, слышат отчаянный стук сердца.

В Старой Ладогe ему помогли сойти с высокой подножки автомашины. Он огляделся и радостно выдохнул: «Вот я и дома».

Здесь он не был шесть лет.

— Мы поможем дойти, — разом отозвались попутчицы, но танкист запротестовал:

— Нет-нет, не надо, тут рядом дом, вы поезжайте, я мигом добегу...

«Добегу». Господи, каким сильным и здоровым уходил он отсюда на войну. А теперь само слово-то «добегу», на радостях выскочившее по привычке, кольнуло, будто осколок или пуля. Сердце сжалось, и он огромным усилием заставил непослушные ноги повернуть на знакомую тропу...

Женщины готовы были плакать, а он, похоже, радовался, что пришел с войны живой.

Петр Антипов приехал домой. Туда, где он рос, мужал, где исхожено столько троп, столько сделано молодыми, жадными до всякого дела руками.

И что же от всего осталось? Будто шальная волна легко, игриво лизнула берег, и вмиг не осталось на песке ни следов, ни рисунков, какие ребятишки любят выводить на сыром прибрежном песке. Одни воспоминания, от которых становилось еще горше.

А ведь в госпитале он почувствовал было в себе силы, чтобы вернуться в строй. Видел, что и люди в это верили. Он вспомнил, как приехала к нему мать и врач уверенно и даже как-то весело говорил ей, энергично расхаживая по палате:

— А вы, мамаша, не расстраивайтесь, все будет хорошо. Посмотрите, он уже научился неплохо ходить. Кормить себя никому не разрешает, и вот теперь сам с этим справляется. Настроение у него бодрое. Ведь организм-то, в сущности, — молодой, здоровый. На курсах Петр учится. Так что все будет хорошо. И не плачьте.

— Да я и не плачу, не плачу, — твердила мать, и Петр видел, что она действительно не плачет, глядит на него с улыбкой. Только вот показалась она ему тогда какой-то маленькой, беспомощной. Даже захотелось пожалеть ее, приголубить, как, бывало, она его в детстве.

Он, конечно, не знал, что мать залилась горькими, безутешными слезами, едва закрылась за ней госпитальная дверь...

В госпитале другое дело, там у всех похожие беды, у всех одни надежды. А дома израненный танкист как-то сразу растерялся. Здесь, где и родные стены должны бы помочь, положение опять стало казаться ему безвыходным.

Он сутками не выходил из дому, часами сидел, уставившись в одну точку. В такое время и матери страшно было к нему подступиться, но она знала, что могут сделать с человеком тяжелые думы, и не отставала от него.

— Ты только не молчи, — твердила Анна Кирилловна сыну. — Говори или читай вслух. А то песни пой. Сам знаешь, я всю жизнь, что бы ни делала, все тихонько напевала. Танюкаю себе... Поверь, что это тоже помогло всякое горе огорить. И ты не молчи.

Бывало, что на такое усердное материнское увещание Петр, не выдержав, отвечал грубо: «Да помолчи ты, мама». А чаще не реагировал никак.

II. На Центральном фронте

В течение 24 часов наша войска на Центральном фронте, прилагая героические усилия и отчаянные контратаки, сдерживают наступление противника.

В. Ахматов

А Н Ы Ш

В. Ахматов

е мас

они н
от н

№ 283 (389)

ВТОРНИК

1

декабрь
1942 г.

О. Ю. Пинин

говорил

ировым

1942

1942

1942

1942

1942

1942

1942

1942

1942

Однажды, тоже не выдержав, мать бросила ему в лицо резкие слова:
— Ну что раскис! Будь ты человеком!..
Петр помолчал, а потом тихо так сказал с отчаянием:
— Эх, мама, да какой же я теперь человек!
— Да чего же тебе не хватает-то? Рук да ног?! Да хочешь, я сейчас пере-
числю, сколько здоровых мужиков, парней не сумели соблюсти свою жизнь?
Или водкой, или хулиганством загубили ее. Ну, хочешь, сейчас назову?
— Да знаю я таких, встречал...
— Так что же голову-то вешать! — продолжала наступать Анна Кирил-
ловна. — Через столько мытарств пройти, да что- бы теперь остановиться?!
Не позволю. Не дам. Запомни это, Петя, — твердо закончила она.

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Зимним утром чуть рассвело пробежала по снежному полотну птаха. Тонкая
стяжка от ее лёгких шагов, как первый штрих на чистом листе бумаги.

Немного погодя, осторожно высунула мордочку из укрытия лиса, увидела
птичий след, побежала вперед. Чуть позже над хитроумной стежкой склонился
охотник, постоял немного и тоже двинулся к лесу.

Ехали днем лыжники, увидели четкий след поперек красивой поляны и свер-
нули к нему. А на следующий день, в выходной, спортсмены проложили здесь
уже прочную лыжню, которой стоять долго.

Вот так и в нашей жизни: дорогу рождает идущий, дорогу осилит идущий.

Подвиги, они тоже бывают разные, как и человеческие судьбы. Жиз-
ненный подвиг Петра Антипова не был ограничен ни датой, ни местом, ни
временем. Он продолжался постоянно, всю его жизнь. Ведь все беды и труд-
ности, которые навязала ему война, не отступили, не иссякли со временем
— они всегда были при нем. И этот-то постоянный подвиг мужества Настоя-
щего человека и волнует людей.

В народе говорят: добрые вести не сидят на месте. И теперь многие знают
про Антипова. Или только слышали, но хотят знать подробнее о героической

были его жизни. Много писем приходило лично Герою, в редакцию районной газеты с просьбой рассказать об Антипове. Одни пишут: «Замечательная традиция есть в нашей стране: победителям трудового соревнования вручаются именные призы прославленных людей. Есть призы имени шахтера Алексея Стаханова, трактористки Паши Ангелиной и другие. Теперь, слышали, учрежден и приз имени Петра Антипова. Расскажите об этом человеке».

Другие удивляются: «А это правда, что в Волхове есть свой Маресьев, который даже стал Героем Труда?»

Сколько у нас Маресьевых? Книгу с таким названием автор ее Николай Мейсак прислал Антипову: «Человеку и Герою — Петру Григорьевичу Антипову — моему собрату по судьбе, еще раз доказавшему: Маресьевых у нас много! Мы же — коммунисты!»

А в письме коротко сообщал о себе.

«...Мне было 20. И я был связистом командира мотострелкового полка на его наблюдательном пункте, который он вынес по-артиллерийски на самый передок. Полку пришлось тяжело, мы дрались всем — вплоть до перочинных ножей, но в Москву врага не пустили.

Потом мне сказали, чтобы я по всем линиям связи командовал за командира, ушедшего в роты: «Всем держаться, идут танки! Ребята, идут наши танки!» А их не было!

Продержались. А мне пришлось отбиваться от автоматчиков, для которых связист был драгоценной добычей. Когда остался без патронов, когда двое немцев потащили меня за ноги из тесного блиндажа, я сунул по ним гранатой, к счастью для меня, — без чехла... Бывает, что и граната человека не убивает, хотя мне разнесло обе ноги, и теперь я хожу на протезах выше колен... А Вам, слышал, еще тяжелее...»

Эпиграфом к своей книге Н. Мейсак поставил слова:

«На земле много сильных людей: хватило бы времени на встречу даже с немцами из них. Встретился — расскажи. Помогите другому узнать о силе и стойкости современника. Ведь в нашем отличном, но трудном мире всегда неизменным остаются мужество и доброта».

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Куда только ни уводили Петра думы в эти безрадостные дни. Часто мыслями бывал он в детстве, словно спрятаться хотелось в этом безоблачном милом лесном краю. Память воскрешала картины, виденные собственными глазами, рассказы, слышанные от матери, от бабки и деда...

— Да что ты раскудахталась, как насадка, — незлобливо выговаривал, бывало, дед Кирилл своей жене. — Ты пойми же, голова садовая, что лесу глаз зоркий нужен и сердце доброе.

— Так ведь свое-то хозяйство в запустении, — наступала бабка, — ему, что же, твои глаза да руки не нужны? А ведь ты как пошел в лес, так и пропал.

— Да нешто в лесу человеку пропасть можно, — как будто не понимая старуху, уже с улыбкой начинает толковать дед. — Лес и накормит, и ночлег даст. И не обидит. Знать только его надо. Я вот тебе скажу...

Жена старого лесника безнадежно махнет рукой: «Ну, попал слепой на стежку». Она знает, что дед, обычно молчаливый и несловоохотливый, о лесе может рассказывать долго и увлеченно, только слушать поспевай.

Такие рассказы глубоко западали в ребячьи души. И, собравшись где-нибудь за деревней, мальчишки строили свои первые смелые планы: дойти в тот дальний лес на Разбойничьей горе, которым взрослые пугали ребятшек, выследить барсучьи норы, найти колоду с медом, узнать, далеко ли видно с самой высоченной ели, поглядеть самим, что это за «ведьмины» метлы и где растет волчье лыко, которое содержит в себе, по словам родителей, непомерную отраву.

Все это будоражило ребячьи головы, накладывало на лес особую таинственность и тянуло туда неудержимо.

Но и потом, когда чудеса леса были отчасти разгаданы, он не переставал манить к себе. Повзрослевшим подросткам, у которых под зеленым пологом были уже свои тропы, лес открывался другой своей стороной — красотой и щедростью. Когда бы ни пошел в лес, с пустым лукошком не возвратишься, узнаешь что-то новое.

Петька с детства запомнил, как взрослые постоянно внушали ребятам любовь к родной природе. Бывало, спрячется мальчишка за куст и уставится на гнездо аистов, что каждую весну поселялись здесь, на старой осине. А бабка увидит внука, подойдет осторожно и заговорщически так приникнет к нему: «Смотри, Петька, никогда не обижай аиста, не разорь гнезда, а то он головешку на крышу принесет».

Как ни обдумывал танкист свое положение, какие бы ни строил планы, а все выходило так, что без леса ему никуда не деться. Конечно, хорошо, что в госпитале он закончил курсы счетоводов и пчеловодов, есть документы на это.

А мысли, вот, все на другое поворачивают. Как же без леса-то? Значит, прощай мечта всей молодости. Ведь говорят, у каждого в жизни своя дорога. Однако откуда-то берет она начало. Петру всегда казалось, что, сколько он полнит себя, истоком его пути была дедова лесная тропа. Потом ее продолжил отец — Григорий Антипович. Он работал объездчиком, был приставлен охранять народные леса.

Мать тоже одобряла пристрастие сына к лесным делам и тоже считала, что оно не случайно. Она так рассказывала про это:

— Жили мы в лесном краю, где исстари любовь к лесам, к земле передавалась, словно последнее завещание, из рук в руки, от старших к младшим. Я помню, и мне всегда наказывала не расточать понапрасну добра, что земля дает. Веники, бывало, идешь ломать, и то не обойдется без материнского напоминания: «Маковку только не ломай смотри, одни сучья».

До сих пор в памяти рассказ моей учительницы о том, как радовался мужик, деревце сажая. А однажды он своему сыну топорик подарил. Как же в крестьянстве без этого? А мальчишка, прикидывая, где бы обновить подарок, возьми да то деревце и сруби. Много забылось, а вот что дерево беззащитное и топор в неразумных руках — враги навечно, — это уже осталось во мне. А потом и своим детям то же толковала.

Все четверо сыновей Анны Кирилловны любили лес. Побольше стали, надолго туда отправлялись. «Даже в праздники другие мальчишки — на улицу, поближе к веселью, а мои — в лес, — рассказывала она. — Знала я,

все повторяется: как и нам когда-то, им тоже хочется глубже в лес глянуть, побольше о нем узнать. Помню, уже в Ладоге, сухарей насушили, ушли в лес с ночлегом. Я не протестовала — вместе не пропадут, а природа худому не научит. И проверит, и подружит.

Одно время собаку завели, ружье купили. Пойдет, бывало, Петя в лес, как заправский охотник. А смотришь, все с пустыми руками возвращается. Зато былей разных о лесной жизни порасскажет. Как журавля подранка спасти хотел, да тот никак не давался в руки, как пчел в дупле нашел, какой паводок в лесу начался...»

Когда в тридцатые годы семья Антиповых переехала из Псковской деревни Станогоино в Старую Ладогу, десятилетний мальчуган уже хорошо знал, какое это благо — лес. Он согревал в зимнюю стужу, кормил семью летом и постоянно притягивал своей красотой и таинственностью. Но как научиться понимать эту сложную жизнь леса?

Уже дымкой затянулся образ деда, не стало отца. Кто же ответит на вопрос любознательного мальчишки? И тут, в Старой Ладоге, Петя встретил человека, который вольно или невольно повлиял на всю его жизнь.

...Он шел твердой размашистой походкой. Полы черной шинели разлетались в стороны, будто крылья. Черноволосый, высокий, красивый.

— Кто это? — Петька ухватил мать за рукав.

— Да это лесовод здешний, — ответила та, — мы по соседству теперь жить будем.

Петька долго не мог заснуть в ту ночь.

Рудольф Оттович Блумберг стал как бы первым наставником подростка в лесных делах. Петька был радешенек, если тот брал его с собой за реку, в деревню Сельцо к старому леснику Николаеву. Опрометью бежал за веслами, а потом, примолкнув, мог без конца слушать разговоры в доме лесника.

Однажды, забравшись на развалины Староладожской крепости, Петька увидел над дальним лесом злоеющий хвост дыма. Ни от костра, ни от парохода, ни от русской печи такого не бывает. «Лес горит», — ужаснулся подросток. Он схватил лопату и побежал что есть силы. Он знал, что этот всегда

черный издали лес на высоком косогоре далеко от его дома, но сейчас дорога показалась ему просто бесконечной. Но мальчишка перевел дух только тогда, когда увидел людей с лопатами и остро почувствовал сильный, горький запах дыма. Были там лесники Алексеев, Шорманов, лесничий Блюмберг.

— Тебя кто, парень, послал?

— Я сам... — хрипло ответил Петька.

— Ну, коль сам, так становись живо и копай вот так.

Сбивали пламя ветками и прокапывали ручьи. Работали до тех пор, пока ветер не развеял последний сизый дымок. Возвращались все вместе. Закопченный, поцарапанный, измученный, Петька храбрился и старался не отставать от лесников и, как они, деловито закинув лопату на плечо, шаггал широко, неторопливо. Рудольф Оттович, глубоко дыша, с расстановкой говорил:

— Это хорошо, Петя, что ты пришел, не стерпел. Душа, выходит, у тебя тревожная. Тебе в лесу можно работать. Смотри ты, не меньше пяти километров отмахал и поработал славно. Равнодушный ведь к лесу не приживется, как еловый сук к березе.

Для Петьки такие слова были как высшая похвала и как разрешение встать на путь лесовода. И когда он прочитал в местной газете объявление о наборе в Тихвинский лесной техникум, он принял его как личное приглашение.

Следом за ним через год в тот же техникум уехал учиться и Володя. Младший брат Василий, который в детстве, как и многие мальчишки, мечтал стать летчиком или моряком, писал матери с фронта: «Если останусь жив, то пойду по пути братьев».

СРАЗУ СТОЛЬКО ДРУЗЕЙ

В густом лесу выросла пригожая ель. Хорошо ей было тут: влаги и пищи корням хватало, солнечные лучи нередко играли с упругими иголками. Одно ей было досадно: в окружении других деревьев она не могла показать всю свою красу. А на ней — что ни ветка, то будто диковинное перо могучей жар-птицы.

А какие гроздья молодых прекрасных шишек! А изумительная мягкая зелень побегов!

Однажды услышала елка звуки пил и топоров. Возле самого ее носа прошли лесорубы. Но елке повезло, осталась стоять. Зато рядом вырубил широ-кую лесосеку. Сначала так непривычно голо показалось ей в родном краю. А потом сообразила, что так еще и лучше ей будет. Простору-то кругом! Пусть теперь ее красотой любят все.

Елка подставила ветки налетающим порывам ветра, широко размахивая ветвями. Но вдруг что-то хрустнуло, закрипело. С вывороченными корня-ми рухнула елка на землю. Не было вокруг защиты, никто не мог подать ей руку помощи...

А разве не так бывает и у людей?

Воспоминания о войне, о братьях опять выливались для Петра в бессон-ные ночи. Вспомнил, как на выходной Володя приехал из техникума домой. Войны еще не было, но был июнь 1941 года, и какая-то тревога ощущалась. Володя уезжал задумчивый. «Заведи любимую пластинку», — попросил он брата. Петр поставил «Память цветов», и они молча прослушали ее до кон-ца. Уехал Володя в Тихвин, а вскоре прямо из техникума и на фронт, даже домой не заехал. В похоронке сказано, что погиб он в Арсентьевском районе Тульской области.

Сложил голову в бою под Ленинградом, у Колпина, Федор, а Василий все еще был в армии.

«А что с меня теперь, какой я матери помощник — обуза одна. А какой лесовод? Много ли по лесу с этими ногами выходишь», — и он бросил злой взгляд на стоящие возле кровати протезы.

Но вскоре приехал с дальневосточной службы Василий. Как обрадовался ему Петр. После долгих бесед с ним и с матерью, снова сумел он освободиться от хандры и отчаянья, которые, как путы, стягивали его душу. На семейном совете было решено, что надо учиться, попытаться продолжить учебу в тех-никуме. Петр воспрянул духом. «Да, сиднем сидеть нельзя, правильно мать твердит, кто идет, тот и осилит дорогу».

Но тут новые трудности. За долгое время бездействия отвык от ходьбы, от протезов. Принялся усиленно тренироваться. Да не так, как в госпитале, — лишь по палате, по двору, а старался ходить подолгу, и до того изнурял себя ходьбой, что не раз, снимая протезы или резко сгибаая и вытягивая ноги, падал от боли и надолго замирал.

И все же добился своего: поехал осенью в Тихвин. Причем отправился в путь один, без провожатого, — так настояла мать.

Плохо человеку без друзей, да что там — невозможно. В положении же Петра Григорьевича это просто невысказано. Но у него не было недостатка в друзьях и товарищах. Были они всегда, однако особенно сильно чувствовал Петр их участие и поддержку в первые годы своей послевоенной жизни. Они помогали ему воспрянуть духом, поверить в силу дружбы и в свои собственные силы, снова ощутить радость жизни. И каждое их участие — словно дождевая влага для жаждущих корней...

Поздний час. Прогрохочет мимо станции товарный поезд, и снова недолгая тишина. Тускло светит лампочка в зале ожидания. Юрий Кошевой устроился на жестком вокзальном диванчике, чтобы до прихода поезда скоротать время. Родом он был из теплых украинских краев, сейчас вот сидел далеко от родного дома. Он выбрал себе профессию лесовода и до войны учился в Тихвинском лесном техникуме. Прошел с боями до Берлина, а потом — «на новую службу, на Дальний Восток». Но вот и там гроза притихла, и надо было думать о будущем. Собственно, все уже было предумано не раз и решено — учиться. Где? Конечно же, снова в Тихвине.

Юрий задумался, вспоминая мирные дни, друзей. Многие из них уже никогда не сядут рядом с ним в учебных аудиториях: остались на полях сражений.

Вчерашний солдат рассеянно обвел взором зал ожидания и встрепенулся, увидев знакомое лицо. Присмотрелся. «Похоже, что это Петя, — подумал он, — брат Володи Антипова, с которым учился до войны на первом курсе. И он, и не он».

Юрий все же подошел и спросил:
— Петя Антипов?

— Да, — ответил тот и пристально посмотрел на парня. — А ты... Кошевой?
— Конечно.
— Вот встреча! Здравствуй! — обрадовался Петр и подвинулся, предлагая место рядом. Заговорили о жизни, вспомнили о войне, будь она трижды проклята, о старых товарищах, о будущем. Оказалось, что оба собираются продолжить учебу. Только Юрий на очном отделении техникума, а Петр — на заочном.

— Зря ты заочно надумал. Давай вместе со мной. Интереснее будет, и пользы, думаю, больше.

— Нет, нет. Мне очно никак нельзя. Понимаешь, одному нельзя, без матери. Ведь я, знаешь ли, и без ног.

Юрий Илларионович часто вспоминал потом о той минуте. А тогда он сказал Петру:

— Хочешь, я буду с тобой рядом?.. Слышишь, переходи на очное. Будем вместе, помогу, не пропадем...

Только потом Юрий понял, как много взял на себя, как трудно ежедневно чувствовать себя ответственным за судьбу другого человека, быть постоянно как бы второй его половиной. А вот как мог пройти через все невзгоды и трудности его друг, откуда он брал силы, чтобы заново построить свою жизнь, Юрий понять не мог, потому что до этого не видывал такой силы воли и мужества, такой упрямой настойчивости. В книгах, правда, читал об этом, а в жизни не доводилось встречать.

Бывало, здоровых парней одолеет усталость, смотрят часы учебы. А Петр и после занятий сидит допоздна с книгами. Дотошный, во всем ему надо добраться до корня.

Учился отлично. На удивление многим. Не терпел никаких скидок на свое положение. Чувствовать себя равным среди других — вот чего хотел он. И не раз руководители техникума и педагоги ставили Антипова в пример тем, кто ленился.

Как-то на одном из общих собраний завуч П. И. Великодворский показал резную деревянную шкатулку. Она переходила из рук в руки и у каждого вызывала возгласы одобрения.

- Кто же ее так ловко смастерил?
- Антипов!
- Антипов?! — по залу прошел гул удивления.

Шкатулку эту действительно искусно вырезал Петр, и одну такую же еще будучи в госпитале. На уцелевшей части правой руки ему сделали «кисть Крукенберга», и он поставил цель развить ее как можно совершеннее. Долгие часы с неистовым упрямством пытался он научиться владеть резцом, проводил за этим занятием целые дни, в кровь раздирая только что зажившие рубцы. Обессиливший, бросал все, падал навзничь на подушку. А потом снова брался за дело и... снова бросал. И все же замечал он, что каждый раз на крохотную крупицу прибавлял себе уверенности в собственных силах. Он отчетливо понимал, что постоянные упражнения, возможно, откроют ему путь хоть какой-то самостоятельности, а, может быть, и к труду. К какому, он еще не представлял, но твердо знал: без труда не сможет жить, не согласится быть иждивенцем.

Учеба в техникуме стала для вчерашнего танкиста тем серьезным экзаменом, который давал ему право встать в трудовой строй вместе с другими людьми. И Антипов не жалел себя ради этой заветной мечты. Ему пришлось все начинать заново. Научиться одеваться, держать ручку, ложку, листать книгу, привыкнуть к протезам, научиться ходить... И он одолел все эти преграды. Ододел, постоянно чувствуя дружеское расположение окружающих, помощь людей.

Невозможно перечислить имена тех, кого с благодарностью называл Антипов. Это лесничий из Ростовской области Юрий Илларионович Кошевой, что на время заменил ему заботами мать. Это секретарь учебной части Тихвинского лесного техникума Елена Дмитриевна Хаванская и заведующий учебной частью Павел Иванович Великодворский. Это товарищи по институту Виктор Васильевич Чуриков и Николай Тимофеевич Коняев, которые всегда были рядом с ним, вместе ездили на практику. Это Наталья Николаевна Вейнерт, методист лесохозяйственного факультета института. Она всегда относилась к нему как к сыну, охотно помогала, согревала теплым словом.

Просто и сердечно, как умеют только женщины, помогали Петру в годы учебы все девчата техникума. Особенно он был благодарен Дусе Дмитриевой, Лене Рововой, Ане Горской. Самая малая услуга в те годы, когда он только «искал» себя, была для него дорога и необходима.

Сколько их, замечательных, чутких людей, встретились Антипову на жизненном пути! Лишний раз убеждаешься: не даром русский человек славится широтой и добротой души своей. Потому и благодарности Антипова к людям не измерить, как не пересчитать листья на деревьях.

И когда случалось ему выступать на торжественных вечерах, встречах, он говорил:

— Люди, огромное человеческое спасибо вам за все, что вы сделали для меня. Этого забыть невозможно.

...В разгар Гражданской войны по решению Петроградского гублесакома в Тихвине была открыта лесная школа. Шли годы, рос техникум, менялись его названия, но всегда он оставался кузницей кадров для важной отрасли народного хозяйства. Одним из лучших выпускников, гордостью техникума считают Антипова, первого лесничего в нашей стране, удостоенного высокого звания Героя Социалистического Труда. Сам Петр Григорьевич тепло говорит о техникуме:

— Он помог мне стать человеком...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Со второго курса техникума 18 июля 1941 года призвали Антипова в армию. Призывников сразу послали учиться. Петр, как и многие его новые товарищи, просил, чтобы его направили на фронт. Он убедительно доказывал, что как пехотинец вполне готов сражаться на фронте уже сейчас, что знает, как надо обращаться с винтовкой, гранатами, пулеметом. Будучи студентом, он изучал оружие, охотно участвовал в учебных стрельбах. Его пули всегда метко ложились в яблочко мишени. Он отлично стрелял из боевой винтовки и носил на груди значок «Ворошиловский стрелок». Впоследствии, когда пришлось стрелять по фашистам, это ему пригодилось.

Но и Петру, и всем другим молодым необстрелянным парням, которые рвались на фронт, сказали, что надо учиться, а схваток с оккупантами еще хватит и для них.

Началась боевая учеба. Петр был направлен в училище радиоспециалистов. Потом часть курсантов послали в танковый полк — нужны были стрелки-радисты. Попал туда и Антипов.

Вскоре молодое пополнение, еще ни разу не побывавшее в боях, оказалось в осажденном Ленинграде. И Петр тоже пережил все ужасы вражеской блокады. Видел здесь беспримерное мужество и стойкость советских людей.

По легендарной Дороге жизни, через родные для Антипова приладожские места, зимой сорок второго года танкистов вывезли из Ленинграда на станцию Войбокало. А в мае танковый батальон, в котором служил стрелок-радист Петр Антипов, был уже под Москвой. Потом участвовал в боях на Ржевском направлении, на Брянском...

Был бой, который остался особенно памятным Антипову.

...На Брянском направлении, не выдержав нашего огня, фашисты отступили. Быстро замаскировав машины, танкисты расположились на короткий привал. И вот уже одни занялись письмами к родным, других богатырский сон свалил прямо у брони.

Петр сел на примятую траву, снял шлем. Стоял прекрасный летний вечер. Воздух был теплый и густой от ароматов лугов. Впереди открывалась взору красивая панорама. Две густые дубовые рощи и между ними широкое желтое поле — цвел подсолнечник. В лучах заходящего солнца поле полыхало золотом.

Много разных мыслей мелькало в его голове. Думал о доме, о матери, о готовящемся наступлении. Отчетливо представил себе, что будет здесь после боя, когда гонки примнут гусеницами всю эту красоту, покорежат и вековые рощи. А ведь были и здесь тихие, мирные вечера. Гуляли в дубравах влюбленные, тут, может, прощались, уходя на фронт. А сейчас? На дубах сидят вражеские «кукушки» с автоматами. Притаились в тени дубрав пушки и минометы. Наверняка там немало черных воронок, смертельно израненных, обожженных корней и стволов.

«Из-за них, гадов, страдают и люди, и природа, — думал Петр. — Кончится война, быстрее новые города построишь, чем на месте загубленных новые леса вырастут».

— Ты слышал, Петя, как вчера пленный фриц поучал нас? — со смехом подсел к фронтовому другу светловолосый Саша Малков. — Вы, говорит, русс зольдат, очень неверно воевайт. Ночь есть спать, бах-бах ночь — найн. — Парень комично помогал жестами коверканной на немецкий лад русской речи. — Вот чего гады захотели. Спокойно спать по ночам. Бай-бай тихо-мирно, стрелять — ни боже мой. Пусть фриц отдыхает, видит во сне сказки.

— Ох, и чешутся руки сыграть им зауспокойную, чтоб крепко спали и забыли привычку на ночлег в чужой дом ходить, — негодовал Петр. — И не днем бы дать им жару, а именно ночью!

— Похоже, что так и будет. Коль наступление началось, то нам возле этой прекрасной рощи стоять ни к чему. Верно? — подмигнул Саша другу. — А впрочем, ты же лесовик. Тебе вся статья задержаться здесь и погулять по дубраве. То-то ты, вижу я, все глаза на нее пялишь, — поддразнивал Малков.

— Перестань, Саша, — отвечал Петр, — мне этот русский дубняк с немецкими «кукушками» на деревьях вот как хочется прочесать пулеметной очередью... А дубравы здесь действительно редкостные... У нас вот в Волхове другой лес — поскромнее, правда, больше его.

...В сизые предутренние сумерки подвезли снаряды и горючее. Экипаж старшего лейтенанта Попова получил для своего «КВ» сто четырнадцать снарядов и сорок пять пулеметных дисков.

— Гостинцы хоть куда, — улыбнулся Саша, принимая от Петра очередной снаряд.

Танки загромыхали в тот полутемный час суток, когда ночь почти минула, но утро еще не наступило.

— Едем фашистов будить! — весело крикнул Петр другу.

Сначала шли развернутым строем. Место степное, открытое. Немцы молчали. Танки зашли в колышущееся поле. Нехотя падали под гусеницы тяжелые головы подсолнухов, вскормленные добрым русским черноземом. А издали казалось, будто башни подводных лодок мелькают среди желтых вод.

И вот, точно очнулись спросонья, разом подали голос «кукушки». Да так остро, что пехоте, идущей следом за танками, было не подняться.

Антипов брал на прицел пулемета особенно густые кроны дубов. Меткая очередь, и на землю падал тяжелым кулем таившийся в ветвях враг.

В стремительной атаке ориентироваться особенно трудно. И от стрелков в такой обстановке во многом зависит успех боя. Но Малков и Антипов, как и другие их боевые друзья, отлично знали свое дело, воевали смело, находчиво. Пулемет у Антипова раскалился до такой степени, что до него нельзя было дотронуться. От горячего воздуха даже рябило в глазах.

Но танки рвались вперед, к цели. Вот уже рядом дубовые рощи. Но радоваться было еще рано. Заговорила артиллерия, приближались немецкие бомбардировщики. И сразу полетели в сторону наступающих белые ракеты. Но что это? Точно такие же сигнальные ракеты полетели и в сторону врага. Покружив, летчики повернули обратно, не сбросив груза. Хитрость старшего лейтенанта А. С. Попова удалась.

Поздно подключившись, артиллерия противника уже не смогла остановить лобовую атаку наших танкистов. Вскоре дубовые рощи были отбиты у врага. Большинство захваченных орудий оказалось с полным комплектом снарядов.

Медаль «За отвагу» осталась у Петра Антипова в память об этой атаке.

ДОРОГИ ФРОНТОВЫЕ

Бульвар Чайковского, где жили старшие Антиповы, а теперь их сын Владимир, одним концом подходит к площади имени В. И. Ленина, другим упирается в прибрежный парк на реке Волхов. Летом ветки пенсильванского ясеня качаются возле самых окон.

В синие сумерки Петр Григорьевич любил постоять на балконе, наблюдая затихающий город. Слышались редкие всплески весел, глухие гудки тепловоза на том берегу, молодые голоса. В прохладном, освещающем воздухе крепче, чем днем, настой трав, цветов. В такие минуты острее чувствуется глубокая взаимосвязь всего земного. И сложное кажется простым, а малое — великим.

Все же летом вечера он чаще проводил в саду, если, конечно, не было по телевизору передачи о войне. Тут уж к нему не подступай с вопросами и не мешай. Домашние старались в ту комнату, если что-то надо, на цыпочках пройти, хорошо его понимая. А ему, особенно в документальных кадрах о войне, все хотелось увидеть, не мелькнет ли знакомое лицо, знакомая обстановка боя, местность. Однажды, когда шёл седьмой фильм из эпопеи «Великая Отечественная» — «Оборона Сталинграда», он просто переполошил всю семью, закричав, словно вне себя: «Бегите, смотрите — это наш «КВ» из лоцины поднимается». Жена, дети прибежали, а он, как в лихорадке, все твердит, что это наш танк. Наш — это значит 3-й гвардейской танковой бригады. Цифра «три» у каждого танка крупно на башне. «Этот танк вел или Колпаков, или Трегубов, это точно», — уверял он потом.

После боев под Сталинградом Антипов воевал на Белорусском фронте. Надо сказать, что одно пекло не лучше другого. Вот хотя бы форсирование Десны...

Задача стояла трудная. Наши танки должны были прорваться к переправе с высокой сопки, которая простреливалась немцами с низкого противоположного берега. Успех мог решить стремительный бросок наших танков, их натиск. Танкистам так и разъяснили задачу: главное — быстрота и ловкость, а переправа у саперов уже налажена.

— От такого прицельного огня блохе и той не увернуться, невесело пошутит кто-то. — Ведь мы у них как на ладони.

— Да ведь не первый снег на голову, — отвечал на шутку Антипов, — будем считать, что нам еще повезло: с горы спускаться легче, чем на гору идти.

И вот началось. Немцы сразу же открыли огонь из дальнобойных орудий по устремившимся к переправе грозным машинам. Черная земля взлетала вверх тут и там. танки, грохоча, шли и шли вперед. Словно им и преграды не могло быть. Вперед вырвалась машина старшего механика-водителя Михаила Тарханова. Та, на которой был и Петр. Переправа совсем рядом. Но вдруг перед самым танком оглушительно треснуло. Да так, что танк сразу запылило едким дымом, гарью. Горячий воздух перехватил дыхание. Видимости никакой. Но Тарханов, запомнив оставшийся

путь, сквозь завесу пыли и дыма круто повернул машину и первым выскочил на переправу. За ним прорвался через огонь второй танк, третий... Под тяжестью брони оседал легкий мост, сваи уходили в речной грунт. И когда последний танк, который вел Трофименко, перебрался на западный берег, мост прогнулся до воды.

На реке Сож мосты были взорваны. И Восьмой отдельный гвардейский тяжелотанковый полк прорыва форсировал этот водный рубеж под огнем врага прямо вброд. Завинтили все пробки, воды — по смотровую щель, а временами и заливало, когда илистое дно затягивало тяжелые гусеницы. И все же прорвались, оставив позади себя еще одну полосу свободной от врага советской земли.

С Белорусского фронта после переформировки полка Антипов опять попал на родную ленинградскую землю.

Знаменитая Воронья гора, воспетая Михаилом Дудиным. Кажется, до нее рукой подать. А тогда с исходных позиций — с Пулковских высот — танки с боями шли до нее целый день. Для многих боевых друзей Петра этот путь оказался последним. Но его прошли за них те, кто остался жив. Прошел и Антипов. Это он с товарищами под ураганным огнем чинил машину, когда мина ударила по верхней броне и разбила мотор. Это он, стрелок-радист, во время боя на коленях собрал выведенную из строя радиостанцию, без которой экипаж не смог бы наступать по пересеченной местности. Медалью «За боевые заслуги» были отмечены его мужество и отличное знание дела.

Потом шли на Гатчину, освобождали Красное Село, Волосово, Осьмино — одно за другим села и города Ленинградской области. И двинулись дальше — на Псковскую землю.

Одно село на берегу озера долго не могли отбить. Поступил приказ командования: узнать, как укреплены позиции врага, где находятся боевые точки. Решено было провести разведку боем. Для выполнения задания послали два опытных, или, как говорили фронтовики, пристрелянных экипажа. Антипов тоже был в их числе.

Из вчернего сообщения
30 августа

II. На Центральном фронте

В течение 20-ти дней наша войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, прилагая героические усилия и отчаянные усилия...

материю вопроса; уполномоченным, что касается...
Я считаю, что...
Ленинград...
Николай Курт...

Танкисты знали, на что шли. Вызвать на себя огонь, суметь прорваться как можно ближе к позициям врага и успеть передать сведения.

Начало марта сорок четвертого года. Еще кругом снег. Возле деревни место совсем открытое — пожня. Антипов настроил радиостанцию. Связь прямая — с командиром полка. Двинулись сразу оба танка по команде. Немцы встретили разведчиков ураганным огнем. Особенно усиленно палили из трех изб, стоящих чуть подалее от деревни. Один танк отстал, видимо, было попадание, и ему поступил приказ вернуться. А Михаил Тарханов вел танк прямо к трем домам и уже подошел к ним вплотную. И вдруг — прямое попадание. Еще одно!

— Два прямых попадания по танку, — доложил Антипов.

— Повтори, — услышал он громкий голос Бориса Горланова. И в это время ударило еще раз.

— Три прямых попадания по танку!

— Назад! — поступила команда подполковника Красноштана.

Петр передал приказ Тарханову. Танк стал двигаться назад. Петр продолжал усиленно стрелять, стараясь зажигательными пулями прошить стены и крыши крайних домов. Он понял: там гнездится враг.

Но вдруг еще одно попадание — четвертое. Противотанковая болванка пробила правый борт машины и попала в водителя. Тарханов рванул с места и повис на плече у Антипова.

— Миша! — закричал Петр и увидел — лицо в лицо, что голубые глаза друга становятся неподвижными, чужими.

Безжизненное тело водителя положили на сиденье.

Танк стоял. Петр выжался на руках через люк радиста, вывалился через крыло и отбежал за корму танка. Павел Чугайнов, младший механик-водитель, пролез в отделение управления, пересадил мертвого товарища на место радиста и только хотел нажать на стартер, как в это время удар по правому борту — пятый! Чугайнов и Демидов выскочили из танка. И тут Антипов решил вернуться и попытаться все же вытащить тело погибшего товарища. Он вскочил на гусеницу, но взрывом его отбросило навзничь, прямо в лужу растекающегося горючего. Лежа,

он видел, как в небо из башенного люка и люка радиста вырвались два столба огня и дыма.

Так четвертого марта 1944 года погиб Михаил Кириллович Тарханов. Антипов многие годы переписывался с братом Михаила.

...Отходили не группой, а порознь по открытому полю, под минометным огнем. В горячке Петр не сразу сообразил, что одежда на нем горит. Он сбросил шлем, катался по снегу, что-бы сбить пламя. Сдернул прогоревшую фуфайку и перебежками пробирался к лощине.

— Мишка сгорел, — только и мог выговорить Петр, без сил упав на руки товарищей.

Благодаря этой разведке было выяснено, что возле селения — противотанковый ров, что за домами установлены противотанковые орудия, минометы, замаскированы танки. Это возле деревень Богдановка и Обижа Псковской области наша разведка боем наскочила на линию обороны «Пантера».

Орден Красной Звезды был вручен Антипову за выполнение этого боевого задания.

Вскоре после описанных событий Петр уезжал на Кировский завод, где полк ремонтировал свои танки. Он не мог там сразу приняться за ремонт: от ожогов пузырьками вздулись ладони, еле ходил, сильно болела от ушиба поясница. Его попросили чаще бывать в цехах и рассказывать рабочим о том, как воюют фронтовики, что видели танкисты на оккупированных территориях после их освобождения.

Вспоминал Антипов, как однажды его попросили навестить рабочего, которому во время бомбежки оторвало обе ноги. Петр долго беседовал с ним, говорил о подвигах советских людей на фронте, убедительно доказывал удрученному человеку, что все наладится и что он будет жить и трудиться. А сам все же поражался: «Да как же ему теперь жить?» Откуда же было знать Антипову, что судьба с ним обойдется еще круче...

Все лето и осень воевал он на Карельском перешейке. Красивый озерный край.

— Бывало, стоишь на посту, — вспоминал Петр Григорьевич, — и сквозь разговор пуль услышишь журавлиное курлыканье или гортанные крики гусей. Летят птицы в теплые края...

Да, природа живет по своим вековым законам. Наперекор страху и огню. И никогда войне не сдержат этой всепобеждающей силы жизни. Никогда злу не одолеть добра.

Хочется заметить, что к птицам у Антипова особое пристрастие. Вот многие солдаты через все сражения и трудности пронесли, сберегая, любимую книгу. У одних это были стихи, у других — повесть о героическом подвиге, а Антипов по всем фронтам возил и домой вернул книгу профессора С. С. Турова «Перелеты птиц». В ней нет ни одной страницы, где не было бы какой-нибудь его пометки.

Книга обернута плотной пожелтевшей бумагой. Это оказался фронтовой выпуск «Боевого карандаша» №24 под заголовком «Смелый лесник». Рисунки художника И. Астапова рассказывали, как лесник Сырев задержал двух фашистских летчиков с подбитого самолета.

Словом, и тут не обошлось у Антипова без лесной темы, и, выходит, сохранил он две реликвии — книгу, изданную в 1941 году, и плакат военных лет.

ПЕРЕКРЕСТОК СУДЬБЫ

Не любил Антипов вспоминать тот день, когда он попал на перекресток своей судьбы. И долго неизвестно было, будет ли продолжен отсюда его путь или закончится на том огненном рубеже его молодая жизнь.

Не любил вспоминать, но ведь он был, этот проклятый день, был! Он напоминает сам о себе ежечасно, ежеминутно. Не любил вспоминать подробности того боя, но приходится возвращаться памятью к тому времени, когда жизнь его висела на волоске, подобно осеннему листу, еще не отлетевшему, но лишь невидимой нитью связанному с соками ветвей...

И словно про него описано у Твардовского, единоборство Воина со Смертью, в поэме «Василий Теркин»:

Полно, полно, молодец,
Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой, да не жилец...
Истекал уже он кровью,
Коченел, спускалась ночь...

А солдат свое:

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

...Когда Антипов рассказывал о том последнем сражении, по-особому волновался: «А было это так...»

Долго молчит, весь как-то внутренне собирается, напряжинивается, словно готовится к прыжку в ледяной омут. Потом продолжает, вроде, постепенно успокаивается и даже иногда пошутит над собой, горько так пошутит.

«Было это в Польше на Наревском направлении 15 января 1945 года. Группа наших танков шла без разведки в бой. По приказу выехали мы из кустарника на чистое поле, а по белому снегу поперек него черная траншея, видно, что свежевырытая. По этой траншее, где были фашисты, мы и начали стрелять из пулеметов. С башни бил Василий Медведев. Когда у меня пулеметный диск кончился, сразу взялся перезарядить его, но тут же отдернул руку, до того пулемет был горячим. Показалось мне, что уж очень тихо в танке. Справа от меня старший механик-водитель Самардак смотрел в танковую щель. Спрашиваю: «В чем дело?», он отвечает: «Мотор не работает». «Так заводи», — говорю ему. Стартер крутится, а мотор никаких признаков не подает. Оглянулся я назад, в башню, там никого не видно, светло, а из-за шиберов пробивается дым из моторного отделения. Значит, люк открыт и танк горит. Что будем делать, спрашиваю у Самардака, а он: «Выскакивай!»

К люку вскочил. А меня провод от радиостанции дернул назад. Тогда шлем сбросил и буквально вывалился через крыло. Зная, что бьют по левому борту, хотел спрятаться за правый, тут смотрю — траншея полная фрицев, как грудные мишени стоят. А у танка старшина Василий Медведев лежит убитый.

Побежал вдоль траншеи, мелькнуло в голове, что так им будет труднее в меня попасть. Стреляли или нет, не знаю. Наверно, стреляли, так как в левой ноге, в икре, било пулевое ранение. Смотрю — блиндаж, отверстие маленькое квадратное, не больше 50 сантиметров, я в эту ячейку и прыгнул. Там немцы, они, пожалуй, ждали команду после артподготовки встретить нашу пехоту. Один фашист дал по мне очередь. Тогда показалось, что мне прошил он грудь, и я убит. За все годы войны до этого не был ранен, судьба щадила, — так, отдельные царапины. Помню, еще до войны мать рассказывала какую-то давнюю историю о драке парней в деревне. Один из них в запальчивости побежал домой за ружьем, а парни кто куда. Он выбежал с ружьем и пальнул в случайного прохожего. Прямо в грудь. Тот еще долго бежал по деревне, потом упал. А когда его на другом краю деревни спросили, что с тобой, он еще успел ответить: «Меня убили». Вот и я в тот момент, если не сказал вслух, то в мозгу такие слова пронеслись: «Меня убили!» Стрелял гитлеровец почти в упор. Я видел, как гильзы из автомата кверху выскакивали. Я упал, помню полз, помню удары ногами, прикладами, и та же мысль: «Меня убили».

Когда чуть поднял голову, вижу — с правого угла фашист в меня целится, я уронил голову, одновременно щелкнул выстрел, и я снова подумал: «Теперь убит». Но фашист не попал в голову. Я бы с такого расстояния в него не промахнулся.

Немцы что-то закричали и побежали. Слышу — наверху бой. Хотел повернуться и чувствую — не могу. Вижу, левая рука как-то неестественно загнута. Положил ее на живот, а она как не моя. Прижался вдоль стенки блиндажа. Чувствую, то ли в забытьи впадаю, то ли тихо наверху

стало. Смотрю, ползет фриц с автоматом. Сейчас, думаю, будет шарить по карманам, увидит, что живой, и добьет. Но он брякнул котелком, потом что-то взял и пополз обратно. Я успел за это время кобуру расстегнуть, но курок не мог взвести одной рукой, попробовал зубами — никак.

Показалось, что стало темнеть, кое-как на коленках выполз — посмотрел сразу на свой танк, его наполовину закрывал другой, и оба горелые. Это миг заняло, а глянул вперед — немецкий танк, за ним солдат шесть-семь. Последний из них размахнулся и кинул в меня гранату. Она пролетела надо мной в блиндаж. Мозг сработал: три-четыре секунды всего, не успею ее выбросить. Прижался к стене, грохнул взрыв, посыпался песок. А меня будто кто лопатой по левому боку огрел.

Заполз обратно в блиндаж, вижу, там пяточка сена, положил на нее голову и забылся.

Когда наши пошли в атаку — услышал, видать, очнулся. При артподготовке один снаряд ударил по задней стенке блиндажа, оборвались бревна. Сначала пробежал, задыхаясь, фриц, потом слышу — наши пошли, но пехоты, видать, немного было. Я пытался крикнуть: «Славяне!», но меня не услышали...

Потом опять шаги, по мерзлой земле их снизу хорошо слышно. И опять: «Славяне!» Боец щелкнул затвором: «Кто там еще?» «Я один». Он заскочил в блиндаж, хотел вытащить меня за левую руку, но моментально бок у меня сделался горячим, видимо, кровь пошла, и боль прошла. Тогда он за фуфайку и за воротник потащил. «Сам можешь?» — спросил молоденький солдат. «Могу», — ответил я, и пытался подталкиваться ногами, но чувствую — не мои ноги.

Валенки-то были мокрые. Ведь мы до этого боя стояли в лесу, под танками рыли ямы, разжигали там костры: и машины отогревали, и сами грелись. В ямах этих и грязь, и вода от растаявшего снега. А оказалось, что в блиндаже этом я пять суток пролежал, кровью истек, обморозился.

Так вот, когда мой молодой спаситель подтащил меня к выходу, я увидел маленький квадратик неба и облачко на нем, и боюсь глазами своим поверить. Небо вижу — значит, живой.

Моего спасителя кто-то позвал по фамилии, но вот я не запомнил ее, так мне от этого горестно. Состояние мое тогда уж неважное было.

Пришли ребята, человек пять, вытащили меня из блиндажа, на телегу положили, в ноги еще один легкораненый сел, и повезли нас в медсанбат. Помню, я все пить просил, все во рту пересыхало. А сестра придет, оботрет губы или мензурку спирта в рот вольет.

Стали меня раздевать, забинтовали руки. Усатый санитар пытался с меня валенки снять, вижу — дергает, а я ничего не ощущаю, ног не чувствую. Разрезали валенки, портянки он разматывает, а они промерзлые, аж трещат. «Эх, парень, парень, да ты же ноги отморозил».

Сестра вырезала с гимнастерки ордена, медали, документы достала, завернула все в марлю и мне под голову. Береги, говорит. И ложку солдатскую положили, она и по сей день со мной. Завернули меня в «конверт», сверху шубой накрыли и понесли в другой конец блиндажа. Подошла врач, посмотрела на меня и велела влить две ампулы крови. Потом сказала: «Вон, танкист ожил, даже румянец появился».

Потом, помню, пришли двое и спросили, нет ли у вас танкистов. Я вижу Труфанов и Бочаров. А они посмотрели на меня и пошли дальше, не узнали. Вижу, уходят, тогда я голос подал: «Иван Иванович!» Труфанов сразу остановился, а потом не удержался: «Ох, Петька, неужели это ты?!»

После на полуторке привезли в госпиталь, что располагался в польском городе Говорного. Слышу слово «газовая», ну, думаю, невеселые дела. Там сразу ампутировали левую руку по самое плечо. Наверное, общий наркоз давали, да я слабый был — ничего не помню. Только когда мыть стали, вижу, я уже без руки.

После бани — в «газовое» отделение. Тут все хорошо знали, что такое газовая гангрена. Помню, там вечером капитан играл на гитаре, играл, как мог, рука у него плохо слушалась, а молодой солдатик без руки пел частушки. Раненые шутили: «Вот выпишут, будешь руководить женской бригадой, повеселишь девчат». Утром зовут: «Эй, артист, пора завтракать». А он ни звука. Посмотрели, а веселый наш «бригадир» умер уже. Вот она, гангрена.

В этом госпитале ампутировали мне и обе ноги. Лежал я тогда, как в бреду, голова на подушке в собственном рассоле от пота, температура высокая, вроде опять, как в горящем танке. Часто ко мне подходили медики, пальцы иголками кололи. «Чувствуешь?» — спрашивали. «Нет». Однажды сразу несколько врачей подошли к койке. У меня глаза закрыты, но не сплю. «Ну что?» — это они между собой. Кто-то поперёк обеих ног чиркнул то ли инструментом, то ли карандашом. Чувствую, значит, по живому. Тут потом и отрезали — ниже колен. А тогда еще, слышу, толкуют: «Какой сильный организм». А у меня, вроде, и сил не осталось. Ну, думаю, нельзя подводить, раз на меня надеются.

Перед операцией мне объяснили, каково мое состояние: ноги у меня уже черные, как ботинки. «Другому бы не сказали, а тебе можно, ты сильный, бороться можешь. Надо обе ноги ампутировать». Режьте, говорю, а сам как в тумане каком: со мной это происходит или нет?

Проснулся, смотрю, медсестричка Анечка на койке сидит, бинт завязывает. «Ой, — говорю, — ноги-то какие стали». Она отвернулась, наверное, чтобы слез не показать, так как вижу — плечи у нее вздрагивают.

Потом и правая кисть чернеть начала. Эх, черти, похоже, не всё еще отрезали. И опять говорят, надо ампутировать. Ну, а мне ничего не остается, как опять соглашаться: «Режьте». После этой операции в санитарном поезде отправили из Польши в Саратов. Там госпиталь располагался на улице Рабочей, в школе. Когда начал ходить, конечно, на четвереньках как младенец, то с коридорного окна увидел Волгу. Река знакомая, дорогая всем. Под Сталинградом бились насмерть, чтоб не пустить врага за Волгу.

Словом, начал осваивать пространство — в другие палаты ходил, в коридор. В Саратове начались новые мои мытарства, новые операции. Сначала сделали чистку свищей, потом реампутацию ног, чтобы опорные культы устойчивыми были. Хирурги были муж и жена, вот, к сожалению, фамилию забыл.

Сделали они все на совесть, тысячи километров «накрутил» за прошедшие годы.

Шефство надо мной поручили хирургической сестре Зое Шумельной. Она кормила меня завтраком, приносила книги. Очень добрая, внимательная, красивая к тому же. Не успел оглянуться, как уже не обойтись без нее, утром не дождусь, когда ее каблучки застучат в коридоре. Оказывается, с ампутацией конечностей чувства не ампутуются. Словом, влюбился я в Зою. Скажут, непростительно с моей стороны, в таком-то положении. Так сделайте хоть скидку на возраст — мне было 24 года. Да и не я один такое переживал — в палатах лежали все больше молодые солдаты, которые на войну ушли безусыми, не успели получить все, что молодости положено. Худо ли, хорошо, а это чувство помогало нам выздоравливать, тянуться к жизни. Кстати, почти сорок лет спустя получил я от Зои письмо. Узнала меня по фотографии в «Неделе»...

Обедом кормила меня старшая медсестра, а ужином — шефы с деревообрабатывающего комбината, чаще молоденькая девушка Тоня. Там, в Саратове, попросил девчат принести мне какую-нибудь книгу о лесе. Сначала не могли найти, а потом у букиниста купили том профессора Г. Ф. Морозова «Учение о лесе». Как они этим меня порадовали! Эта книга со мной, многократно в работе к ней обращался, а в госпитале прочитал не раз с большим интересом.

В Саратовский эвакогоспиталь №3313 мама приезжала и держалась молодцом, меня еще подбадривала. Она больше всего боялась, что у меня глаза спалены, ведь знала, что танкисты всегда обгорают. А я лежу закрытый простыней, гляжу на нее здоровыми, радостными от встречи глазами. Страх, конечно, за нее в этот момент в душе дикий: ведь ей только предстоит узнать, какой я там, под простыней-то. Но она просто герой. Я уж потом дома узнал от соседок, как она представляла нашу жизнь. «Ничего, — говорит, — ладно, что живой, я войне и так двух сынов отдала. Применимся как-нибудь к жизни. Зимой его на санках в лес буду возить, летом на тележке. Без лесу-то он не сможет». А мне и тележки не потребовалось, по всем лесам черт меня носит, все не набродиться досыта.

В зиму 1945 - 1946 годов меня отправили в Москву. Там мне профессор Лабок сделал «кисть Крукенберга». Тогда я вспомнил, что еще в детстве видел на базаре человека с такой рукой, он просил милостыню. Ну, думаю, мне

такая жизнь не подойдет. Раз наука называет мою руку кистью, пусть она работает, а не иждивенкой живет.

Там же таких как я, без четырех конечностей, лежало человек пятнадцать. С узбеком Халтурой Курбатовым мы тогда подружились. Теперь не знаю, как его судьба сложилась, а хотелось бы узнать. Лежал там и белорус Михаил Бульга, Георгий Купалов. Где они сейчас?

Вот такая история...»

Петр Григорьевич подвел черту своему долгому рассказу. Уже спокойно, словно говорил не о себе, а просто о человеке, которого знает давно и хорошо. Повторил еще раз: «Вот и все, и про тот бой в Польше, и про то, что было после...»

Не забыли и поляки горячих сражений на их земле. Антипову в день 50-летия Вооруженных сил СССР были вручены награды Польской Народной Республики — медали «Победа и Свобода», «За Варшаву» и «Знак Грюнвальда», как символ объединенных усилий славянских народов в борьбе против фашистов.

ЗА ПЕРВЫМ ШАГОМ — ВТОРОЙ

С детства, чутко наблюдая природу, Петр уяснил главное, что потом не раз помогало ему в жизни. Природа не знает остановки, не терпит бездействия. Остановился — значит, пропал. Любая малая птаха, самый крохотный и слабый росток пробивается, что есть сил, к свету, борется за жизнь. Сквозь каменистый грунт, сквозь асфальт — пробивается! В засуху, в морозы держится до последнего.

Прекрати борьбу, сдайся — и ты погиб.

Петр не сдался...

Но и борьба для него не кончалась с каждым завоеванным рубежом, большим или малым — все равно. Закончив техникум, Антипов с увлечением принялся за работу. И здесь ему опять было непомерно труднее, чем любому другому выпускнику. Перед ними лес ставил вопрос: «Знаешь ли ты?» А Антипов должен был думать еще и о том, сможет ли, выдержит ли?

Правда, первое испытание он выдержал еще до того, как получил диплом. ... На производственную практику Петр приехал в родные края, в Волхов. Знакомился с работой, выполнял задания техникума, осваивался в коллективе. Но все это было как бы введение, он чувствовал, что главное испытание — впереди. Ведь работать лесоводом — значит, в первую очередь, без устали ходить, ходить и ходить. Быть постоянно в дорогах, целые дни проводить на лесных делянках (и ведь на протезах). Хотя он и попривык к ним, и все чаще старался обходиться без «третьей опоры» — без костыля. Но какая это мука — ходьба. Сможет ли он? Петр понимал: он должен не только рассеять сомнения, убедиться в собственных силах, но и людей убедить.

И вот однажды во все лесничества была передана телефонограмма о том, что в лесхозе состоится семинар с выездом в Ежевскую дачу к опытному леснику В. П. Кузьмину.

— Тебе бы, Петр, тоже полезно было посмотреть рубки леса хорошего хозяина, — как бы мимоходом сказал студенту-практиканту бывший тогда директором лесхоза В. Н. Лукин.

— Сможешь пойти?

Петр знал: только одного ответа ждет от него старый лесовод, и сказал: — Пойду.

До разъезда ехали на поезде, а там пешком по лесным тропам. Было жарко. Через речку Ширицу, где обычно в заводях зубастые щуки прячутся, шли посуху. Безветренный, как замерший, день. Будто и он насторожился, наблюдая поединки человека с самим собой. И только прилипчивые оводы поддразнивали и исподтишка набрасывались зло и неотступно.

Лишь вечером, когда легкая прохлада стала спускаться на землю, участники семинара вернулись на разъезд. Позади был долгий и трудный путь целого дня. Пройдено километров пятнадцать. И время прошло в напряженной учебе. Многие устало прилегли на траву, ожидая поезда. Все утомились и притихли, говорить и то не хотелось. Петру было так трудно, как, казалось, не было никогда. Но он крепился изо всех сил. Предстояла еще обратная поездка и неблизкий путь от вокзала до дома. Сможет ли он дотянуть?

Лукин подошел к Петру, сел рядом и осторожно положил ему руку на плечо. Добрые пронизательные глаза лесоведа все понимали. Но не жалость к парню была в них, а радость и глубокое одобрение его выдержки.

— Ничего, не робей, — доверительно сказал он. — Будешь работать! Вот закончишь техникум и приезжай к нам.

Антипов оправдал такое доверие. А потом, как он сам говорил, до того осмелел, что поступил в Ленинградский Всесоюзный заочный лесотехнический институт, который позже переименовали в академию. И тоже успешно закончил учебу.

ЛЕСНАЯ КНИГА

Даже людям, искушенным в лесных делах, не говоря уже о туристах и школьников, интересно было с Антиповым в лесу. И все потому, что он беззаветно любил лес. Для него каждое дерево и лист, гриб и валежник, просека и след, дупло и голоса птиц — все равно, что открытая книга. Идет он, покачиваясь, чуть подавшись вперед, глядит зорким взглядом и, словно страницу за страницей, листает эту замечательную книгу. И, слушая его неторопливый задушевный рассказ, не устаешь поражаться, сколько нового и удивительного на каждом шагу.

Шуршат под ногами опавшие листья. Невольно приходят на память стихи волховского поэта Сергея Сказкина:

А листья все падают,
Медленно падают
На мякоть земли,
В придорожные рвы,
Чтоб чьи-то глаза
Напоить и обрадовать
Кипением яростным
Новой листвы.

И в этот миг нетрудно представить, как кипит под ветром зеленое буйство крон. «Здесь бы по вёснам яблоням цвести, — говорит Петр Григорьевич. — А что? На солнечных полянах яблоне, вишне самое место. Проведем в лес дороги, вдоль дорог черноплодную рябину посадим, шиповник — этот естественный концентрат витамина С, по берегам рек, ручьев и мелиоративных каналов — черную смородину. Ведь сегодняшние пригородные леса со временем станут красивыми лесопарками.

«Перелистнул» он страницу лесной книги, и снова звучит его голос: — Вон дятел стучит. У него каждый день работа срочная, некогда отдыхать. Не зря его народ доктором леса прозвал. И впрямь доктор. Внимательно «выслушивает» дерево, ставит точный диагноз, и тут же «операция». За летний день дятел уничтожает сотни вредных личинок короедов, листоедов, гусениц. И у него много замечательных помощников: дрозды, синицы, скворцы, пищухи, поползни. Разве человеку под силу такая «ювелирная» работа? Правильно говорят в народе: «Где много пташек, там нет букашек».

Лесоводы помогают пернатым удобно строить «быт», сооружают искусственные гнезда. Ежегодно в обходах вывешивались сотни синичников и скворечников.

Многие и сейчас считают, что лес и без вмешательства человека был, есть и будет. Нет, человек удивительно меняет все вокруг. Разумная его деятельность — на пользу природе, а если только Потребительская — добра не жди.

Вот ведь исстари Русь была богата бобрами да куницами. Они даже взамен денег шли, стоимость товару давали. «Сколько кун просишь за лошадь?» — так, говорят, шли на базарах торги. А где они теперь в наших лесах, бобры да куницы?

— Жаль, что мы сейчас не в том квартале, — говорит лесничий, — я бы показал бобровые плотины. Порадовался я, увидев их в своих обходах. Ну, думаю, пора, пора вам. Милости просим. Устраивайтесь, расселяйтесь.

Кажется, и устали на него нет. Многие удивлялись Антипову. Целый день выходить на протезах, легко ли? Железный он, что ли? А у него просто воля железная и любовь к своему делу огромная. А силы и нервы — как и у всякого. И только домашние знали, как тяжело ему. Иногда казалось, что нет уже больше сил противиться ни усталости, ни боли...

Но утром снова застегивали ему сын или жена ремни протезов на еще не заживших рубцах, натертых ссадинах. Он только зубами скришит. А на сочувствие посторонних обычно отвечал шуткой: «А чего мне уставать, у меня ноги казенные».

НЕ РАСТОЧАЙ ДОБРА НАПРАСНО

Лесничество Антипов принял в 1948 году. Леса сильно пострадали во время войны. Ухода почти никакого не велось, делянки захламлены ветровалом, отходами беспорядочных рубок. Да и сам он, Антипов, еле уцелел в огне той проклятой войны. Пришел в свой заповедный лес после многих испытаний, едва поверив в себя, в свои силы, пришел на протезах, к которым еще мучительно привыкал. И они встретились — лес и человек, любивший его с детства. Лес ждал защиты и помощи. Человек хотел всей душой помочь лесу и в то же время хотел взять сил у природы, чтобы жить и трудиться как все.

В тот период особенно трудно было наводить порядок в лесу. Работать некому, техники никакой, а еще и такие находились, что с корыстной целью временно устраивались объездчиками и растранижили лес.

Как-то на лесосеку ждали Антипова, и разговор, естественно, зашел о нем.

— На его месте я бы ей-богу не работал, — говорил про Антипова один из лесорубов, про которых идет молва, что у них в паспорте некуда штампа ставить. — А что? Пенсию, поди, получает что надо, квартира, машина, да наверно, и за звездочку дают. Чего работать-то, убиваться? Ну, нет. Я бы сидел да из рюмочки потягивал.

— А ты на его место не меть. Тебе и на своем-то не усидеть долго. А вот насчет рюмочки ты мастак, что и спорить? — заметил один лесник.

— Ну, от рюмочки и Антипов, поди, не откажется, — не унимался любитель спиртного.

— Вот уж ты на его душу этот грех не клади. От работы он от любой не откажется, а уж насчет горькой — строгую линию держит. Скажи спасибо, что он эти твои рассказы не слышит, а то бы...

Как бы ни бывало Антипову тяжело, он никогда даже в мыслях не искал избавления от своей беды в рюмке водки. Скорее согласился жизни себя лишиться, чтобы разом кончить со всем. Но мутить свой разум алкоголем, превратить себя в раба поллитровки?! Нет, только не это. Он всегда по-серьезному обижался, когда кто-нибудь на вечерах, в праздники принуждал его выпить.

Зато он был так непримирим и к тем, кто не считал зазорным прийти на работу нетрезвым, подбить на это других, а то и лес сторговать за бутылку водки. Тут уж от лесничего скидки не жди.

Однажды, проверяя работу, Антипов сказал леснику:

— Давай-ка, Иван Павлович, посмотрим четвертый квартал, как у вас там санитарные рубки проведены.

— Там все сделано, — отвечал лесник, — по десять кубометров древесины с каждого гектара нарублено.

Антипов насторожился:

— Так уж везде по десять и вышло? По десять, как в инструкции сказано.

— В инструкции, — протянул Антипов, покосившись на лесника, и, оборвав разговор, резко прикрикнул на лошадь, подгоняя ее. В квартале он поспешно двинулся в глубь делянок, на ходу отводя плечом низкие ветви деревьев. Внимательно смотрел вокруг, то наклоняясь до самой земли, ища клеймо на свежесрубленном пне, то запрокидывал голову и рассматривал кроны.

— Значит, по десять кубометров нарубил? — повторил Антипов.

— Так ведь по инструкции... — начал было лесник, но лесничий перебил его:

— Да ведь каждый литер в обходе чем-то отличается один от другого, а инструкция единая для многих областей. Инструкцию надо знать, но и лес свой тоже. Ведь надо было не древесину заготовить, а правильно провести санитарный уход. Уход! Чтобы помочь каждому хорошему дереву расти в полную силу. А тут

набрали на делянке десять кубометров дров — и дело в шляпе. Ловко. И ведь «по инструкции»! А главная инструкция лесника — это его совесть. Вон с краю, поближе к просеке, и хороший лес наполосовал, а в глубине даже усыпающие деревья оставлены. Вот и инструкция. Ее тоже численную, нельзя применять.

Допоздна задержался Антипов в лесу, выявляя ошибки лесника и объясняя, как поправить их.

А пожары каждый год в лесу отчего? Тоже из-за нерадивого отношения к живой природе. Просят в лесу окурков, оставят непотушенными остатки костра — вот и загулял огонь, и тревога у лесников, и труднейшая работа. А убытки — миллионные!

А на новостройках? Смотришь, временный забор строители из хвойных досок ставят. А разве не хозяйственнее было бы осиновые сюда употребить, менее ценные? Словом, лесное добро нередко губится даже не злонамеренно, а просто так.

СИЛА ПРИМЕРА

Каждый день на работу и с работы спешили люди мимо пустыря, стараясь не замечать его. Да и что тут было приметного: тощая лебеда да колочки.

Но в одно солнечное раннее утро, когда стали оживать улицы, уже первый прохожий повернул голову в сторону пустыря. И на лице человека появилась улыбка.

Оказывается, среди запыленного бурьяна расцвели маки. Да так ярко, пышно. Видимо, чья-то рука щедро бросила сюда горсть семян. Цветы словно призывали: смотрите, как могло быть здесь прекрасно, если бы не заброшенная земля.

И вскоре на участок пришли жильцы близлежащих домов. Посадили деревья, кусты, разбили клумбы, сделали скамейки. Не стало унылого пустыря.

Вот такая оказалась сила у яркого цветка.

Многим помогли в жизни мужество и сила воли Антипова, как помогает людям подвиг Островского, Маресьева.

О большом влиянии жизни Петра Антипова на судьбы людей говорит корреспонденция в семейном архиве.

Вот телеграмма из Хабаровского края. Несколько строк: «Поздравляю праздником Октября подробности письмом Маковский».

Кто такой Маковский, в семье Антиповых не знали. Но вот вскоре пришло письмо, в котором сообщалось, что Никодим Антонович Маковский, когда-то служил на Волховском фронте, защищал Ленинград, Тихвин, Будогощь, Волхов. Его землянка была напротив станции Мурманские Ворота. Он был в колонне автомашин, которая дважды в начале сорок второго года доставляла в Ленинград продовольствие, а оттуда вывозила истощенных до крайности людей. По Ладоге, в невероятный холод.

Началась переписка. Оказалось, что обоих адресатов связывают не только добрые чувства к волховской земле, но и любовь к природе. Один — лесничий, а другой — председатель добровольного общества охраны природы.

Много новых друзей обрел Антипов после того, как в «Известиях» был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда и после помещен очерк о нем. Совершенно незнакомые люди поздравляли Антипова, звали в гости, интересовались его делами, предлагали помощь.

В письме А. И. Макаровой из Москвы есть такие строки: «Вы охраняете и выращиваете леса. Какое это благородное дело! Вся ваша жизнь — большой укор тем, кто не щадит это народное богатство».

Из письма военнослужащего И. Ф. Валяева:

«Более двадцати лет назад узнал я вас впервые, но эта встреча оставила глубокий след. Выступая перед воинами, я обязательно говорю: «Живет в Волхове человек с большой буквы. У него нам надо учиться, как жить и как любить жизнь». И сколько всегда вопросов о вашей судьбе».

Боевой друг водитель танка Петр Иванович Сычев и бывший комсорг 260-го отдельного Гатчинского Краснознаменного танкового полка прорыва, в котором служил Антипов, ленинградец Григорий Давидович Пекелис предлагали договориться о встрече однополчан.

По-разному складываются человеческие судьбы. В трудные периоды жизни человек обычно тянется за помощью к другим. Ему необходим пример, который всколыхнул бы его внутренние силы, показал выход из тяжелого положения. Не сочувствие, а живой пример мужества.

А вот письмо, адресованное матери Петра Григорьевича. Его прислали учителя, супруги Южанины:

«Дорогая Анна Кирилловна! Много лет на наших глазах росли ваши четверо сыновей. Мы и сейчас помним их мальчишками. Разные по характерам, но одинаковые в одном — ребята скромные и прилежные в учебе. Петя выделялся особой любознательностью. Вечно у него масса всяких вопросов, все хотел знать. Хорошими людьми вырастили Вы, Анна Кирилловна, детей. И это подтвердилось в годы суровых испытаний».

«НЕ ТЫ ЛИ МОЙ СЫНОК...?»

Не найдешь на белом свете такой семьи, куда бы не принесла горя та страшная война. Много лет прошло, но и до сих пор многие разыскивают своих близких, которых разметал по свету военный вихрь. Не одно материнское сердце болит от неизвестности. И как же таким не ухватиться хоть за самую крохотную нить надежды, чтобы отыскать родной след. Вот почему почта приносит к Антиповым письма, которые писала рука негаснущей веры: они от однофамильцев Петра Григорьевича.

Евгений Петрович и Юрий Петрович Антиповы пишут из села Губина Куйбышевской области:

«Наш отец пропал без вести в годы Отечественной войны. Его фамилия, имя и отчество совпадают с Вашими. Может быть, это и не просто совпадение. Всякое бывает в жизни. И мы все думаем: жив наш отец. Единственная к Вам просьба: ответьте нам поскорее».

А вот письмо Антиповой из Ленинграда:

«У моей свекрови погибло два сына, одного звали Петром. Она до сих пор оплакивает их. А когда узнала о Вашей судьбе, все думает, что Вы и

есть ее покалеченный войной сын. Напишите ей, не таитесь. Какая бы радость была у нас в семье!»

Та же тревога и в письме Александры Максимовны Антиповой из Смоленской области. Она до сих пор ждет сына домой.

«Пропиши ты мне, дорогой Петенька, всю правду, чтобы мне и не думалось, успокой материнское сердце. А если ты мой сын, то счастливее меня не будет матери».

Тяжело было Петру Григорьевичу отвечать на такие письма.

Невозможно написать обо всех, можно только порадоваться, как близко приняли люди к сердцу трудную судьбу Петра Григорьевича, и как многим помог в жизни пример его мужества, силы духа и огромного трудолюбия.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

На широкой опушке, словно выбежали из леса погулять на простор, стояли две березки. Росли ровно и становились все кудрявее. И однажды весенним днем, увидев друг друга в трепещущем зеленом наряде, они неуверенно потянулись навстречу.

С той поры их стволы, сделав крутой изгиб, растут почти вплотную друг к другу. Так и стоят они, словно не могут наговориться...

Судьба будто готовила их друг для друга. Вся жизнь Анны Тимофеевны, считай, с детских лет, сложилась так, будто исподволь готовила её к главному испытанию в жизни, словно заставляла копить стойкость и силу духа, учила терпению и милосердию. И без преувеличения можно сказать, что её жизнь тоже отмечена героизмом будничного труда, долготерпением и нескончаемыми заботами — не о себе, о других. И уже одно то, что она не побоялась взять на себя такую необычную ношу, что засветила радостью глаза истрадавшего солдата, говорит о высоком подвиге женской души.

...Детство Анны Тимофеевны прошло на природе. Отец, Тимофей Сергеевич Бутаков, работал десятником в лесу, семья многие годы жила на лесопункте. Потом переехали в Тихвин, и здесь уже леспромхоз стал постоянным местом работы отца.

Девочка ходила в седьмой класс, когда началась война. Отец ушел на фронт. Жизнь стала тревожной, враг подходил к Тихвину. В эти страшные дни школьнице, ставшей в семье старшей после матери, пришлось немало пережить. Помнит она, как, пробивая корку первого льда, медленно двигались баржи с эвакуированными, как ухали в черную реку бомбы. Склонившись над драгоценным свертком, ее мать Евгения Дмитриевна своим дыханием отогревала грудного ребенка. В семье было трое девочек, а этого единственного сына хотелось матери заслонить своим сердцем, сбереечь во что бы то ни стало, как просил отец.

Помнит Аня и свое возвращение в родной город. Как бы в разведку. Добра-лась она, где пешком, где с попутными военными машинами. На знакомой улице увидела разоренный родительский дом, огромные воронки. Хорошо хоть стены были целы. И девочка отправилась в обратный путь, за семьей.

Посоветовавшись с матерью, пошла работать в леспромхоз, где хорошо знали отца. Определили ученицей счетовода. Работала Аня с утра до вечера, да и по дому лежало на ней немало забот. Вскоре вся молодежь города ушла на оборонные работы. Аня была в бригаде меньше и моложе всех, но трудилась наравне с другими. Рыли окопы, работали на аэродроме, настилали дорогу из бревен. Сами и лес заготавливали. Часами стоя в студеной воде, багром проталкивала девочка по канаве спиленные бревна. Недоедали, недосыпали, но работали. Отлично понимали, для чего нужен их труд.

Выгнали фашистов с ленинградской земли, и вернулись парни и девчата домой. Всего семнадцать лет было Ане, а позиции уже трудная жизнь. С виду она казалась совсем подростком, однако, мысли, чувства и пережитое — как у зрелого человека.

Потом вереницей напряженных будней пролетели годы. Работала, училась на курсах бухгалтеров, в вечерней школе, помогала семье, младшим сестрам. И, наконец, осуществление заветной мечты — поступила учиться в Ленинградскую лесотехническую академию. После окончания ее Анна Тимофеевна работала в Тихвине.

Однажды приехала она в Волхов и осталась на новогодний вечер у своих друзей. Здесь и познакомилась с Петром Григорьевичем. Правда, она счита-

ет, что видела его и до этого. Как-то Аня встретила в Тихвине группу знакомых ребят из техникума. На ходу поздоровавшись, обратила внимания на одного парня. Ей понравилось его простое, открытое лицо. Она оглянулась, оглянулся и он, Петр Антипов. Эта встреча запомнилась. А тогда, под Новый год, Анна Тимофеевна впервые узнала о необычной судьбе своего нового знакомого. Они весь вечер были рядом. После этого поселилось в ней какое-то, до этого неведомое, удивительное чувство подъема, чувство непонятной внутренней радости, удивления.

— Мне хотелось каждому встречному рассказать об этом человеке, — вспоминала Анна Тимофеевна, — я тогда и сама еще не догадывалась, что полюбила Петра.

На имя «Анна» Антиповым везло. Про свою мать Анну Кирилловну Петр Григорьевич говорил, что она дважды дала ему жизнь. И это не громкие слова. Если бы не мать в те трудные для него годы, еще неизвестно, как бы сложилась его судьба. За его возвращение в строй — к труду, к учебе — она не только ратовала, убеждала, она за это воевала каждую минуту. Она была для него, если требовалось, сиделкой, поводырем, командиром. Была ласковой и требовательной. Была деятельной. Что не могла сама, шла к людям.

Судьбу ее тоже не назовешь легкой. Четверо сыновей остались на руках молодой вдовы, когда на границе в 1924 году погиб муж, с которым она прожила всего семь лет. Она считала, что это сыновья спасли ее, они не дали горю загубить ее душу. А сыновья уверены, что это она спасла их, в трудные годы вырастила всех, одна подняла на ноги. Что ж, наверное, все они правы...

Только для сыновей жила Анна Кирилловна, ни о каких утехах для себя даже и не помышляла.

Был один особенно трудный год: тяжело заболела она, не надеялась уж и встать. Но когда узнала, что ей хотят помочь — взять ребят на время в детский дом, сразу как очнулась, словно тут же и сил прибавилось. Нет, только не разлучаться, только не отрывать от сердца единственную отраду.

Материально семья жила трудно, но всегда дружно, мальчишки очень любили и уважали мать, помогали ей. Огород польют, рыбы наловят, дров наготовят...

— Хорошо мне с ними, — не раз говорила она односельчанам.

А соседи тоже при случае замечали: «Счастливая ты, Кирилловна, хорошо тебе с такими сыновьями». В школе ребят за учебу, за поведение постоянно хвалили. Ликовало материнское сердце той глубокой радостью, какая своими руками выпестована, в думах беспокойных предугадана.

Подрастали ребята, и жить становилось легче.

Но пришла война, и мать проводила на фронт всех четырех сыновей. Отдала Родине все, что было у нее самого дорогого, оставив себе только надежду. И, лелея надежду на встречу, мать ждала. А судьба уже готовила для нее удары — один сильнее другого. Погиб на фронте Федор, потом пришла «похоронка» на Владимира. Затем судьба взвалила на плечи матери трагедию Петра. Но она все вынесла и помогла выстоять сыну. И невольно поражаешься: как же ты могла столько вынести и выстрадать? Чем измерить глубину сердца твоего, русская женщина?!

Когда у Антиповых родилась дочь, то по желанию Петра Григорьевича ее назвали Анной — в честь двух дорогих его сердцу женщин. Аня закончила ту же лесотехническую академию.

АНТИПОВСКИЕ ДУБЫ

Несла сойка в клюве желудь, увидела высокое дерево, решила сесть, переложить поудобнее ношу. Но не словчила, и полетел желудь вниз. А сойка, не раздумывая, — обратно к старому дубу. Пришло время, желудь двинул вверх зеленый росток, пустил крепкие корни. И стал он с этой самой минуты силу копить богатырскую...

А неподалеку форсисто тянулась вверх молодая осинка. И стала она смеяться над дубом: «Так важно на землю шлепнулся, так широко золоченые бока раздувал, ну, думаю, невесть какое чудо вырастет. А тут заморыш, да и только. Я вот с крохотного семечка пробивалась и то в три раза обогнала его. И чувствую, как соки поднимают меня все выше».

Слушал, слушал дуб болтовню осины, да и не утерпел: «Тебе, осина, лишь бы шелестеть без умолку, а того не подумала, что мне на земле мно-

го веков стоять. Значит, надо надежно за землю ухватиться. Вот с этого я и начинаю. За год корень в глубь почти до полуметра пустил. А вверх да вширь еще развернусь. У тебя же своя дорога. До сорока лет дотянешь, а там, глядишь, и пошла гниль древесины точить изнутри. Так что зря ты, осина, спесивишься...»

Как-то слышала случайный разговор грибников:

— Да у тебя и белых много, — удивлялся один, — наверное, далеко ездил.

— Да никуда я не ездил, — отвечал тот, вон сразу за городом, где антиповские дубы растут, там и собрал.

Антиповские дубы... Мечта включить дубы в лесные посадки была у Антипова еще в студенческие годы. Правда, один дендролог в свое время охлаждал его пыл, внушая, что в Ленинградской области плохо будет для дуба, ему нужна влажная, плодородная почва. И хотя это были слова ученого, не так-то просто оказалось расстаться с мечтой.

Ведь речь идет о дубе — ценнейшей породе. Недаром и на эмблеме лесоводов — дубовые листья. С давних времен дуб считается символом могущества и долголетия. На военных орденах и нашивках дубовые листья указывают именно на эти качества.

Статистика говорит, что на мировом рынке дубовая древесина ценится очень высоко. За последнее столетие ни на один товар не повысились цены в таких размерах, как на это сырье.

И действительно: любое дерево наших лесов уступает дубу по прочности и гибкости древесины, по красоте рисунка. В пору плодоношения широкая крона дуба и земля под ней, усыпанная желудями, — богатая столовая для многих птиц и зверей. Молодая кора дуба применяется в медицине. Целительным является и воздух дубрав. Пчелы летят сюда за пыльцой. И главное — дуб живет до тысячи лет. Поражает такая завидная судьба. Как тут не вспомнить пушкинские строки:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Возможно, большие дубравы в чистом виде здесь и не вырастут, ведь почвы на самом деле неважные в Волховском районе для дуба. Это записано и в документах: «Почвы в основном дерновоподзолистые, тяжелосуглинистого состава». Но ведь это «в основном». Есть участки с рыхлой, плодородной почвой. Почему бы там не расселять дуб?

Решился все-таки Антипов. Приглядел лучшие участки земли. В первую очередь в пригородной зоне. Занес будущие работы в планы лесничества. Но где семена взять для посадки? Во всем районе дубы можно по пальцам пересчитать. Разве только в городском парке побольше. Там и собрали желуди по просьбе Антипова ученики школы-интерната. А потом лесники прорубили за городом в ольховых кустарниках «коридоры» и рядами высадили там желуди.

Шло время. Антипов не раз наведывался к заветным посадкам, сворачивая с большака, ходил по узким «коридорам», проверял всходы, а где их не было, доискивался причин гибели семян. Привозил на участок школьников, чтобы помогли одолеть сорняки. Леснику дал задание следить за участками.

Иногда, видя, как робко пробиваются дубки и как часто попадают прогалины, где должны быть всходы, лесник говорил Антипову:

— Может, Григорьевич, дубу и впрямь не по нутру наши места, не зря же он так супротивится.

— Нет, не в этом дело, — убежденно отвечал Антипов. — Почва для него тут самая подходящая — жирная и влагу хорошо держит. Вон крапива и кипрей как силу взяли, а они на тощей земле не поселятся. Скорее всего, мыши и крысы нашими желудями лакомились.

На этом Антипов не остановился, организовал посадку дуба и на других кварталах, и чистой культурой, и вместе с елью. Дубу надо, чтобы его кто-то подгонял в росте. Недаром говорят: дуб любит расти в шубе, но с открытой головой. Вот елка и служит ему хорошему подгоном, этакой шубой со всех сторон. А макушка на свету.

Много еще было хлопот с дубками. Когда же деревца поднялись до метра высотой, Антипов довольно улыбался: «Сохраним эти — и уже на рощу похоже будет». Одновременно выращивали саженцы в питомнике, чтобы высадить их там, где желуди не взошли. Словом, в лесничестве было уже более сорока гектаров дубов.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Казалось бы, хватит Антипову с лихвой ежедневных забот на своей службе, а летом — в саду. Немало у него встреч с молодежью. И в дорогу он без робости двинется, даже в Москву один ездил не раз.

И все равно ему всегда чего-то недостает. Неугомонность в нем такая — без лишних хлопот не живет. Анна Тимофеевна со страхом обычно ждала от него какой-нибудь новой затеи. Ведь волей-неволей часть новых забот ложится и на ее плечи. А ей и так достается.

Если отправляются какие-то достопримечательности Приладожья посмотреть, Анне Тимофеевне нередко приходится сворачивать с большака и колесить по лесным кварталам, трястись по вырубкам. Ее мужа и в выходной день зачастую тянут в лес служебные заботы. В воскресенье у природы много гостей, а гости тоже ведут себя по-разному. Вот и беспокоится лесничий, не случилось бы пожара, не было бы какого нарушения. И не зря иногда тревожился.

Антипов любил «помудрить» и в своем саду. Да у него, скорее, лесопарк, чем просто сад. С севера участок прикрывают ивы, у входа — стройные ели. Здесь есть яблони и березы, малина и абрикосы, туя и жасмин. И немало разных «нездешних» пород прошло тут «испытание».

Ему и этого мало. Загорелся развести пчел. Дело оказалось непростое. То зимой не сохранить семьи, то рой улетит, то болезнь у пчел обнаружится. А он не отступает. Роеется в литературе, идет за советом к опытным пчеловодам.

Не переносило его сердце, когда видел безделье здоровых подростков или безобразия, которые они безумно, «просто так» устраивают во дворах, в подъездах. Решил как-то эти наболевшие проблемы поднять в районной газете. Он писал: «Родной дом. Теперь в городе, да и на селе тоже, таким домом для нас является большое здание, где живут десятки семей, где одинаковы бытовые условия.

И все же это не главное. Главное, чтобы в каждом общем доме сложились теплые добрососедские отношения, была заинтересованность в чужой судьбе, в повседневных заботах наших детей и их будущем, чтобы были одни заботы о содержании в чистоте и порядке нашего общего жилья.

Всегда ли так бывает? К сожалению, нередко увидишь другое.

Зеленым другом называем мы насаждения, которые украшают наши улицы, жильё. Пройдите по городу, и вы заметите, что в одних домах и дворах и балконы, и газоны — все в зелени, в цветах. Возле других — голо и уныло, как на пустыре.

Есть такая народная пословица: «Девка, мой крыльцо - твое лицо». По опрятности жилья можно судить и о его хозяевах. В каком отличном виде получают новоселы новый дом. А спустя некоторое время можно наблюдать неприглядную картину. Стекла входных дверей разбиты, ручки оторваны, стены в подъездах испачканы, качели во дворах изломаны.

Кто же совершил разбойничье нападение на жильё? Не было такого нападения. Это кропотливо и деловито «работают» здесь дети самих жильцов дома. И малыши, и подростки. И что удивительно, им никто не мешает. Встречаешься и с самой разнообразной «самодеятельностью» — балконы покрашены во все цвета радуги, то же с озеленением. Приезжая на обед, водители ставят под окнами автомобили, нарушая тем самым покой жильцов.

А хорошо ли позаботились мы, чтобы ребячий отдых был организован, чтобы они не слонялись по подъездам, не томились долгие часы на разгоряченном асфальте. А ведь в каждом доме найдутся замечательные умельцы - пенсионеры, которым есть чему научить ребят, заинтересовать. Разумеется, с родителей это не снимает никакой ответственности за досуг и поведение своих детей. В одной популярной песне поется:

А над миром синее
Огромная крыша.
Пусть под эту крышею
Люди спокойно живут...

Пусть спокойно, с хорошим настроением живет и трудится многолюдный коллектив любого дома. А это, дорогие друзья, зависит только от каждого из нас».

В большой читательский разговор на страницах газеты под рубрикой «Под одной крышей» вылилось тогда коллективное обсуждение поднятых Почетным гражданином города вопросов.

ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ ФРОНТОВИКИ?

Придя с работы, Антипов сразу интересуется почтой.

— Да все на столе — газеты, журналы, письма опять тебе пришли, — говорит Анна Тимофеевна. Потом добавляет умоляюще, — Петя, давай на столе-то разберу, гора уже выросла...

— Ничего не трогай, я сам разберусь, что к чему.

Не любил, когда на столе, за которым он, читая и отвечая адресатам, проводил лучшие минуты, что-нибудь передвигали без его ведома. И к корреспонденции, что шла на его имя со всех страны, он относился по-особому. Ведь все эти письма, телеграммы связывали его с прошлым и будущим, дарили радость новых знакомств и обещали встречи с фронтовыми друзьями.

А что может быть вернее фронтовой дружбы, родившейся на краю жизни и смерти, святой дружбы, скрепленной горячей кровью и одной великой целью? Разъехались по домам однополчане, но в каком бы краю они ни находились, в сердце каждого живет надежда на встречу с фронтовым другом, надежда посетить места былых боев.

Это чувство и привело в Волхов двух бывших танкистов. Ф. С. Демидов, командир орудия, приехал из Орска, И. И. Труфанов, младший механик-водитель, заряжающий, — из Серпухова. В одном экипаже служили они с Антиповым. Как изменили мирные годы все вокруг, как изменило время самих фронтовых друзей. Возгласы радости, удивления. И хотя трое уже солидного возраста, тут словно снова помолодели. И не удивительно, ведь вспоминали время своей молодости, — тревожной, боевой. Снова слышались колючие солдатские шутки, то и дело: «А помнишь?»

Вспоминать было что, — с сорок второго в одной части. В первую очередь вспомнили своих однополчан, — живых и павших. Вспоминали, как брали Котельниково под Сталинградом, участвовали в грозном уличном танковом бою в станице Манычевской, в снятии блокады Ленинграда, форсировали Десну, Сож...

Ленинградская земля по-особому памятна гостям, потому и тянуло сюда через годы.

Федор Савельевич Демидов, кавалер боевых орденов и медалей, был тяжело ранен на Пулковских высотах и на большую землю вывезен через Ладожское озеро, лежал в Тихвинском госпитале. Потом — снова на фронт, войну закончил в Германии. В радостный май 1945 года участвовал в параде Победы на Красной площади в сводном танковом полку.

Освобождал от врага ленинградскую землю и Иван Иванович Труфанов.

Александр Владимирович Малков приезжал в Волхов из Вологодской области навестить и поздравить друга. Бывшие танкисты крепко обнялись, и, конечно, сразу же начались воспоминания, хотелось узнать, как у каждого прошли эти долгие годы, как сложилась жизнь.

У солдатской дружбы закон один: если понадобится — одной ложкой из одного котелка, последний сухарь пополам, единственный бинт — раненому другу. И только пуля, если ей суждено задеть сердце, каждому своя. Впрочем, и это не всегда так. И от пули, бывает, «друга прикроет друг». В мирные дни нужны годы, а на фронте, порой, один день, даже один короткий бой раскроет всего человека.

Так было и у Антипова с Малковым. Чуть больше года шли они вместе по фронтовым дорогам, а казалось, что прожито рядом полжизни. Вот почему и встреча их через двадцать с лишним лет была встречей близких людей. И словно помолодели оба, и смеялись задорно, и было желание по-солдатски вставить «занозу», пошутить. То и дело слышалось: «Сашка!», «Петруха!» И только, когда говорили о потерях, скорбно примолкали друзья...

А потерь было немало. Даже и у них, хотя и остались оба живы. Малков с замиранием сердца узнал о трагедии Петра, а Петр Григорьевич озабоченно спрашивал друга:

- Ты когда же глаз потерял?
- А помнишь атаку у тех дубовых роц? — отвечал тот. — Тогда снаряд попал в маску пушки, и мне крохотный кусочек окалины в глаз влетел.
- Как же, помню. Тебя командир отправлял тогда, да с тобой разве сладишь. Завязал глаз полотенцем и снова к пушке.

— Тогда я посчитал, что это пустяк. Такие ли царапины не замечали? Да все и было нормально. Но вот почти двадцать лет спустя война напомнила мне о той дубовой роще.

— А здорово мы тогда фашистам побудку устроили. Подсолнухов вот жаль... Да и роще досталось...

Александра Малкова любили в полку. За то, что он отлично знал свое дело и как механик-водитель, и как артиллерист. Воевал смело, презирал трусов. Был справедливым и веселым. И на привале, и в бою — всегда с песней. Малков был из тех, у кого жестоких отметин войны осталось на теле значительно больше, чем боевых наград. Тут его война не обошла. Перенес много ранений, контузию, не раз горел в танке. Словом, «и битый, и тертый».

А с Борисом Васильевичем Горлановым Антипов встретился через 34 года после боя, когда одного направили в танковое училище, а второго повезли в госпиталь. Случайно узнал Горланов, что друг его жив и поспешил в дорогу, хотя здоровье и не позволяло.

Сидят однополчане друг против друга, вспоминают, и тяжело быть свидетелем их путешествия в прошлое, видеть слезы бывалых солдат.

— Тебе что казалось самым страшным?

— Ожидание боя... — помолчав, говорит Горланов. — Томительные, противные минуты, а когда сигнал к атаке дали, там начинается такая горячая работа, что не до страха.

— А ты был ранен? — интересуется Антипов.

— Да ты знаешь — ни разу за войну не задело, а ведь до Берлина дошел, удивительно. Наверно, замороженный...

— Как бы ни так, — хитро щурит глаза Антипов. — Просто ты очень маленький, в тебя было не попасть.

Друзья называли Горланова пупсиком за маленький рост.

— Зато мне в танке всегда просторно было, — не остается в долгу Горланов.

Особенно памятны однополчанам долгие дни в боях за освобождение ле-

нинградской земли, полное снятие блокады. То и дело звучат названия, знакомые каждому из нас: Воронья гора, Пулковое, Ладога, Мга, Тайцы, Гатчина.

Нашелся и однополчанин Георгий Минеевич Назаров, наладили регулярную переписку, приезжали в гости.

Порадовало Антипова и вот такое письмо:

«Дорогой Петр Григорьевич! Мы с вами прошли с тяжелыми боями от Калинина, через Котлубань, а еще, конечно, помните, высота 465,6, балка «смерти» под Сталинградом, а еще станицы Нижне-Чирская и Верхне-Чирская и незабываемая смертельная ночная атака там.

Преклоняюсь перед твоим мужеством не только в боях, а и в мирные годы. А еще восхищаюсь подвигом вашей супруги, которая прошла с вами долгий жизненный путь».

Принесла почта и письмо, которое начиналось не с обычных приветствий, а с радостного восклицания: «Какое счастье найти человека! Вот здорово!»

А пришло письмо из Саратовской области. Написала его бывшая медсестра Саратовского эвакогоспиталя 3313 Зоя Никитична Малявко, а в те годы Шумельная. В газете увидела она портрет Антипова и узнала танкиста, которого так долго выхаживала после операции. Даже и после его отъезда на родину они долго переписывались. И вот почти через 40 лет взволнованные слова:

«Как я рада, что узнала о твоей дальнейшей судьбе. Я часто вспоминала о тебе все эти годы, рассказывала близким о том, как обошлась с тобой война. Как сейчас вижу: и палату, и раненых, помню, как учила тебя писать и писала письма твоей маме, читала ее ответы. Я встречала твою маму, когда она приезжала к тебе в Саратов, и, помню, сердце разрывалось, когда она, выйдя от тебя, рыдала. Вся седая солдатская мать...»

Вот еще одна живая ниточка дружбы.

Где же вы теперь, друзья-однополчане? Эти строки песни, этот вопрос всегда будут задавать себе фронтовики.

Из вчернего сообщения
30 августа

В течение 25 часов из фрон-
та сданных сообщений...

И. На Центральном фронте

В течение 25 часов наша войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, прилагая героические усилия и отчаянные усилия...

И. А. Антипов

АНЬШ

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

е мас
они н
от н

№ 283 (389)
ВТОРНИК
1
декабрь
1942 г.

ОЛОТНИК

говорил
ировым

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

В течение 25 часов наша войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, прилагая героические усилия и отчаянные усилия...

ПОДВИГ В ПЕСНЮ ПРОСИТСЯ

А сейчас рассказ об одном из юбилеев Петра Григорьевича.

Уже прошли в зал дорогие гости — приехавшие издалека однополчане Антипова, руководители городских организаций, молодежь, работники лесхоза, а люди шли и шли в городской Дворец культуры, где общественность орденоносного Волхова собиралась отметить юбилей Почетного гражданина города, своего Героя, отмеченного особым уважением земляков. Одни его знают, встречают на улицах города, другие видят на трибуне в праздники, на школьном сборе, на лесных делянках. Но в тот день многим хотелось и общую радость, видеть его в минуты, когда от имени всех волховчан воздаются Герою заслуженные почести.

Официально тот вечер был назван «О подвиге, о мужестве, о славе». Но с полным правом можно сказать, что стал он и встречей поколений, уроком мужества, эстафетой трудовых дел — так много вмещает в себя героическая жизнь этого замечательного человека.

Антипова приглашают на сцену. Зал взрывается громом аплодисментов и долго не может успокоиться. И хотя присутствующие знают судьбу этого человека, каждый заново волнуется, слушая рассказ о жизни Героя, его ратных и трудовых подвигах.

А как не восхищаться той, что сделала этого человека счастливым, вырастила с ним детей, стала верным другом, помощником на всю жизнь?! Это жена Петра Григорьевича — Анна Тимофеевна. Она по праву тоже здесь, рядом с Героем, на почетном месте. И юноши дарят ей цветы как дань глубокого уважения за ее прекрасный пример женского благородства, душевности и, конечно, тоже большого мужества.

Вышла на сцену женщина, которую тоже в городе знали многие. Ольга Степановна Кравченко учила русскому языку и литературе не одно поколение волховчан. В стихах, которые многие годы публиковались в районной газете, воспевает она родной край. Ленинградский композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР Георгий Портнов написал на стихи учительницы прекрасную песню «Волховская лирическая».

И вот Ольга Степановна вышла на сцену, чтобы прилюдно подарить хозяину русского леса свои стихи. И в зале стояла особая тишина, когда неспешно читала она посвященные Антипову строки:

Над Приладожьем
Да над Волховом
Ветры носятся.
В песню просятся.
И поют леса
О героических днях
Сына верного
Нашей родины.
Сила жизни в нем
Богатырская,
Стойкость редкая.
Доблесть русская.
Он в огне горел —
Не расплавился.
Под ножом лежал —
Не расплакался.
Отступила смерть
Перед мужеством!
Мол, живи, солдат,
Коль меня сильнее...
Стереги леса.
Береги цветы.
Украшай свой край.
Солнцу радуйся...

К. Хромов, командир
и В. Антипов

АНЬШ

...объявлено бо
...на 2000
...производства
...крупнейшей
...борьбу
...Молодые
......
......
......
......

е мас

они н
от н

№ 283 (389)

ВТОРНИК

1

декабря
1942 г.

О.Ю.П.И.И.И.

говорил

ировым

...1942
......
......

......
......
......

......
......
......

......
......
......

......
......
......

......
......
......

......
......
......

Еще вспоминается встреча в Новоладожской восьмилетней школе, пионерская дружина которой носила имя П. Г. Антипова. Вообще-то встреча была, можно сказать, деловой. Ребята из школьного лесничества отчитались своему старшему лесоводу о том, что из намеченного успели сделать «зеленые» патрули, сколько построено и развешено синичников и скворечников, заготовлено корма для птиц и зверей. От него они тоже получили нужные наставления, задания.

Вот строки из сочинений выпускников школы:

«П. Г. Антипов учит меня не склонять головы перед трудностями, жить не для себя, а для народа».

«Когда мы видим своего Героя, опаленного танкиста, мы испытываем не жалость, а гордость за него и за то, что такой Человек живет среди нас».

«На вид обыкновенный человек, а характер-то у него русский, богатырский».

Известный поэт нашего края Михаил Петров подарил Антипову стихотворение «Другу».

Мы рождены не для войны.
Жизнь строить — наш удел.
России верные сыны,
Мы рождены для добрых дел.
И пусть нас обожгла война,
Лишая рук и ног,
Могла ли жизнь убить она,
Живой ее поток?
Лишь тот не зря на свете жил
И жизни пил вино,
Кто для потомков посадил
Хоть деревце одно.
Каких же званий и наград
Достоин ты, солдат,
Когда кругом, лаская взгляд,
Твои леса шумят?..

Необычная судьба равнодушных не знает, тем более такая судьба, какая выпала Антипову. Вся она сплетена из многотрудных испытаний, мужества, большой мечты и тернистой дороги к ней. Антипову посвятили стихи многие волховские поэты. Среди них и рабочий В. П. Пешенков. Слова его стихов просты и искренни, написаны голосом сердца:

Тебе, герой войны и леса,
О ком звучит вокруг молва,
Пишу одну из гордых песен,
Из сердца достаю слова.
Ветвистый лес — творец живого.
Кому суть эта не ясна!
А не имей земля такого —
Где распевала бы весна?..
И ты не только в муках выжил,
Когда огонь сжигал броню,
А победил! И там, где выжог
Враг все живое на корню,
В боях разбитыми руками,
С трудом цепляя семена,
Ты землю украшал лесами,
Чтоб снова пела в них весна.
И вижу я:
Не потому ли
Зеленых витязей ряды
Стоят в почетном карауле,
Когда меж них проходишь ты.

Как тут не скажешь, что подвиг просится в песню?!

ЛЕБЕДИНЫЙ КРИК

Из небольшого домика на Варяжской улице в Старой Ладоге последним из четверых уходил на фронт Василий, самый младший, 1924 года рождения. Но и ему досталось жестоких сражений после учебы в авиатехническом училище. Был не раз ранен и контужен. Пришел домой целым, но отметины на теле остались немало, да к тому же, как поется в песне о солдатах Отечественной: «*Вся в рубцах да ожогах наша память живая*».

Послевоенную жизнь Василий Григорьевич, как и брат, посвятил лесу, закончил Ленинградскую лесотехническую академию, работал в лесном хозяйстве. Позднее пошел в науку и во многом преуспел на этой стезе. Доктор биологических наук, профессор Белорусского Государственного технологического университета, он в общей сложности стал автором более 300 научных публикаций, в том числе десяти монографий.

В Минском издательстве «Ураджай» в 1975 году вышла книга Василия Григорьевича «Парки Белоруссии». В увлекательной форме автор рассказал о становлении и развитии паркового строительства в Белоруссии, его взаимосвязи с садово-парковым искусством России, Польши и Западной Европы. Иллюстрированное издание представляет интерес для работников зеленого строительства, лесного хозяйства, дендрологов, краеведов, историков и всех, кого интересует природа родного края.

А не так давно к 80-летию В. Г. Антипова в университете выпущен сборник его стихов «Лебединый крик». Названием этим автор, видимо, хотел подвести черту своего многолетнего труда, научной деятельности, отдать памяти его любимой жене Азалии Михайловне, без которой он живет уже третий год. Живет с семьей сына, с внуками.

Основное произведение сборника — лирическая драма «Житие». Это автобиография автора и родословная нескольких поколений его предков. Много строк посвящено и родной Старой Ладоге, ее древней истории.

Знакомись с жизнью еще одного замечательного земляка, и невольно хочется воскликнуть: «*Знай наших!*»

БЫЛЬ ГЕРОЙСКАЯ

В 1993 году П. Г. Антипова не стало. Сердце не выдержало. Его двухильное солдатское сердце остановилось. И если вспомнить, какими были эти годы в начале девяностых, то станет понятно, каково было ветеранам войны и труда пережить начавшееся разграбление, созданного не одним поколением наших граждан, видеть хищническое разрушение в угоду «экономике дикого рынка».

Время все расставит на свои места. А нам, землякам Героя, надо помнить о тех, кто оставил добрый след на земле. Ведь именно такая жизнь мудра и вечна. И сегодняшняя героическая быль со временем станет легендой в памяти народной, то есть повестью необыкновенной, небывалой, вызывающей восхищение.

В легенду уходят подвиги героев Отечественной войны 1812 года и Отечественной войны 1941-1945 годов. И не потому ли из года в год несем мы цветы братским могилам воинов, к обелискам в честь невероятных сражений, называем улицы именами Героев. Память народная не даст им забвения.

Братья Антиповы. Слева направо: Федя и Петя.

Дедушка и бабушка
Антипова Петра Григорьевича

Антипова Анна Кирилловна
с сыновьями

Братья Антиповы

Бутакова Анна Тимофеевна,
будущая жена Антипова (справа) с подругой

Семья Антиповых 1973 год

Анна Кирилловна Антипова (Кириллова)
с внуками Аней и Володей

Антипов П.Г. с женой Анной Тимофеевной
и сыном Владимиром

Антипов П.Г. с женой Анной Тимофеевной

Фронтовые фото

Танкист Петр Антипов
Тула. 1943 г.

Василий Григорьевич Антипов
Фотография
военного времени

Антипов П.Г.(слева вверху)
с боевыми друзьями

Гвардия старшина
Петр Антипов.
Январь 1945 г.

Петр Антипов.
Фотография 1961 г.

Антипов П.Г.
во время учебы в техникуме

Лесничий Петр Антипов
до женитьбы на
Анне Тимофеевне Бутаковой

П.Г. Антипов.
*Фотография
вт. пол. 1960-х гг.*

Петр Антипов за работой.

Антипов П.Г.
на встрече со школьниками.

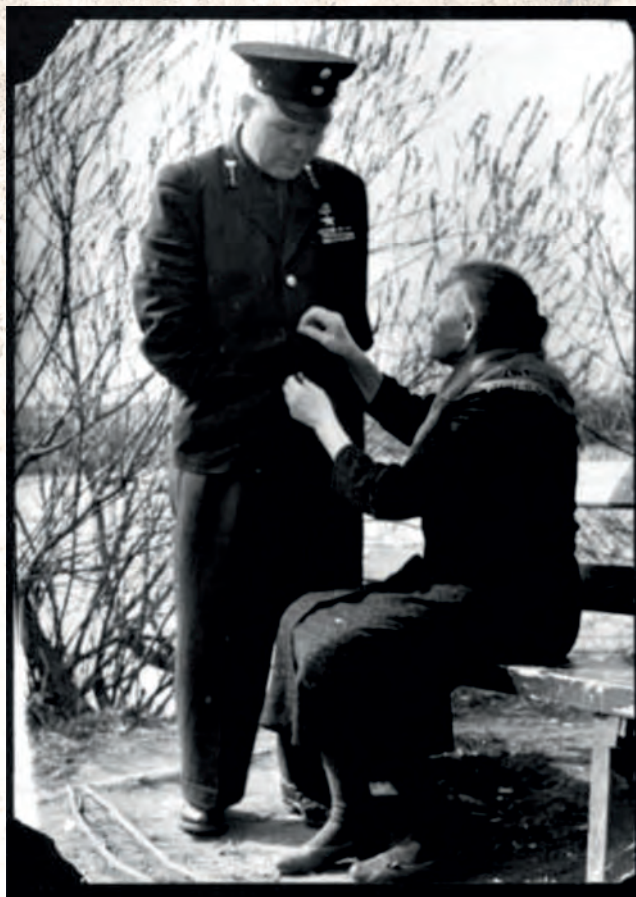
Петр Антипов

П.Г. Антипов.
Фотография 1980 г.

Антипов П.Г.

Антипов П.Г. с матерью Анной Кирилловной

Антипов П.Г. с работниками лесхоза

Антипов П.Г. с сыновьями Толиком и Володей

П.Г. Антипов в разные годы.

Антипов П.Г с женой Анной Тимофеевной и военным хирургом Паршиной Таисией Павловной 1986 год

П.Г. Антипов и Герой Советского Союза генерал армии И.И. Федюнинский

Антипов П.Г. с женой, дочкой и
фронтowymi друзьями 1972 год

Антипов П.Г. с фронтowym другом

Боевые друзья. Слева направо:
командир танковой роты
Сергей Алексеевич Попов,
Борис Васильевич Горнатов,
Петр Григорьевич Антипов.
фотография 23 февраля 1979 г.

Антипов П.Г. во время празднования
Дня Победы в г. Волхове

Слева направо:
Петр Григорьевич Антипов
с боевым другом
Георгием Минаевичем Назаровым.
Калининград. *Фотография 1969 г.*

Слева направо:
боевые друзья
Петр Григорьевич Антипов,
Федор Савельевич Демидов,
Иван Иванович Труфанов.

Встреча лесничих школьных лесничеств в Москве
с легендарными наставниками.

Слева направо: Герой Социалистического Труда, лесничий
Волховстроевского лесничества Петр Григорьевич Антипов,
Герой итальянского сопротивления, лесник
Кузнецовского лесничества Павлово-посадского
района Московской области
Василий Яковлевич Трифанов.
Фотография 18 мая 1972 г.

Д.М. Гиряев
автор поэмы
«Лесничий Петр Антипов»

Анна и Петр Антиповы. Волхов.
фотография 1986 г.

Петр Антипов с дочерью Аней.

Петр Григорьевич Антипов с тестем
Тимофеем Сергеевичем Бутаковым.
фотография 30 октября 1980 г.

Антипов П.Г. в лесу

Ветераны-друзья П.Г. Антипова
С.И. Шавлин и старшина медслужбы М.К. Шавлина
фотография 1985 г.

Военный хирург
Таисия Павловна Паршина
Фотография 28 мая 1986 г.

Доктор сельскохозяйственных наук
Василий Григорьевич Антипов

Слева направо:
автор поэмы «Лесничий Петр Антипов»
Д.М. Гиряев,
П.Г. Антипов,
директор Хреновского лесхоза-техникума
Михаил Клементьевич Кузнецов,
начальник Орловского управления лесами
Вячеслав алексеевич Егоренков
Фотография 1973 г.

Медсестра саратовского военного госпиталя
(в поэме Аня) Зоя Никитична Малявко с внуком.
фотография 1980 г. Саратов.

Встреча ветеранов-танкистов Ленинградского и Волховского фронтов с учащимися 111-й средней школы г. Ленинграда. 4 февраля 1976 г.
(во втором ряду 5-й слева П.Г. Антипов)

Министерство лесного хозяйства РСФСР.
Встреча с лесниками школьных лесничеств.
Фотография 1972 г.

Чествование Антипова П.Г. в ДК ВАЗа 25 декабря 1980 года.

Закладка памятной аллеи
в лесопарке в 1980-е годы.

Д.М. Гиряев

**Лесничий
Петр Антипов
(Поэма)**

СЛАВЯ-А-АНЕ!

В своем творчестве лесовод и поэт Дмитрий Гиряев развивает драматическую тему судьбы русского леса и его людей. Новая поэма «Лесничий Петр Антипов» не является исключением. Однако главный ее персонаж настолько отличен от всех предыдущих, что невольно улавливаешь в нем черты мифологического героя. Невероятно, но факт: гвардии старшина Петр Григорьевич Антипов, лишившийся на войне и рук, и ног, не только смог стать полноправным лесничим Волховского лесхоза: на протяжении чуть ли не сорока лет он выполнял свои служебные обязанности не хуже, а лучше физически здоровых людей!

Ознакомившись с материалами, предоставленными мне автором и вдовой Антипова Анной Тимофеевной (в девичестве Бутаковой), я был озадачен туманностью сведений о довоенной жизни семьи Антиповых. По моей просьбе автор связался с проживающим в Минске доктором сельскохозяйственных наук, родным братом Петра, Василием Антиповым. Присланные им сведения, несомненно, были семейной тайной в советское время. Видимо, на степень откровенности Василия Григорьевича повлияло само творчество Гиряева. Он пишет в письме: «Содержание поэмы «Академик Мелехов» мне особенно близко. Большинство описанных в ней событий происходило на моих глазах, а многие упоминаемые лица были моими товарищами и коллегами. Так, Е. Мурахтанов и Д. Столяров были секретарями комсомола академии, я возглавлял сектор агитации и пропаганды, Жора Редько* – бытовой сектор».

По семейной хронике, написанной Василием Григорьевичем, корни рода Антиповых уходят в глубину тех времен, когда славянское племя кривичей поселилось на берегах реки Великой и Чудского озера. Прадед Петра по

*Георгий Иванович Редько автор книги о пионере степного лесоразведения Викторе Егоровиче фон Граффе: «Полковник корпуса лесничих». Киев, 1994. — Ред.

материнской линии Кириллов арендовал землю у графа Неклюдова. Обладая богатырской силой (как-то один отбил от четверых лихих людей), он отличался трудолюбием и, накопив денег, выкупил у графа участок земли на левом берегу реки Опочанки, где обустроил добротный хутор Станогино.

По наследству этот хутор достался старшему сыну, отцу матери Петра Кириллу Кириллову, который с удовольствием уступил руководство хозяйством и большой семьей (три сына и три дочери) своей супруге: сильной, доброй, справедливой. Сам же он работал лесником и довольно исправно выполнял свои обязанности до приезда лесничего, окончившего Петербургский лесной институт. Под унижительные окрики, как холуй, Кириллов бегал по дому, ублажая высокое начальство. Возмущенная поведением гостя, супруга выгнала его из дома, положив конец службе своего мужа на лесном поприще.

Кирилловымного работали, жили дружно, зажиточно. Бабушка (по отцу) имела в деревне Бокачи большой дом. Она владела многими землями и по богатству уступала только своей сестре, крестной Василия Григорьевича. Выделяемые ею ежегодно несколько подвод соленого творога, сливочного масла и прочих продуктов для ближайшего монастыря были скорее всего данью ее крепкой веры. Она обладала властным характером: троих из четырех сыновей, а заодно и своего супруга, заставляла работать наравне с батраками. Зато младшего любимого сына Григория отправила в Псков – учиться в реальном училище.

Когда началась Первая мировая война, она не стала откупать от фронта даже своего любимца. Все четверо ее сыновей ушли воевать с германцем. Трое старших погибли, а Григорий, офицер, хлебнув окопной жизни, вернулся в родную деревню после отречения императора Николая II от престола. Вскоре он женился на Анне Кирилловой. 6 января 1918года родился первенец – Федя. Счастливый отец при помощи родных отстроил небольшой хутор в полутора километрах от деревни Бокачи и в трех километрах от хутора Станогино. Этот хутор стал местом рождения еще троих сыновей. Василий Григорьевич пишет: «Несмотря на смутные времена, когда отца бросало от одного берега к другому, и он не мог находиться дома, любовь преодолевала

трудности. Мать вспоминала, как с грудным ребенком на руках (Федей) она переходила линию фронта через Гулбенские болота для встречи с мужем. Итог встречи — 26 декабря 1919 года родился второй сын, мой брат Петр*, затем в 1922 году — Володя, а 15 февраля 1924 года я — младший из братьев. Возможно, в это время отца прибило к «другому берегу».

С отделением Латвии (в августе 1920 года) граница прошла по реке Опочанке, на левом берегу которой стояли наши хутора. Начальником 6-го погранотряда, размещенного в Пскове, был назначен Альберт Карлович Кангизер (латвийский разведчик из отряда Рихтера, автора известной книги «В тылу врага»). Он был женат на младшей сестре нашей матери.

Отец, как рассказывала мать, живя на приграничном хуторе, часто уходил в Латвию, якобы навестить фронтовых друзей. В сентябре 1924 года он был арестован. По пути в Ригу в наручниках бежал с поезда, выбросившись из окна; был убит, попав в засаду недалеко от границы. Согласно справке ОГПУ от 12 июля 1929 года (№ 35652), выданной овдовевшей Анне Кирилловне, «тов. Антипов Григорий Антипович состоял на службе в Островском погранотделении ОГПУ с 3 февраля 1922 по 1 сентября 1924 года».

Вскоре пришла новая беда: играя со спичками, Володя поджег сарай, и все постройки хутора, кроме бани, сгорели. Главным помощником матери по хозяйству стал Федор, Петр занимался воспитанием младших братьев и в воспитательном порыве любил прибегать к крутым мерам.

Во время коллективизации в деревне родственники по отцовской линии оказались в Мончегорске и на торфоразработках в Сенявинских болотах... Старшие братья матери строили Беломорско-Балтийский канал (прорубали шлюзы в Медвежьей горе к Онежскому озеру, а их семьи были высланы кто в Новгородскую область, кто в Среднюю Азию. Младший брат матери, дядя Вася, утаив свое «кулацкое» происхождение, ушел в Красную Армию. Под Сталинградом воевал батальонным комиссаром, был тяжело ранен. Позднее возглавил парторганизацию совхоза «Бодрое» (ныне район Москвы Черкизово)).

* По паспорту П. Г. Антипов родился 26 декабря 1920 г. — Ред.

В начале тридцатых годов вышло решение об отселении от границы всех жителей на полтора километра. Вблизи поселка Старая Ладога был организован первый в стране совхоз «Сельцо Горка». Его директор, друг отца Эдуард Петрович Берг (репрессирован в 1937 году), приютил на первое время семью Антиповых. Дабы как-то прокормить детей, Анна Кирилловна много работала, обшивала местных красавиц. Василий Григорьевич вспоминает: «Мы засыпали, а иногда и просыпались под звуки работающей швейной машинки «Зингер». Работая, мама любила тихо напевать грустные песни. Запомнились слова одной из них:

Вот прапорщик юный со взводом пехоты
Старается знамя полка отстоять.
Один он остался от всей полуроты,
Но нет, он не может назад отступить.

Вот кончился бой, вся земля покраснела,
Врага мы прогнали к далекой реке,
И только наутро нашли его тело,
И знамя держал он в застывшей руке.

Слова этой песни пробуждали ее память о близких и вызывали тревогу за будущее своих сыновей... Старая Ладога с ее богатейшей историей стала нашей второй родиной. Мы были вместе, были молоды, учились и, переходя из класса в класс, понимали, что только через учебу кончится наше полуголодное существование».

Братья росли. Шестидесятирублевой пенсии и хлебной надбавки (180 рублей) стало не хватать. Отчаявшись, Анна Кирилловна написала письмо наркому внутренних дел Г. Г. Ягоде. Ответ пришел быстро. Им прислали сапоги, валенки и другую одежду, а также прикрепили к закрытому магазину, который находился в семи километрах на станции Званка. Там семья получала черный хлеб и армейские сухари. Жили в бывшей пекарне, где спали

всей семьей на печи, занимавшей большую часть комнаты. Затем на древней улице Варяжской в холодной мансарде купца Рыкова. После отъезда старшего брата Федора на учебу в Ленинград, сделали последнее переселение в купленное матерью по случаю (за 240 рублей) жилище. Это был старый, вросший в землю монастырский дом — четыре кельи на первом этаже и две на втором. В нем еще доживали свой век монашки. Дом располагался на дне пересохшего рва между каменной крепостью и земляным городищем.

В 1937 году были репрессированы Кангизеры, и Антиповы приняли к себе их сына Рэма, приходившегося им двоюродным братом. Семья попала «под колпак». В связи с этим, Василий Григорьевич припомнил такой случай: «К нам зачастила жена милиционера Клюева. На прямой вопрос моей матери: «Ты следишь за мной?» — та испуганно зашептала: «Тише, тише. За тобой слежу не я, а Конькова Вера (разложившаяся активистка)». Во время войны Рэм воевал, был тяжело ранен, награжден орденом. Его отец, Альберт Карлович, был реабилитирован, восстановлен в партии с сохранением стажа. Интересно, что именные золотые часы «Павел Буре», отобранные у него во время ареста, через десять лет были ему возвращены при освобождении. Вот и верь наветам на сталинскую милицию!» Конечно, в данном случае это отградный факт, но не нужно забывать, что Кангизер был все-таки своим, из ОГПУ.

Перечитывая поэму Д. Гиряева «Лесной кордон», Василий Григорьевич вспомнил, как однажды старший брат Федя приехал из Ленинграда посреди недели в сильно подавленном состоянии. Как оказалось, кто-то донес, что он из высланной кулацкой семьи, сын офицера. Сельсовет деревни Бокачи подтвердил эти сведения. И вновь пришлось обращаться в наркомат внутренних дел к Ягоде — Федора восстановили.

После обретения собственной крыши над головой Антиповы устроили огород перед домом, завели двух коз, кур, стадо гусей, кормившихся на берегу Волхова. Значительным подспорьем были дары леса: в нем заготавливали дрова, собирали грибы и ягоды. Заготовкой дров и сена руководил Петр. Он был высоким красивым парнем с крутым властолюбивым

характером. Мать часто говорила: «Петр в отцовскую породу». Когда в июле 1941 года его везли на лодке к барже, на которой собирали новобранцев для защиты Ленинграда, он крикнул буквально убивавшейся по нему однокласснице: «Или грудь в крестах, или голова в кустах!» По свидетельству Василия Григорьевича, эта первая любовь Петра Сусанна Петрова спустя три месяца вышла замуж за командира дивизии истребителей (прикрывавших Волховское небо) Бориса Ивановича Литвинова, бывшего личного пилота маршала Блюхера. После войны Сусанна нашла адрес Петра, и у них завязалась довольно живая переписка. Одноклассницей Петра была и его будущая первая жена Тамара Николаевна... О военном периоде жизни Петра Григорьевича Антипова писали много. И в настоящей поэме ей уделено немало страниц. Правда, есть в ней некоторые отступления. Но ведь поэтический жанр тем и отличается от протокола, что в нем может проявляться и авторская интуиция, и авторское чувство...

Замечательный писатель Глеб Александрович Горышин в своей книге «Глядя в глаза Ладоге» оставил нам буквально доподлинный образ Петра Антипова. Никаких домыслов, одни голые факты, поведенные самим героем: «Куда везут? Кто же его знает. Так гнали, как только буксы выдерживали. Их и не смазывали. Впереди два ФД, сзади еще толкач подцепляли. Остановились ночью под станцией Котлубань. Объявили: враг может появиться внезапно. Южная ночь, такая темень, какой у нас не бывает. А надо сгружать с платформ тяжелые танки КВ, при полной светомаскировке. Это не шутка. Сгрузили. И сразу – «Вперед!» Надо было преградить немцам выход к Волге. Напор был страшный... В бригаде 50-60 машин, после боя осталось три танка. Но выстояли».

Это правда одного боя, а сколько было этих боев?! Петру везло неизменно, вплоть до 15 января 1945 года. Наревский плацдарм – на реке Нарев в Польше. От роты – было пять танков, один остался. Но вот прямое попадание – загорелся и его танк. Метнулся в ближайший блиндаж, а там немцы. В него стреляли. Пять суток пролежал в снегу. Очнулся от разры-

ва снаряда. Услышал русскую речь. Собрался с духом, крикнул, что было мочи: «Славя-а-ане!» В медсанбате его сразу же положили на операционный стол. Оперировала двадцатипятилетний хирург Таисия Павловна Паршина. Пройдут годы, и они встретятся...

Если верить статистике, мы потеряли на той войне больше двадцати миллионов человек. А сколько вернулось с нее покалеченными, неизвестно. Из детства помню, что их было очень много: одноногих, совсем безногих, одноруких, безруких, слепых. Боже мой! Это был целый народ! А сколько из них было просто прикованных к постели. В нашем небольшом городе Н-ске еще в 1957 году их хоронили едва ли не каждую неделю. Тогда ведь гробы не возили в закрытых автобусах, а несли или медленно везли на открытых машинах, за которыми шли люди и оркестр играл похоронный марш. А мы, послевоенные мальчишки, сопровождали почти каждую такую процессию. Думаю, что Дмитрию Гиряеву в его поэме «Лесничий Петр Антипов» удалось возродить эту давно забытую тему трагической и стойкой судьбы воина-инвалида.

Огромную, незаменимую роль в судьбе изувеченного войной Петра сыграла его мать, сама инвалид второй группы (порок сердца). Ее Петенька целыми днями сидел в каком-то оцепенении, все думал и думал. Тогда Анна Кирилловна сказала ему: «Хватит, сын. Ты еще молодой и голова у тебя на плечах есть! Иди и учись!» Она послала его в лесной техникум в Тихвин одного, без провожатых. А сама потом места себе не находила, маялась, плакала. Петр выучился, стал лесничим и даже женился на упомянутой уже Тамаре Николаевне. У них родился сын Анатолий, но счастье было недолгим. Жена, прихватив шестимесячного младенца, покинула дом Петра.

Неизвестно, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы на Новый 1961 год он не встретил Анну Тимофеевну Бутакову. Она «потихоньку» вышла за него замуж. Родились дети – Володя и Аня, радости Петра не было предела. Он любил детей, и сам был главным ребенком для жены. Он называл ее – Анёк. Я встретился с Анной Тимофеевной в доме Дмит-

рия Минаевича Гиряева. Спросил: «За что вы его полюбили?» Она ответила так, словно он был живой: «Мне нравится его лицо, его улыбка, обаятельный. На него посмотришь – и все забудешь, все трудности... Аккуратный, ест медленно, все зубы целы. Один только зуб со щербинкой от немецкого приклада».

Она всегда боялась за него, всю жизнь была в тревоге: «А как он вернется? Каким вернется? Выдержат ли его протезы?» Он болел о лесе, мыслил делами. Таскал ее по пожарам, по чащобам. Она говорила ему: «Петя, да ты меня угробишь». А он в ответ: «Да мы только пчел туда завезли, надо взглянуть». «Он, наверное, пчел любил больше меня. Мог часами сидеть у пчел и любоваться на них».

Она восхищалась матерью Петра: «Он уже достался мне от нее готовенький». Ее лицо выражало природное благородство. Анна Тимофеевна родилась 16 июня 1926 года в деревне Язвица Дрегельского района Новгородской области. Отец Тимофей Сергеевич Бутаков работал десятником в лесу. Семья долгие годы жила на лесопунктах, а в 1939 году переехала в Тихвин. Когда началась война и отец ушел на фронт, Анна стала работать в леспромхозе счетоводом. Рыла окопы, в ледяной воде под бомбами без багра, руками толкала бревна, которые использовались для нужд передовой. После войны, в 1958 году, она окончила лесотехническую академию. И по судьбе, и по общему делу они были созданы друг для друга. В 1966 году по представлению тогдашнего начальника Ленинградского управления лесами Рэма Васильевича Боброва Петру Григорьевичу Антипову было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он стал первым лесничим в СССР, получившим это звание.

Пришла известность. О нем писали, сняли фильм. И после смерти (1993 г.) его не забыли. Коллегией Федеральной службы Рослесхоза во главе с ее Руководителем Валерием Александровичем Шубиным и Президиумом ЦК профсоюза работников лесных отраслей Российской Федерации был учрежден ежегодный конкурс лесничеств на приз имени П. Г. Антипова.

Помнят о нем и старые преданные друзья, его соратники – лесоводы. Среди них нельзя не упомянуть волховчан – супругов Валентина Павловича и Светлану Ивановну Тюльпа, Ольгу Марковну Мироненко, Виктора Петровича Кольцова, нынешнего директора Волховского лесхоза Владимира Николаевича Терпугова и его жену Галину Константиновну, а также владимирцев – начальника Владимирского управления лесами Николая Даниловича Белоусова, Михаила Ивановича Чунаева, Руслана Магомедовича Куштова, Геннадия Алексеевича Гущина.

...Мне вспомнилось, как недавно на московской улице я увидел нищего старика с орденом Боевого Красного Знамени на груди, протягивавшего шапку и тихим, почти неслышным голосом взывавшего к прохожим: «Славя-а-ане!» Но толпа равнодушно проходила мимо...

Не сама ли Россия шепчет нам устами старого солдата: «Славя-а-ане!»

Григорий Калужный,
член Союза писателей России,
2000 год.

К читателю.

Выдержите в руках уникальную книгу, которая посвящена защитнику Отечества, воину Победителю, Герою социалистического труда, достойному Гражданину, лучшему Лесничему нашей Родины Антипову Петру Григорьевичу.

В дни 75-летия Великой Победы в Отечественной войне, перечитывая поэму Д. Гиряева «Лесничий Петр Антипов» каждый раз по-новому воспринимаешь героический подвиг Петра Антипова.

Родился Петр Антипов в 1920 году. Семья жила вблизи населенного пункта Старая Ладога Ленинградской области. По окончании школы в 1938 году, Петр поступил в Тихвинский лесной техникум.

В июле 1941 года Антипов П.Г. был призван в Красную армию. Воевал стрелком - радистом танка. Участвовал в обороне Ленинграда. Сражался в боях за Москву, Сталинград, Ржев и Воронеж. Участвовал в Курской битве, освобождении Белоруссии. В январе 1945 года в составе полка участвовал в наступлении на территории Польши, продолжал бой в подбитом и горящем танке, попал под огонь вражеских автоматчиков, получил тяжёлые ранения и потерял сознание. Через пять дней, при освобождении советскими войсками этого участка раненого, обмороженного, обожжённого танкиста с признаками жизни, доставили в госпиталь. Обмороженные руки спасти не удалось. Врачи ампутировали обе ступни. За боевые заслуги Антипов П.Г. награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Сталинграда» и «Оборону Ленинграда».

Два долгих года провёл Петр Антипов в госпиталях. Домой вернулся в 1947 году и начал осваивать протезы, научился писать и обслуживать себя. Продолжил лесное образование, прерванное войной. Через год по окончании учебы в техникуме, Антипов П. Г. получил диплом с отличием и по распределению был направлен на должность лесничего в Волховский лесхоз Ленинградской области.

Почти 40 лет Пётр Григорьевич работал в Волховском лесхозе. Много внимания уделял мелиорации леса, руководил осушением лесных земель лесничества. За несколько десятилетий лесничий Антипов П.Г. вместе с сплоченным коллективом, жителями лесных поселков и населенных пунктов, восстановил, уничтоженные войной лесные массивы. Создал уникальную для Ленинградской области дубраву, которая названа в его честь: Антиповская дубрава.

Родина высоко оценила труд лесоведа-лесничего Антипова П.Г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1966 года за достигнутые успехи в выполнении семилетнего плана развития лесного хозяйства Антипову Петру Григорьевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот». Он стал первым лесничим в СССР, получившим это звание.

По предложению Заслуженного лесоведа Российской Федерации — Алексея Ильича Зверева, много лет возглавлявшего Государственного комитета СССР по лесному хозяйству, ветерана отрасли, в знак сохранения светлой памяти замечательного лесничего Ленинградской области Петра Григорьевича Антипова, а также в целях повышения роли лесничеств в деле сбережения, приумножения и повышения продуктивности лесов в условиях перехода лесного хозяйства страны на рыночные отношения было принято решение о проведении очередного Всероссийского съезда лесничих в Санкт-Петербурге, на Родине героя.

Руководитель Федеральной службы лесного хозяйства России, Валерий Александрович Шубин, лично руководил подготовкой к съезду, приказом №71 от 31 марта 1994 года утвердил условия Всероссийского конкурса лесничеств на приз имени П.Г. Антипова, а также порядок его проведения.

Во Всероссийском конкурсе приняли участие лесничества органов управления лесным хозяйством в субъектах Российской Федерации, учреждения и организации непосредственного подчинения.

Конкурсные соревнования лесных коллективов на приз имени Героя Антипова П.Г., оценки работы школьных лесничеств по профориентации, воспитанию у молодежи бережного отношения к лесам и по ныне проводятся в республиках, краях и областях Российской Федерации.

Лесничие России — люди принципиальные, знающие лесное дело, помнят трехсотлетнюю историю развития лесного хозяйства, не забывают подвиги героев, следят за состоянием природных объектов, проявляя героизм и совершая трудовые подвиги, обеспечивают рациональное использование, воспроизводство, надежную охрану и защиту лесов нашего Государства. Уверенно смотрят в будущее.

Поэма Д.М. Гиряева «Лесничий Петр Антипов» раскрывает читателю многогранную личность человека, воина, лесовода, героя. Вносит весомый вклад в воспитание и профессиональную ориентацию молодежи.

Ю.П. Шуваев,
Заслуженный лесовод Российской Федерации,
2020 год.

На хуторе Станогино,
У псковской речки Опочанки
Жил дед Петра давным-давно.
Имел детей он от крестьянки:
Троих красавиц дочерей
И столько ж дюжих сыновей.

Приметил старшую их дочь
Антипов Гриша сердцем рано.
Но грянула война, и прочь
Умчался он во тьму неожиданно.
Невеста Анна стала ждать,
Конца войне той не видать.

Жених, поручик молодой,
С германцами на фронте бился.
В семнадцатом пришел домой
И враз на Аннушке женился.
Жену в деревню Бокачи
Увез он на свои харчи.

А через год родился сын,
Младенца Федором назвали.
И окна дома в миг один
Отцовским счастьем просияли.
Жена рожала сыновей,
И был Григорий счастлив с ней.

В двадцатом Петр зимой глухой
Родился, а затем – Владимир.
Страну терзал мятеж лихой,
И край лесной, казалось, вымер.
Но Вася, младший сын, на свет
Явился все ж в чаду тех лет.

Григорий, бывший офицер,
Был новой власти не в утуду.
Не сразу взял он револьвер,
Чтоб в ГПУ служить народу.
Разведчиком он ценным стал –
Латвийцев планы раскрывал.

Однажды сам он был раскрыт:
Его схватили на ночлеге.
В пути бежал, но был убит
Конвойной пулей при побеге.
Осталась Аннушка вдовой
С детьми голодными зимой.

Тогда-то заменил отца
Петруше дед его Кирилла.
В обход он часто брал мальчика,
Чтоб зрела в нем лесная сила.
Пленял мальчонку русский лес –
Стояли сосны до небес.

– Гляди, внучок, как бор могуч,
Как дружно сосны вековые
Вздываются до самых туч,
Как витязи сторожевые.
Я помню, рядом был покос,
Со мною вместе бор сей рос.

Хлебнули сосны эти бед
От воровских людей с лихвою.
Оставили пожары след,
Но, к счастью, не задели хвою.
Огонь лизал их низовой,
Насытившись сухой травой.

Рассказывал Петруше дед
О жизни леса быть и небыль.
Лисичкин лакомый обед
Не раз в лесу внучок отведал.
Осьмушка хлеба – как вкусна!
От ягод вырубка красна.

Грибы и ягоды они
В одно лукошко собирали.
И эти радостные дни
Как в чудной сказке пролетали.
Он с детства чувствовать привык,
Где рыжик рос, где боровик.

Однажды вышли на ручей.
Забитый кем-то, тлел в тумане
Костер. – Гляди, какой злодей,
Здесь бедокурил на поляне?!
С десяток молодых сосен
Срубил и сжег бездумно он.

Ведь рядом сучья и опад,
Бери, сжигай для пользы леса!
Видать, в головушке разлад –
Залить костер забыл повеса?
Огонь мог к бору перебечь
И весь его под корень сжечь.

Дед вспомнил, – сказывал отец,
Что в детстве посадил березку.
Ее срубил сосед малец
Шутя, для ухарского лоску.
То было трудно пережить:
Страдал отец – не мог забыть...

Однажды Вася, как шальной,
Окликнул Петю за кустами:
«Дедуля умер!..» «Боже мой!..»
И слезы покатались сами.
Брат потрясенный обнял брата –
Какая страшная утрата.

С тех пор частенько он бродил
В бору, в приречном краснотале,
Где дед с ним речи заводил
О жизни, о лесном квартале.
Не мог без леса он прожить,
Хотел другим его открыть.

Теперь Петро друзей водил
По вековым борам сосновым...
– Их посадил наш дед Кирилл,
А здесь вот, под крылом еловым,
Пришлось нам вместе с ним стоять,
Чтоб непогоду переждать.

А этой тропкой мы не раз
Весною и в начале лета
Шли выполнять страны заказ
По заготовке бересклета:
Его кора нужна для шин
И самолетов, и машин.

Но вот беда к ним в хуторок
Огнем раздутым залетела.
Развел Володя костерок,
И от него изба сгорела.
Лишь баню чудом отстояли
И ней-то жить с семьей стали.

Но не пришлось им долго жить
В той тесной бане – из столицы
Пришел приказ: переселить
Людей подальше от границы.
Железным занавесом прочно
Границу замыкали срочно.

Узнав об этом, друг отца
Товарищ Берг, глава совхоза,
Прислал из Ладоги гонца.
И вот с гудками паровоза
Прощалась с отчиной семья.
Как примут новые края?

Сначала в доме Берга жили
На взгорье Волхова высоком,
Пока избенку не купили
У школы, аккурат под боком.
Не лишней грамоте-то в ней
Учили Анны сыновей.

Тому и радуется Анна,
В трудах невзгоды забывая,
Хозяйство тянет неустанно –
Семья Антиповых большая.
Сыны похожи на отца,
Растут четыре молодца.

Вся жизнь у Анна для детей,
И Федор с Петей – ей опора.
Спешат из школы поскорей
И помогают маме скоро.
А после убегали в лес,
Он был для них венцом чудес.

Однажды жарким летним днем
Увидел Петя дым над лесом,
Схватив лопату с топором,
Он побежал туда, где с треском
Горели сосенок ряды
По склону до речной воды.

Там лесники спешили сбить
Огонь с посадок и подроста.
Спросили: «Кто послал тушить
Тебя пожар?!» Ответил просто:
«Никто, я сам...» – «Тогда за дело!
Туши с прикидкой умело».

Когда пожар был укрощен,
Лесничий обратился к Пете:
– Тобой я, парень, восхищен.
Побольше бы таких на свете
Рождалось в нашей стороне
На благо лесу и стране.

Лесничий издавна в селе
По праву был всегда в почете.
Стоял он твердо на земле,
Радея о лесном оплоте.
Надежный страж родных лесов,
Он не бросал на ветер слов.

И Петя после встречи с ним
Нередко забегал в контору,
Горя желанием одним –
Лес изучать, окончив школу.
Лесничий сердцем угадал:
Лес для мальчишки – идеал.

Учиться в техникум Петра
Звала рассветная дорога.
Мать собрала его с утра,
Они простились у порога.
И в Тихвин он ушел учиться –
Ужель мечта осуществится?

Мечта сбывалась, он – студент
И жадно впитывает знания,
В учебе важный был акцент –
Лесное воспитать сознание
У тех, кто рвется в лесоводы.
Пригодность их проверят годы.

А летом ехал Петр домой,
Колол дрова, звенел косою,
Чтоб мама с братьями зимой
Поменьше знали с нуждою.
Спешил дровишек принести,
Коровке сено припасти.

И в сентябре на день, другой
Он просится поехать к маме.
Ведь нужно вовремя родной
Помочь убраться с овощами.
Картошку выкопать, лучок,
В контору сбегать на часок.

Лесничий уж общался с ним,
Что называется, с прицелом.
По старым вырубкам лесным
Водил Петра, знакомил с делом.
Мол, есть в дипломный твой проект
В родном лесничестве объект.

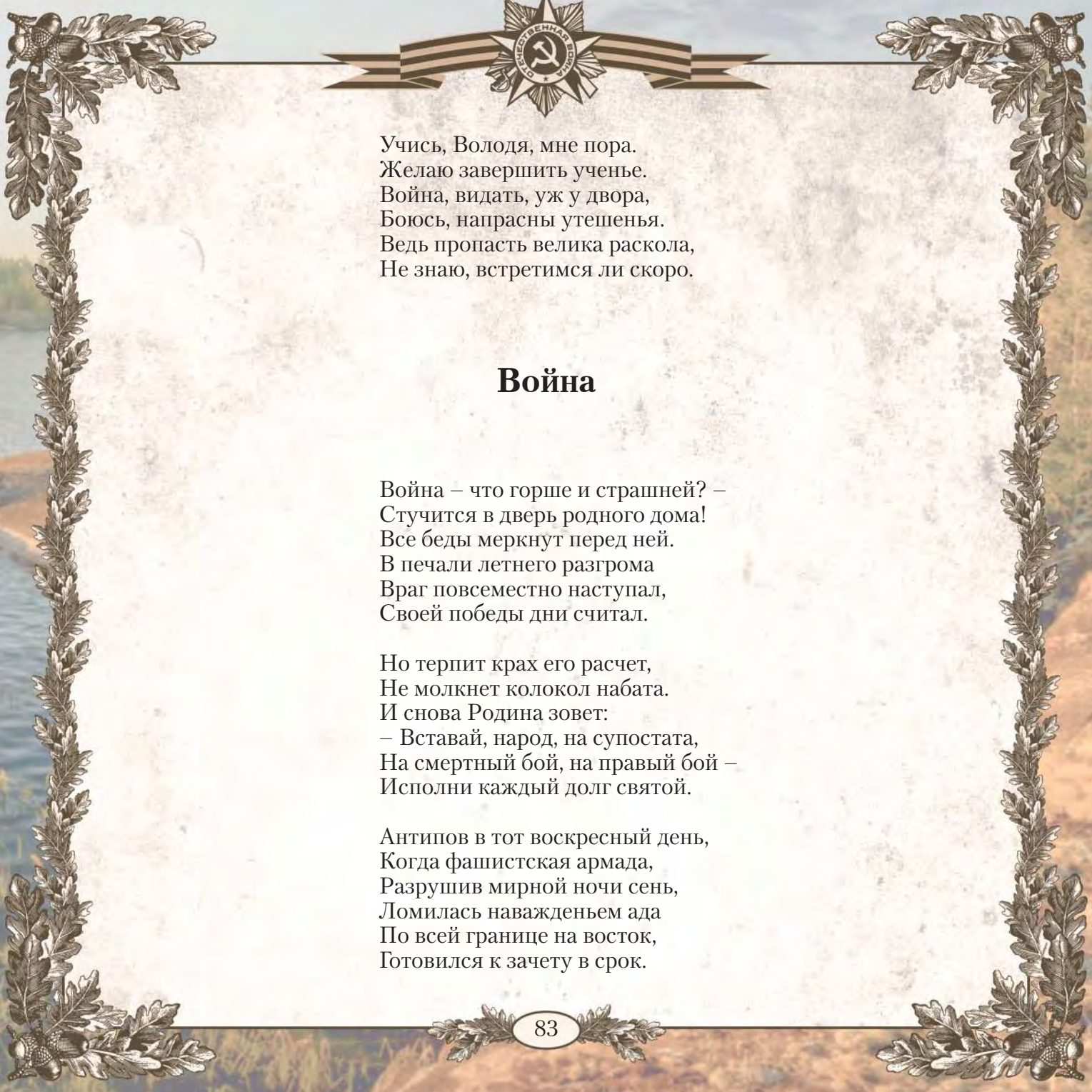
Петро с ответом не спешил,
Но тему чувствовал душою...
Вот брат Володя тож решил
Идти дорогою лесною.
Не зря он в лес его водил,
Свою любовь ему привил.

Экзамены Володя сдал.
Антиповых теперь все знали,
Им стал родным читальный зал.
Они, учась, преуспевали.
Кто делу учится любя,
Найдет призванье для себя.

Уже кружился листопад,
С небес холодный свет струился.
Шел Петя лесом наугад,
Он в эти дни переменился.
Под липою увидел груздь,
Улыбкою скользнула грусть.

Он затаенно наблюдал
Знакомых роц очарованье.
Хотя не думал, не гадал
О предстоящем расставанье.
Назавтра вызвал военком...
Прощай, друзья, учеба, дом.

Простились братья у крыльца
Лесного техникума рано.
Они выросли без отца
И помнили его туманно.
Петро сказал: – Мать обними,
Ей помогай во всем, храни.

Учись, Володя, мне пора.
Желаю завершить ученье.
Война, видать, уж у двора,
Боюсь, напрасны утешенья.
Ведь пропасть велика раскола,
Не знаю, встретимся ли скоро.

Война

Война – что горше и страшней? –
Стучится в дверь родного дома!
Все беды меркнут перед ней.
В печали летнего разгрома
Враг повсеместно наступал,
Своей победы дни считал.

Но терпит крах его расчет,
Не молкнет колокол набата.
И снова Родина зовет:
– Вставай, народ, на супостата,
На смертный бой, на правый бой –
Исполни каждый долг святой.

Антипов в тот воскресный день,
Когда фашистская армада,
Разрушив мирной ночи сень,
Ломилась наваждением ада
По всей границе на восток,
Готовился к зачету в срок.

Коль он учење завершит,
Получит на радиста допуск,
Начальство, верно, разрешит
Ему домой короткий отпуск.
Он сможет маму повидать,
Ее утешить и обнять.

Ведь Ленинград, где он служил
В училище радиосвязи,
По сути, рядом с домом был.
Была надежда в этом разе
Заехать в Тихвин по пути
И в техникум родной зайти.

И вот война! Ни отпусков,
Ни прежних мыслей о досуге.
Уже фашисты взяли Псков,
И наши откатились к Луге.
Курсанты дружно рвутся в бой,
Но им дают пока отбой.

И наконец-то пробил срок.
Они радистами-стрелками
Вступают в новый бронеполк
(Он создавался спешно днями).
Должна их танковая рать
Под Ленинградом бой принять.

А враг усиливал обстрел.
Охват фронтов его смыкался.
Дымился град Петра, горел,
Но, окруженный, не сдавался.
Тогда решил он: хлад и голод
Зимой добьют блокадный город.

Попутно паника и страх,
А вместе с ними бомбы с неба.
Повергнут гордый город в прах,
В нем и теперь почти нет хлеба.
Он многим снится лишь во сне –
Все будет кончено к весне.

Сей вызов принял Ленинград,
Склонясь главой над горькой чашей...
Антипов был сдружиться рад
С механиком – Малковым Сашей.
Друзья привязанность свою
Не раз проверили в бою.

Вдруг получает полк приказ
Прорваться ледяной дорогой
На материк в полночный час.
Танкисты думали с тревогой:
«Неужто город будет сдан?
Нет, это, верно, хитрый план...»

А утром на большой земле,
За Волховом, на полустанке
Они с колес в метельной мгле
Грузили на платформы танки.
И тут же грузный эшелон
Повез их в заданный район.

Там сходу бросили их в бой.
Враг опрокинутый метался.
Его колонны гробовой
Парад в снегах чернеть остался.
Прорыв противника в наш тыл
Броском танкистов сорван был.

Их полк сражался под Москвой,
В боях у Ржева отличился.
И Сталинград своей броней
Он прикрывал и тем гордился.
Из боя в бой, как ни ряди,
Должны быть танки впереди.

Однажды почту привезли.
Стояли танки на привале
На кромке выбитой земли,
Остывшей от огня едва ли.
– Письмо Антипову! Давно,
Видать, отправлено оно.

Писала мама: «Милый Петя,
Теперь я с Васею одна
Зарю встречаю на рассвете,
Призвала Федора война.
И Вова с другом Кошевым
Ушли на фронт путем прямым.

Приходит ночь, и я не знаю,
Как мне забыться, как уснуть?
Умом вас, дети, понимаю.
Душой хочу к себе вернуть.
Совсем замучила тревога,
Я уповаю лишь на Бога...»

«О мама, мамочка! Молись,
Ведь на войне ведут сраженья
Солдаты на смерть – не на жизнь,
И от судьбы им нет спасенья.
Уж сколько их в земле сырой,
Не все они придут домой.

Вот и сейчас земля в цветах,
В дубраве слышится свирели.
И то соловушка в кустах
Волшебные выводит трели.
А ведь вокруг лишь час назад
Рвались то мина, то снаряд.

Свистели пули, бой гремел,
Сходились танки у опушки.
Сосняк поверженный горел,
И по нему палили пушки.
Казалось, все погибнет здесь,
Но оживал помалу лес.

А сколько пало тут солдат,
Под Брянском, в мимолетной схватке.
Они везде в лесу лежат,
И чудится – играют в прятки.
Их скоро вместе соберут,
В могиле братской погребут.

О, милый, славный соловей,
Как ни печальны смерти виды,
На трупы глядя из ветвей,
Ты не исполнишь панихиды.
Ведь на тебе любви венец,
И ты одной ее певец...»

Читал письмо и размышлял
Танкист Петро в бору сосновом.
Смертей он много повидал
И ко всему уж был готовым.
А мать писала, что домой
Вернуться должен он живой.

Но на войне не шутка бой,
Где пули свищут – все бывает.
Намедни говорил с тобой
Твой друг, и вот – он умирает.
Не защитила и броня
Его от вражьего огня.

Совсем недавно, вспомнил он,
На этом брянском направлении
В рассветный час их батальон
Пошел с пехотой в наступленье,
Плацдарм у речки был отбит.
Бросок удался – враг разбит.

Но после боя друг Малков
Едва смог выбраться из танка.
Из головы сочилась кровь,
Сошла на нет его осанка.
Петро при помощи ребят
Отправил друга в медсанбат.

И с той поры Малков пропал.
В свой батальон не возвратился,
Никто судьбы его не знал –
Неужто с жизнью он простился?
Не верилось, что Саши нет,
Что не придет его привет.

В глаза погибели смотреть
Петро привык. Ведь в танке все же
Пришлось четырежды гореть,
А вот друзья?! Храни их Боже!
Привыкнуть он никак не мог
Терять их в грохоте дорог.

Да разве позабудешь Сож?!
На этой речке бой был лютый.
Попал снаряд – стальная дрожь,
Машину развернуло круто.
Еще удар – она в огне,
И экипаж пленен в броне.

Но слава Богу! Удалось
Сбить пламя в заводи речушки.
И был врагу, как в горле кость,
Огонь их вновь ожившей пушки.
Она в упор огонь вела,
Пробить пехоте путь смогла.

А вскоре их гвардейский полк
Был переброшен к Ленинграду.
От Пулкова чуть на восток.
Петр принял это как награду:
Вокруг родимая земля –
Леса, избушки и поля.

И тут он с болью узнает,
Что Федя, брат, погиб, схоронен...
Уж Вася в армию идет
И отомстить врагу настроен.
Володя жив крестом одним,
Недавно мать встречалась с ним.

После раненья по пути,
На фронт спеша, он, возмужавший,
Сумел для мамы час найти
И встретил взгляд ее воспрявший.
Ведь о потере Феди весть
Могла ее в могилу свести.

От Пулковских высот рукой
Подать до той горы Вороньей,
Где полк с утра своей броней
Ломал дух немцев оборонный.
Он цели к вечеру достиг,
Наметился к прорыву сдвиг.

Для многих дорогих друзей
Сей бой был на веку последний.
Под залпами артбатарей
Горел, гремел весь край передний.
То был не сорок первый год –
Полк погибал, но шел вперед.

Разбита верхняя броня,
Танк уклонялся, землю роя,
Между фонтанами огня,
И так не выходил из боя.
Подавлен дзот, разбит блиндаж –
Не спас фашистов камуфляж.

– Прорвались, братцы! Взят рубеж
На этом фронтовом участке...
Теперь кругом круши и режь
Все загражденья и оснастки.
Привет горячий фрицам шлет
Петра надежный пулемет.

Рода всех войск слились тут
В едином яростном потоке.
Они стрелой в прорыв идут,
Чтоб закрепить победу в сроки.
И вот уже в который раз
«В разведку боем!» – дан приказ.

Два танка шли, раскрыть стремясь
Систему вражьих укреплений.
Антипов вел со штабом связь.
Машиной управлял, как гений,
Тарханов в сполохах огня,
От смерти экипаж храня.

Их дружно встретили огнем.
Все больше пушек в бой вступало,
В открытом поле ясным днем
Чтоб уцелеть – надежды мало.
Вернее, вовсе ее нет,
И это, право, не секрет.

Сосед уже подбит, отстал.
Теперь одни – такая доля.
Обстрел сильнее вдвое стал.
Метался танк, со смертью споря.
И вдруг удар снаряда в бок –
Тарханов сник, навеки смолк.

По танку фрицы все палят.
Убит и командир машины,
Ее мотор огнем объят...
Вокруг снаряды рвутся, мины.
Антипов выбрался с трудом,
Стоял кромешный ад кругом.

Он полз к своим сквозь дым и тлен,
Фуфайки сбросив едкий факел.
Мелькнула мысль: неужто плен
Итог стремительной атаки?..
Рукой нащупал пистолет,
В обойме есть врагу ответ.

В снегу от боли ножевой
Он вскоре потерял сознание.
Танкисты подняли: «Живой!
В санбат его без опоздания...»
И снова выжил... Снова в бой,
Но экипаж уже другой.

Судьба

Победный ветер дул свежей,
На фронтовых дорогах скользких,
И враг от наших рубежей
Уж до земель отброшен польских.
Январь, последний год войны.
К победе все устремлены.

Не всем, конечно, суждено
Дойти до самого Берлина.
Немало бед уже давно
Таила грозная чужбина.
И штурм немецких батарей
Оплатят слезы матерей.

И наступил январский бой,
Последний для Петра, пред Вислой.
Палили пушки на убой
По танкам с горечью прокислой.
Враги отчаянно дрались.
Их о судьбе пугала мысль.

Вздымая вихри за собой,
Держа фашистов на прицеле,
Все ж танки удержали строй
И точно поражали цели.
О как в те дни, идя на смерть,
Бойцам хотелось уцелеть.

В упорной битве пал рубеж
Сплошной Наревской обороны.
В ней танки расширяли брешь,
Сметая с флангов бастионы.
Противник был еще силен –
Немало танков выбил он.

Дрожал плацдарм на склоне дня
От взрывов мин и артснарядов.
И вдруг удар – дрожит броня.
По ней осколки сыплют градом.
Глаза слезятся, едкий дым.
«Беда, ребята, мы горим!»

Стрелок, водитель, командир
Покинули свою машину.
Окрест перевернулся мир:
Все мигом рухнуло в пучину.
Они попали под обстрел,
Один Антипов уцелел.

Броском, контуженный, в крови
Дополз до блиндажа вслепую.
Ему казалось, там свои,
А получил оттуда пулю.
«Все кончено, ты не жилец.
Так вот где, Петя, твой конец...»

В нем тлел сознания волосок.
Он видел, немец, убегая,
Навскидку целится в висок –
Блеснула вспышка огневая.
И стало жарко и темно –
Так тихо не было давно.

«Который день, который час
Танкист в сознание не приходит?
О Господи! На этот раз
Душа его, кажись, уходит...»
Но вдруг сказал он: «Дайте пить...»
«Очнулся, значит, будет жить...»

В халате белом медсестра
Внимала раненным в палате.
И все же чаще до утра
Пеклась о нем, словно о брате.
Тяжелый самый, он из них
Был для нее родней родных.

В военный госпиталь его
Внесли солдаты чуть живого.
Никто не слышал от него
Доселе жалостного слова.
Воды ему в иссохший рот
Сестра по капельке дает.

Еще вчера горел огнем.
На чем душа держалась только?
О, сколько дней пеклись о нем,
За жизнь его боролись стойко.
Таисья Павловна, хирург,
Разорвала смертельный круг.

Танкист метался в забытии:
Змеей ползла к плечу гангрена.
Теперь от смерти не уйти,
Коль меры не принять мгновенно.
Сверкнула сталь в руках врача –
Отняли руку до плеча.

Недолгим был его покой.
Забили вновь врачи тревогу.
И вслед за левою рукой
Пришлось отнять ему и ногу.
Лишь стал к потере привыкать,
Но тут беда пришла опять.

Однажды, вся как белый лист,
Хирург вошла к нему в палату:
– Нельзя тянуть, прости, танкист,
Жизнь требует и эту плату.
– Раз надо – режьте, что же ждать...
Сестра не в силах слез сдержать.

И вот он без руки, без ног,
Уже навек не статный, бравый.
Представить и во сне не мог,
Что скоро кисть отнимут правой.
Без рук, без ног, как дальше жить,
Чтоб не обузой близким быть?!

Он маме запретил писать,
Готовый на удел бездомный.
Хоть образ чаще стал вставать
Пред ним любимый, нежный, скромный.
– Довольно испытала мать!
Зачем же снова ей страдать?

Ей столько выпало невзгод,
Потерь ей выпало немало.
Прости, но Петя не придет.
Война судьбу его сломала.
Гляжу в грядущее с трудом.
Приют мой – инвалидный дом.

А вскоре Петр уже в пути –
Направлен он в степной Саратов,
Чтоб курс леченья там пройти
Под наблюденьем гиппократов:
Два года там лечился он,
Судьба его, как тяжкий сон.

Мать

Страницу ночи в полумгле
Заря едва перелистала.
А жизнь уж ожила в селе,
И Анна до рассвета встала.
Оставшись в домике одна,
Давно уж плохо спит она.

Приходят воины домой
В село родное понемногу.
Живя надеждою одной,
Она все смотрит на дорогу:
Рассудок спорит, сердце ждет,
Что Петя жив, что он придет.

Так в ожидании длятся дни
С мечтаю о счастливой вести.
Молила Бога: «Сохрани
Петрушу, пусть мы будем вместе.
Жила молитвою своей –
Один лишь Вася пишет ей.

Он на восточных рубежах
Армейскую проходит службу.
И ценит в воинских делах
Однополчан святую дружбу.
Шлет часто матери поклон,
Отслужит, к ней вернется он.

Послевоенные года
Залечивали раны властно.
Отстраивались города.
Трудились люди ежечасно.
Устав, они могли заснуть –
С войны убитых не вернуть.

– Кирилловна, пускайся в пляс, –
Запела Дуся от калитки.
– Письмо тебе пришло сейчас
С известьем, по моей прикидке.
Смотри – не Васина рука,
И штамп саратовский полка...

Писала Аня медсестра
С тревогой о пропавшем сыне:
«Мы лечим целый год Петра,
Опасность миновала ныне,
Хоть запретил он вам писать,
Но грех таиться – вы же мать.

С нелегким сердцем сообщаю,
Что только вы ему нужна.
Вам будет нелегко, я знаю,
Виной проклятая война.
Но есть надежда, по всему,
Что вы ответите ему».

«Анюта, милая, родная,
Давно я вести сей ждала,
На Бога только уповала,
Одной надеждою жила,
Какое счастье – он живой!
И будет вскорости со мной...»

Оставив все свои дела,
Успев усердно помолиться,
С узлом, немедля, в чем была
Она на поезде уж мчится
Туда, где сын ее не ждет
И маму лишь во сне зовет.

Под монотонный стук колес
Ее терзал, не отпуская,
Один-единственный вопрос,
Что с Петею, беда какая?
Не мог он ради шутки злой
Им запретить писать домой.

Когда война взяла разгон,
Минули, кажется, не годы,
А вечность целая. Ведь он
Был крепок, батиной породы.
Два года с лишним не писал –
Наверно, руки потерял.

Каким бы ни был, коли жив,
Возьмет его домой скорее.
Он будет жить средь милых нив,
Вдвоем им будет веселее.
Не доверяя никому,
Она всю жизнь отдаст ему.

Вот госпиталь. – Она вошла
С нехитрым узелком в покои
И словно к полу приросла,
Слезинку утерев рукою.
А голос рвется и дрожит:
«Антипов, сын мой, где лежит?»

Дежурный у нее спросил
Название корпуса, палаты.
– Не знаю... – Рухнула без сил,
Очнулась... Белые халаты,
В тумане видит пред собой.
– Скажите, где я, что со мной?

– Голодный обморок у вас,
Усталость, переутомленье.
Сказали вы, что сын у нас?
Давно лежит на излеченье?
И Анна подала ответ
Анюткой присланный конверт.

Да, не без добрых мир людей.
О ней заботу проявили.
Врачи в течение двух дней
Ее немного подлечили,
Питанье, тихое житье –
Сумели выходить ее.

Когда проходит жизнь, как сон,
Полезна матери потеря...
В палате мать увидел он,
Еще глазам своим не веря.
– Теперь ты, мама, будешь знать,
Что нечем мне тебя обнять...

– Петюша, милый, как ты мог
Увериться, что будешь в тягость.
Ведь милость оказал мне Бог:
Вернул тебя, моя ты радость.
Пока жива я, ты, мой сын,
На свете будешь не один.

– Могу ли сына я забрать? –
Спросила, овладев собою.
– Нет, вам придется подождать:
Его подлечат под Москвою
И смастерят руки протез,
Он будет нужен позарез.

Им сможет он и ложку брать,
Чтоб накормить себя едою.
Потом научится писать
Как настоящей рукою...
Заплакала: «Спасибо вам,
Всем нянечкам и докторам».

Без маяты в дальнейший путь
Антипова собрали вскоре.
И Аня тож пришла всплакнуть,
Не пряча грусть свою во взоре.
– Счастливо, милый, и прощай,
За жизнь бороться обещай...

Жалела ли его, любила?
 Кто знает? Не об этом речь,
 Ей на душе отрадно было,
 Что жизнь смогли ему сберечь.
 О сколько раз в ночи одна
 Над ним склонялася она.

Петро прощально посмотрел
 На госпитальную обитель.
 В ней жить он снова захотел:
 – Спасибо, Ангел мой хранитель,
 Спасибо вам за все, друзья,
 Вас всюду помнить буду я.

В Москве протезы для него
 Сработали и подогнали.
 Чему учили? Для чего?
 Рассказывать есть смысл едва ли.
 Но вскоре правую рукой
 Он написал письмо домой.

Держал он вилку, нож...
 На курсах мастерил шкатулки,
 Хотя и трудно было, все ж
 Освоил с няней он прогулки.
 Надев искусственные ноги,
 Петро шагать мог по дороге.

.....

«Теперь не только пчеловод, –
Писал он маме окрыленно, –
Но и бухгалтер-счетовод
Я по бумагам всем законно...»
Готовый к жизни трудовой,
Петро вернуться мог домой.

Отъезда час его настал.
Сквозь кутерьму и визг трамваев
Антипов едет на вокзал,
С ним Саша, лейтенант Валяев.
Петра везет он в край родной,
На Волхов, к матери домой.

– Не верится, что еду я, –
Антипов говорил, вздыхая, –
Перед глазами мать моя,
За что же ей судьба такая.
Ведь не отраду и покой
Я принесу ей в дом с собой.

Уж нет – погибли на войне –
Двух братьев, Феди и Володи.
Раз ночью мать приснилась мне,
А я с дружкой шагаю вроде.
Она навстречу мне идет:
«Петруша! Петенька!» – зовет.

Валяев, слушая Петра,
Никак не мог себе представить,
Как тот на труд пойдет с утра
Весь на протезах. Что лукавить?
Однажды протрезвится он,
Когда пройдет иллюзий сон.

Но лейтенант сомнений все ж
Не выдал и спросил: «Куда же
Работать ты теперь пойдешь?»
Петро ответил: «Все туда же,
Я по призванию лесовод,
Учиться мне остался год».

А вот и Волхов. Сколько лет
Не видел он места родные.
И, может быть, ему привет
Как раз шлют сосны вековые,
Сверкая стройно перед ним.
Нет, он еще вернется к ним.

– Ты подожди немного здесь,
До Ладоги нам транспорт нужен.
Машины в городе ведь есть,
Глядишь и попадем на ужин...
Нашел Валяев грузовик:
– Прошу в кабину, фронтовик!

Петра встречает и манит
Его Приладожье родное.
Облитый бронзой бор стоит,
Упершись в небо голубое,
Уж зеленеет ровный луг,
Березки стройные вокруг.

В колхозе завершили сев,
Волной играет Волхов древний.
Девичий слышится напев
Со скотной фермы у деревни.
Уж виден мамы милый дом –
Сирень кустится под окном.

Как был он для него далек
И на войне, и в дни леченья!
Не чудо ли, что пробил срок
В родные веси возвращенья?
Ведь шанс один лишь был из ста
Вернуться в отчие места

«Не счесть тропинок и дорог,
Которыми ходил когда-то.
Теперь без рук я и без ног,
Калека, тело все в заплатах.
Где силы взять? Где их найти,
Чтоб в храм зеленый мне войти?»

Сидела Анна у окна,
На штопку подбирала нитки.
И вдруг увидела она –
Машина стала у калитки.
«Да это Петя, Боже мой!
Вернулся, наконец, домой».

И мать метнулась на крыльцо
Счастливая, ведь сын приехал.
Его глаза, его лицо
Ей зреть отрада и утеха.
– Ну здравствуй, мама! Это я.
Прими в чем есть душа моя...

– А это – Саша, без него
Я б не нашел к тебе дорогу.
Прими же, как меня его,
Он чудный парень, слава Богу.
Я вместе с ним похож на всех,
В ходьбе заметен мой успех.

Вот видишь, до крыльца я сам
Дошел без помощи отменно.
Придет пора, и по лесам
Начну ходить я постепенно.
– В мозгу его затменье, жаль, –
Валяев думал, глядя в даль.

И тут же полный вещмешок
Занес съестного провианта:
– А это вам Петра паек,
Подарок ценный интенданта.
Накрыла Анна тут же стол,
О жизни разговор пошел.

Валяев опекал Петра
Еще два дня и в путь собрался:
– Удачи вам, а мне пора,
Я рад, что с вами повстречался.
Зовет служебная стезя,
Гостил бы дольше, да нельзя...

Надежда, Вера и Любовь –
Для сердца русского святые.
Им никогда не прекословь,
Не льстись на горы золотые.
В Надежде, Вере и Любви –
Все блага сущие твои.

О том Антипов прочитал
В статье из областной газеты.
А после, думая, не спал:
«Как глубоки отцов заветы!
Без этой троицы бы мне
Не выжить было на войне...»

Петро подолгу в тишине
Своей культей слова выводит.
И мать порою в стороне
Сидит, очей с него не сводит.
И думает: «Сынок родной,
Не заболел бы ты хандрой...»

Но Петя чище стал писать,
Ища пропорций одержимо.
Друг другу буковки под стать
Ровней ложились без нажима.
Теперь – ходить, ходить, ходить,
Его мечта – лесам служить.

Давно потерял счет часам,
Сил не жалея для развития,
Твердит себе он: «Только сам
Ты должен предрешать события.
Учись ходить, учись, учись.
В покое – смерть, в движенье – жизнь».

Но как ходить? Легко сказать.
Попробуй устоять без трости.
Одной культей ее не взять,
И боль в ногах пронзает кости.
Боль окаянная, как враг,
Сопровождает каждый шаг.

В который раз перечитал
Он Батюшкова сочиненье.
Поэт природу воспевал,
Любя, искал в ней вдохновенья.
Сии стихи, впадая в грусть,
Петро уж помнил наизусть:

«Есть наслажденье в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!

С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает слов
И как молчать об них – не знаю».

Сначала по двору шагал,
Затем по тропке за калиткой.
Сто раз он падал, но вставал
И жил сто первую попыткой.
Десятый шаг и падал вновь,
Бывало, разбивался в кровь.

Мать плакала, но строгий сын
В ответ отверг ее подмогу.
– Так убиваться нет причин, –
Он говорил ей, – лучше Богу
Перед Божницей помолись.
Ну право, мама, улыбнись...

Он без нее протезы ног
Одеться с утра и снять под вечер,
Конечно же, никак не мог.
Об этом не было и речи.
Но вот ходить да по лесам
Он должен научиться сам.

И наконец, Петро сумел
Дойти до леса и обратно,
И взгляд его повеселел
И даже повлажнел приятно.
– Поздравь меня с победой, мать,
Теперь могу я сам шагать!

А тут под осень аккурат
Здоровый, удалой вернулся
С военной службы младший брат,
Он к Пете сразу потянулся.
И маме легче: Вася с ним
Стал жить дыханием одним.

Василий поддержал Петра:
– Учиться дельное решенье!..
– Что ж, в Тихвин затемно с утра
Поеду продолжать ученье.
Коли возьмусь за дело прочно,
Учебу завершу заочно.

Петро впервые в дальний путь
Отправился один, без мамы.
Она ж, не смея глаз сомкнуть,
Ждала, страшась возможной драмы.
Ведь беззащитный, как дитя,
Он мог разбиться не шутя.

Идти до техникума там
От станции совсем не близко.
Петро решил: доеду сам!
А дождь прошел и стало склизко.
И сердце матери болит,
Заноза что ли в нем сидит?

Ведь мог бы Вася проводить,
Но он не разрешил и брату:
– Пора без провожатых жить, –
Сказал он, оставляя хату.
Все ж мечется в тревоге мать,
Решила Васю вслед послать.

А тут как раз зашел лесник:
– Кирилловна! Звонил Петруша.
Он у тебя большой шутник,
Ты только, матушка, послушай.
Он шлет тебе большой поклон,
Учиться очно будет он.

Не мальчик – воин фронтовой,
Увидев Тихвин, улыбнулся.
Намедни Юрий Кошевой
К призванью мирному вернулся.
Не долго думал он, как жить,
Решил учебу завершить.

Вокзал. Мерцает тускло свет
В притихшем зале ожидания.
Петро Антипов? Или нет..
Отбросив прочь все колебанья,
Спросил Антипова солдат:
– Скажите, вы – Володин брат?

– Да, брат. Не ты ли Кошевой?
Ответил Юрий: – Да он самый
Володи нет, а я живой,
А был он смелый и упрямый.

.....
.....

– Решил учиться, – молвил Петр, –
Окончу техникум заочно.
Одна преграда – медосмотр,
Врачи зарубят, это точно...
– Бог с вами, – хмыкнул Кошевой, –
Учиться будете со мной.

– Эх, Юра, если бы ты знал,
Не только рук, и ног ведь нету! –
И он протезы показал,
Как говорится, по секрету.
Оторопевший Кошевой
Затылок почесал рукой.

Не зря Петро хандрит – еще бы!..
Но, поразмыслив, предложил
Им вместе жить во дни учебы.
Он дружбу брата не забыл.
Как близкий будет помогать
Ему во всем. Петру решать.

И потекли в учебе дни.
С ним Кошевой всегда был рядом,
С утра до полночи они
Одним на жизнь смотрели взглядом.
Ученье, быт или досуг –
С Петром был неразлучен друг.

Что тяжело – не подавал
В лесу, на практике он виду.
Не признавал, не принимал
Петро поблажек инвалиду.
На равных по лесу шагал
Со всеми – устали не знал.

Однажды вьюжною зимой
Директор показал собранью
Шкатулку с чудною резьбой.
– Студенты, вашему вниманью
Я предлагаю угадать,
Кто мог из вас ее создать?

Молчание со всех сторон...
– Что? Даже нет предположенья?
Тогда я сам скажу, кто он –
Антипов! – В зале изумленье.
Ну как Петро предмет такой
Мог смастерить одной культей?!

Сегодня трудный был денек.
В лесу глубокий снег; морозно.
Бродили вдоль и поперек
По вырубкам. Вернулись поздно.
Устали все, нет больше сил,
А Петр эскизы все чертил.

Дивиться Кошевой, ворчит:
– Считай, мы вместе ежечасно.
Я с ног валюсь, а он – не спит
И чувствует себя прекрасно.
Коль не прикрикнешь – до утра
Не оторвешь от книг Петра.

Откуда силы он берет?
И как нужду и боль выносит?
Ведь часто кровь из ран идет,
А он о помощи не просит.
И лишь во сне словцо обронит,
То повоюет, то застонет.

Лесничий

Прошел в трудах ученья год.
Легко пройдя проверку знаний,
С дипломом техник-лесовод
Вернулся в мир своих мечтаний.
Заветный край родных лесов.
Счастливый Петр увидел вновь.

Еще на практике весной
От потрудился здесь немало.
– Да, есть запал в тебе лесной, –
А без него пиши пропало, –
Ему директор говорил.
Он от Петра в восторге был.

Теперь привез его Лукин
В лесничество на Волховстрое:
– Тут поменялся не один
Лесничий – место не простое.
Характер ваш известен мне,
Я верю, справитесь вполне.

Нелегко пост. Прошла война,
Леса изрядно поредели.
Кругом оставила она
То гари, то завалы ели,
То вырубка среди болот,
На годы хватит вам забот...

И вот хозяйство все на нем:
Дрова, наряды, лесоводы,
Конюшня с разбездным конем,
Отчетов годовые своды.
А в кабинете – стул и стол,
Пустая касса, голый пол.

Зато полно лесных забот,
На них и суток не хватало.
С работы за полночь придет:
– Ну где, Петро, тебя шатало?! –
Переживая, спросит мать, –
Ведь в дальний лес ходил, видать?!

Сегодня с группой лесников
Он целый день был на отводе
Делянок в рубку. Смысл таков,
Чтоб выдел выбрать по породе
С учетом спелости, полнот,
Вписавшись в плановый доход.

Лесную стражу отпустив,
Антипов вышел на просеку.
Он сил испытывал прилив.
Немного нужно человеку –
Ему для счастья все дано,
Но не для каждого оно.

В лесу осеннем воздух чист,
Луч солнца на стволах играет.
С берез слетая, легкий лист
Тропинку мягко устилает.
Лишь ели в платье голубом
Стоят невестами кругом.

А обочь одинокий клен
Искрится пламенем холодным.
В вечернем ореоле он
Лучом отмечен путеводным.
Шагает Петр в тиши лесной,
Объятый думою одной.

«Какая драма для семьи,
Когда отец приходит пьяным.
Транжирует денежки свои,
Дружа со змием окаянным.
Пугает деток и жену,
Он им являет сатану.

Другой и трезв, но в доме нет
Семейной радости и счастья –
Изменник явится чуть свет,
С другой изведав сладострастья.
И врет, что на дежурстве был,
А близким Божий свет не мил...»

Недавно девушку в ДэКа
Заметил, проводя собранье.
И по своей семье тоска
Вдруг заняла его сознание.
Любовью мог он дорожить,
Но смогут ли его любить?

– Неужто я, как этот клен,
Теряясь в грусти одинокой,
Любовью буду обделен
Из-за отказа черноокой.
Житейски взвесит: мол, не дож,
Ну и какой же он мне муж?..

С такими мыслями домой
Антипов вскоре возвратился,
Надел костюм парадный свой.
– Куда ты, Петя, нарядился? –
С улыбкою спросила мать. –
Уж не невесту ль выбирать?

– Ты угадала, как всегда.
Есть милый образ на примете.
И если нынче скажет: «да»,
Счастливым стану я на свете.
– Тогда, сынок, смелее будь,
Не вешай голову на грудь.

И смотрит Анна сыну вслед,
А слезы катятся невольно:
«Женитьба будет не во вред,
Ведь он намыкался довольно.
К тому ж и возраст – тридцать лет.
Для мужика считай – расцвет».

А вскоре ожил тихий дом –
Женился Петр на Антонине.
И согревала их теплом
Мечта заветная о сыне.
Невестка подружилась с Анной,
Была она в семье желанной.

В работе пролетали дни,
Но луч взаимного привета
Дарил им радости одни.
Так шло к концу второе лето.
Благие открывались дали –
Они давно ребенка ждали.

Вернулся поздно Петр домой.
Навстречу мать: «В больницу надо!
Послать хотела за тобой:
У Тони схватки... Как я рада!
И очень кстати лошадь тут.
Вези, ведь роды-то не ждут».

А утром позвонила мать,
Поздравила с рождением сына:
– Такой крепыш! В тебя, видать,
Надежный вырастет мужчина.
И Тоня в здравии. Езжай,
Ее и сына повидай.

Посадки леса начались –
Лесничему вдвойне заботы.
Вот у конторы собрались
С утра девчата на работы –
Кому-то сеянцы копать;
Умело их сортировать;

Кому-то елочки сажать
Под меч вручную по делянкам,
От сучьев выруб отчищать,
Сжигать их в кучах спозаранку.
Телегу и коня кому
Доверить – то решать ему.

Весна – горячая пора.
Земля проснулась от дремоты.
Людей разводят мастера,
Согласовав свои расчеты.
Лесничий – делу голова,
Его работа такова.

По перелескам первоцвет
И ясноглазка, медуницы
Благоухают. Их привет
В лицо Антипова струится.
Среди березок и кустов
Запеть уж соловей готов.

Он зачарованный стоит
Один в плену лесной картины.
Работа общая кипит.
Для огорчений нет причины.
«Мечта сбылася – есть семья
И сын растет – душа моя»

Вот зяблик ближе и звончей
Защелкал, засвистел на ветке.
К гнезду возлюбленной своей
Не пустит никого. К соседке
Не полетит. Он – однолюб,
Поет, взъероша хохлик-чуб.

Застыл Антипов и притих,
Заметив скромное гнездовье.
Зяблиха в нем птенцов своих
Растит заботливо, с любовью.
А папа-зяблик ей несет
Питание и вновь поет.

Вот непоседа муравей
Пыхтя, с тяжелою поклажей,
Спешит к большой семье своей.
А муравьи стоят на страже
Вокруг поместья своего –
Им нет дорожке ничего.

Куда ни глянь – бьет жизнь ключом.
Весна приводит все в движенье.
Хлопочет живность вся о том,
Как дать на смену поколенью.
Букашки ищут при знакомстве
Свое бессмертие в потомстве.

Лишь человек бежит из дома
По зову призрачных затей.
У модниц в голове солома,
Куда же им рожать детей?
Как много их, кто без сомненья
Свои пропили поколенья.

В один из летних вечеров
Антипов поздно возвратился
С букетиком лесных цветов.
В лесу он за день притомился.
Навстречу вышла мать в слезах –
Стояла боль в ее глазах.

– Случилось что? Ответь же мне, –
Спросил он, обмерев, с порога.
– Не знаю я по чьей вине,
Но, не боясь людей и Бога,
Твоя жена совсем ушла,
С собою сына унесла.

– Не плачь, виновен я один.
Ей было нелегко со мною...
В таких делах нет середины –
Наверно, я ее не стою.
Любви и не было, видать.
Зачем ей, не любя, страдать?..

Так молвил, а в душе своей
Он потрясен был и обижен.
А после многих долгих дней
Ходил расстроен и унижен.
Все то, чем дорожил он свято,
Вдруг удалилось без возврата.

Он уходил в сосновый бор,
Ища себе уединенье.
Там привечало его взор
Столетних сосен ополченье.
Наперекор своей беде
Он ищет выход лишь в труде.

То едет к лесорубам он
Проверить, нет ли нарушенья.
И весь подрост ли сохранен –
Залог лесного возрожденья.
То на питомнике лесном
Осмотрит все посева в нем.

Прополку не пора ль вести?
И нет ли в грядках полеганья?
Быть может, надо провести
Там опыление заране.
Заботы требует его
Питомник более всего.

А тут и на разрубку трасс
По заболоченным массивам
Заехать надо. Уж сейчас
Туда идет по узким гривам
Лесхоза техника, чтоб там
Прорыть каналы по лесам.

И в этой карусели дел,
По сути, срочных, неотложных,
Тот год печальный пролетел.
Теперь он в хлопотах дорожных –
Собрался ехать в Ленинград:
– Учиться дальше буду рад.

Ты, мама, не переживай –
Знакома мне туда дорога.
Вот сдам экзамены – встречай
Студента вуза у порога.
Василий там ведь, продержусь,
Не сомневайся, я вернусь.

Василий уж не первый год
В лесном учился институте.
И брата милого поход
Приветствовал душой, по сути.
– Ученье, мама, для него
Теперь полезнее всего.

Как, дуб, израненный грозой,
От ветра в стороны не гнется,
Так и Петро перед бедой
Один стоит – не поддается.
Отличен волею своей
Он – богатырь среди людей.

Антипов ищет деканат,
Шагая в форменной фуражке.
Вдруг окликает его брат:
– Хвалю, ты прибыл без промашки!
Как раз поступишь в институт,
Друзей твоих немало тут.

Он принял тут же горячо
В объятия дорогого брата...
Стоят они к плечу плечо
Два русских доблестных солдата.
Им знаменитый вуз лесной
Отныне, словно дом родной.

– А как семья? Жена и сын
Доселе так и не вернулась?
– Нет, Вася, мыкаюсь один.
Дороги наши разминулись
Бесповоротно, навсегда.
Но сына вижу иногда.

Он, знаешь, стал уже ходить,
Растет забавный и смышленный.
Ее я не могу винить,
Тем паче, что вопрос решенный.
Вот только, мочи нет, скучаю
По сыну. В нем души не чаю.

Но если б захотела вновь
Обратно женушка вернуться,
Сказал бы так: «Прошла любовь
И до нее не дотянуться...»
Все в прошлом, Вася. Видит Бог,
Жить с Тоней вместе я б не смог.

Дней десять в комнате одной
Два брата в общежитье жили.
Один – на лекции, другой –
Экзамен сдать с утра спешили.
Встречались вечером за чаем,
Беседы их мы опускаем.

Василий оказался прав:
Петро зачислен был студентом.
В нем опыта и знаний сплав
Всех убедил на сто процентов.
Конечно, он счастливей всех,
Но надо закрепить успех.

Помог Василий подобрать
Учебники, конспекты лекций,
Чтоб смог учебу он начать
Без вспомогательных инъекций.
Затем оказией одной
Они приехали домой.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

С утра осенний сыплет дождь,
В конторе вся лесная стража.
Погоды нет пока, ну что ж,
Повестка дня одна и та же:
Учебу личному составу
Подать не скучно, как забаву.

– Должны лесник и мастер знать,
Как Библию, все лесоводство.
Велит Устав нам изучать
Инструкции и руководства.
Они для нас, что хлеб родной,
Зачеты сам приму зимой.

А нынче к нам вопрос такой:
Чем отличается прочистка
От рубки, скажем, проходной,
Когда ее ведут?.. Никитка?!
Уж руку тянет. Невтерпеж
Ответить поскорей. Ну что ж,

Лесник Никитка. Он таков,
Что сколь ни задавай вопросы,
На все ответы дать готов,
А мы, Григорьич, вас попросим
Продолжить важный разговор...
Так длился деловой разбор.

А дождик разошелся – страсть,
Уж в окна хлещет, барабаня...
– Сегодня в лес нам не попасть,
Что ж, мужики, сходите в баню.
От груза веничком в парной
Освободите дух родной.

Но вот сегодняшний урок
Не выпарьте. Когда контора
Вся опустела, на замок
Ее закрыл Петро не скоро.
Он весь ушел в дела лесхоза,
Хотя они сплошная проза.

Жена

– Тебе, сынок, пора бы спать,
Некстати чтением увлекся,
Ведь рано затемно вставать,
С какую головой проснешься?
– Тут, мама, не простое чтение.
Представь себе хоть на мгновенье,

Что если бы земля была
Кругом бестравной и безлесной,
Она бы жизнь нам не дала,
Как морг плывя во мгле небесной...
– А ты, сынок, представь немного,
Какой была б она без Бога?..

Ты, Петя, вроде, стал хандрить,
В науках, что я понимаю?
Пора, пора тебя женить,
Но вот на ком – не представляю.
Она его перекрестила
И спать, вздыхая, уложила.

А время между тем идет.
Антипов с головой в заботах,
Он то экзамены сдает,
То вновь на полных оборотах
Организует дело так,
Чтоб с планом не попасть впросак.

Ведь строго, как приказ, его
Лесхозу сверху опускали.
И без поблажек на него
Ответственность всю возлагали.
Коль сорван план, ты виноват
Сам на себя пеняй, солдат.

Тянул Антипов этот воз
За счет отменных качеств личных.
И вытянуть сумел лесхоз
В число передовых, отличных.
Он перевел, найдя опору,
«Лесничество» в свою контору.

И роз божественных кусты
Вокруг нее развел законно.
Заезжие, разинув рты,
На них смотрели восхищенно.
Нелегкими года те были,
Их прелесть многие забыли.

На лесосеках поднялся
Приветливый подрост здоровый.
Осушкой почву воскреся,
Он посадил массив сосновый.
С ним лесоводы дружно жили.
Они лесничего любили.

Хлебнувший горюшка народ
Благому сердцу цену знает...
Встречать совместно Новый год
Профком на вечер приглашает.
К столам гостей уже зовут,
И Петр Антипов тоже тут.

И вот звучит за тостом тост!
В разгаре праздник Новогодний.
Лесничий скромн, мил и прост,
Он слово светится сегодня.
Открытый людям всей душой,
На званном вечере он свой.

На круг Яранцев и Тюльпа
Выходят с женами, танцуя,
За ними в пляс идет толпа...
Но разве так сплясать могу я, –
Подумал Петр, – нет, в стороне
Пока держаться нужно мне.

Меж тем веселие разгон
По восходящей набирало.
И вдруг ее увидел он,
И сердце чаще застучало.
В последний год его ученья
Ее он видел, без сомненья.

Тогда они в запарке были,
Пора экзаменов была...
Тут дамский танец объявили.
Она с улыбкой подошла
И предложила: «Можно вас
Мне пригласить на этот вальс?»

– Спасибо, очень бы желал,
Но извините, не умею...
– Попробуем. – Он танцевал
Уверенней, любуясь ею.
Она улыбкой отвечала,
Его душевно ободряла.

А следом танго и фокстрот...
Петр не теряет незнакомку.
Он к ней приветливо идет,
Зовет на краковяк, на польку.
Ему понравилась она –
Душа надеждою полна.

– Однажды в Тихвине весной
Вас только мельком увидала.
И вот вы здесь передо мной,
Конечно, сразу вас узнала...
– Меня Петром зовут. А вас?
– Зовите Анной, чудный вальс...

Весь вечер весело они
Со всеми вместе танцевали.
Сердцами будучи сродни,
Они друг друга дополняли.
– Мы будем вместе навсегда?
– Она в ответ сказала: «Да».

– Коль так, то ведайте о том,
Что покалечен я войною.
Не пожалее ль потом,
Связав судьбу свою со мною?
Ведь у меня ушла жена,
Есть в этом и моя вина.

– Люблю тебя я, видит Бог,
И стать хочу твоей отрадой,
Чтоб ты всегда сказать мне мог:
«Ты, Анна, стала мне наградой
За все страдания мои».
Взамен хочу твоей любви.

Во мгле январских выходных
От едет в Тихвин за невестой.
Гостинцы для ее родных
Везет в котомке полновесной.
«Как примут?» Сей вопрос его
Тревожит более всего.

– Ну что ж, присядемте за стол, –
Сказал отец – солдат бывалый, –
Я тоже всю войну прошел,
Имею ранам счет не малый.
Коль крепко любишь нашу дочь,
Благословить мы вас не прочь.

– За это выпьем по одной...
Петр, чокнувшись с ним, рюмку ставит.
– Ты что же пить не стал со мной,
Скажи зятек? – Зачем лукавить?
Тут нет подвоха никакого,
Ведь я вообще не пью спиртного.

– Похвально очень... Так держать.
Ты слышишь? Радуйся, мамаша.
Совсем не пьет спиртного зять.
И Анна, доченька-то наша,
Скажу, нисколько не греша,
Такая ж чистая душа.

Прощается с Петром отец
Возле трехтонной колесницы.
И мать сказала, наконец,
На ушко дочери в светлице:
– Умен он и красив на вид,
Но ведь и полный инвалид?

– О, мама, видела бы ты,
Как он подвижен и заботлив!
Мужской в нем столько красоты,
Что страха нет во мне. Напротив,
Не сомневаюсь – как жена,
Ему взаимно я нужна.

Любви радушье и привет
В любой семье всегда желанны.
И словно тихий Божий свет
Разлился: встретились две Анны.
Одна – жена, другая – мать,
В них улыбнулась благодать.

И стали жить они втроем,
Любовь к Петру объединяла.
Жена заботилась о нем,
Всю душу мужу отдавала.
Он жизнь свою в пылу тревог
Представить без нее не мог.

С утра она с Петром идет,
Оставив маму с домоседом.
В свою контору, на завод.
Досуг ей попросту неведом.
Ведь там экономист она,
А дома хлопоты до сна.

Работа ладиться у ней,
Везде невестка успевает.
Домой торопиться скорей
С работы. Мать ее встречает,
И между делом в путь былой
Они пускаются порой.

То матушка судьбой своей
Поделится с открытой болью,
То Аннушка расскажет ей
О детстве тихвинском с любовью
Или с печалью о войне,
Прольется речью в тишине.

О, сколько горя, сколько слез,
Потерь людских невосполнимых
Военный ураган принес –
Не счесть могил необозримых.
И ты, голубушка моя,
Хлебнула горя, вижу я.

Мне Петя как-то рассказал,
Что и тебе, еще подростку,
Пришлось и оборонный вал
Копать, и бревна на замостку
Таскать среди гнилых болот,
А там лились и кровь, и пот.

– Да, мама, страшная война
Своей не утоляла жажды,
И старших, и детей она
Брала, но, к счастью, однажды,
Хотя израненный, больной,
Вернулся наш отец домой.

То праздник в нашей был семье.
Мы, сестры, с мамой ликовали.
Была я старшей, и во мне
Уже характер признавали.
Желая матери помочь,
Я с ней трудилась день и ночь.

Еще девчонкою в лесхоз
Я ученицей поступила.
В лесу трудилась на износ
И в школу вечером ходила.
Затем был институт. Недавно
Его закончила исправно.

Судьба, что в Тихвине весной
Я Петю встретила впервые.
Он словно солнышко со мной,
Ценю я радости простые.
Без них царит в бреду идей
Бесплодие среди людей.

– Ты счастье принесла в наш дом,
И легче старой мне с тобой:
Все чисто, прибрано кругом,
И Петя вновь воскрес душою.
Теперь, куда я взгляд ни брошу,
Одна мою несешь ты ношу.

Дел меньше, легче и подъем...
– О, мама, будет дел не мало:
Ребеночка мы с Петей ждем, –
С улыбкой Аннушка сказала.
– О, Господи, вот радость нам!
Схожу свечу поставить в Храм.

Признание

Уже повсюду тает снег.
Поля разбужены ручьями.
Весна легко берет разбег,
Просторно ей под небесами.
Все выше солнышко сияет,
Лес постепенно оживает.

Лесничий в суতোлке дел:
Он должен встретиться с властями,
Иметь пожарный план-задел,
Проект питомника с полями.
Отладить должен инвентарь,
Вписаться точно в календарь.

В те годы грозный Минлеспром
В лесах лишь видел кубометры,
С его высот, верша погром,
Погибельные дули ветры.
И зрелый лес, и молодняк
Они крушили, как табак.

С посадкой леса не спешили.
Ольха, осина, ивняки
Места порубок полонили,
В них заводились лешаки.
Ведь этот вольный оборот
Был возрождением болот.

О, сколько времени и сил
Лесничий перевел на споры,
Он уговаривал, просил...
Но, как из ящика Пандоры,
Летели планов километры:
Лес изводить на кубометры!

Задумал Петр преобразить
Леса всей пригородной зоны,
Породы ценные взрастить
И перейти от обороны
С лесною ратью в наступленье,
Громя все пункты преткновенья.

Судьба осушенных болот,
Покрытых мхами мелколесья,
Его волнует. Там хлопот
Столь много, что из равновесья
Выходят замыслы его,
Но он добьется своего.

Освоить должен леспромхоз
Все площади опустошенья.
Решен уж с транспортом вопрос
И прочего обеспеченья.
Поддержкой заручившись, он
Доводит план до всех сторон:

– Задачи нынешней весны
Тяют немало интереса,
Проблемы общие ясны:
Посадка и охрана леса.
Но где, когда и что сажать,
В обходе каждый должен знать.

«Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов» –
Вот Пушкина завет священный:
Могучий дуб в расцвете лет
Пример – ему замены нет.

Наш долг – скорей найти места,
Где смог бы дуб расти добротню.
Начнем же с чистого листа
Сажать его, друзья, вольготню.
И тем на поприще святом
Мы укрепим наш общий дом.

А мастеров прошу взглянуть
На желуди, что в снежной куче.
Их нужно все перетряхнуть
И зорко выбрать, что получше.
Затем посадочный заряд
Мы в цель пошлем за рядом в ряд.

Нельзя нам с властью спорить днесь.
Во избежанье пререканий,
Прошу лесную стражу здесь
Не ждть особых указаний
И сходу, начиная год,
Проверить зимний рубок ход.

Я в школе вел переговоры –
Помогут делом нам юннаты.
Покажем им свои просторы,
Дадим мотыги и лопаты...
Заранее для них с умом
Определим работ объем.

Надеюсь я, Иван, на вас,
В питомнике работ немало.
– Приму юннатов хоть сейчас!..
– Добро. Хорошее начало
Детишек к лесу приучать,
Тем самым школе помогать.

В потоке повседневных дел
Проходит время незаметно.
Глядишь, и год уж пролетел,
Но для Петра не безответно.
Противники поджали хвост:
Куда ни глянь – лесов прирост.

Спокоен и настойчив он,
Угрозу видя, ровно дышит.
Пред ним немеет пустозвон,
Глухой его запрос услышит.
Заставит он, уж коли прав,
И власть блюсти Лесной Устав.

Находит отзыв его труд
Среди живущих поколений.
Навстречу все ему идут,
И сам он избегает трений.
Антипов стал незаменим,
И леспромхоз доволен им.

На благо, не жалея сил,
Он замыслов своих не бросил.
И всех лесничих восхитил
Умением решать вопросы.
Он знал: скандалами скорей
От дела отпугнешь людей.

Меж тем уже открыто, вскачь
Так уводили лесоводов
От лесоводческих задач,
Что факт безумия расходов
Лесных запасов утешал –
На ладан леспромхоз дышал.

Не потому, что слаб и плох
Его родной руководитель.
Не только он, никто не мог
Умерить монстра аппетита.
Звонят: «По графику сейчас
Отстали вы в кубах у нас!»

Бывает, вызовут в райком
Иль призовут из Ленинграда.
Не редок вызов в Минлеспром,
И сходу: «Кубометры надо!»
Антипов знает – всюду так,
Лесничий ходит в должниках.

Не спросят, что он посадил,
Где семена берет и сколько?
Дает кубы, тогда он мил.
Стране нужны кубы и только.
А то, что гибнет фонд лесной,
Не слышат в глухоте сплошной.

Чиновник для себя не глуп.
Хоть правду знает, но боится.
Пока внизу не сварят суп,
Он за леса не станет биться.
Дотоль прикинется тупым,
Совсем глухим или слепым.

Он без протезов инвалид
На государственной-то службе.
Не проходимец, не бандит,
С поэзией порою в дружбе.
Антипов же за фонд лесной
Готов идти в открытый бой.

.....
.....
.....
.....
.....

Открыто в прессе все смелей
В защиту леса пишут здраво.
И панихида все сильнее
Звучит по Минлеспрому. Право,
Того, что писано пером,
Не вырубешь и топором.

Не сразу, в муках, в блеске гроз
На свет единый и державный
В стране родился Главлесхоз.
То был момент победы славный.
Душою за такой подход
Давно был каждый лесовод!

Пусть пресловутый Совнархоз
Командовал еще лесами,
Над ним стоял уж Главлесхоз.
Следить он должен за делами
Заготовителей кубов,
Вооруженных до зубов.

Тогда инспекцией лесов
По ленинградским леспромхозам
Умело ведал Рэм Бобров,
Которого не слабость к розам
Как раз с Антиповым свела –
Цель общая у них была.

Спасти леса уж много лет
От выруба они мечтали.
По зову совести ответ
На сей вопрос давно искали.
Лесничество стремясь понять,
Рэм о Петре хотел все знать.

Для этого и в этот раз
Он ездил по лесным делянам.
Отметил зоркий его глаз:
Антипов честно, без обмана
Посадки новые ведет.
Лес воскрешается, растет.

Любой хозяйственный вопрос
В лесхозе он с умом решает.
И с лесорубов строгий спрос –
Лесная стража службу знает.
В конторских книгах виден лад...
– Что ж, Петр Григорьевич, я рад.

Дела в лесничестве у вас
Ведутся грамотно, толково.
Жаль, что в большой тайге сейчас
Нет отношения такого.
В ней кто хозяин? Лесоруб!
Лесной закон ему не люб.

Расхлебываем до сих пор
Тщету хрущевских реформаций,
Он беспределу дал простор.
Следы его галлюцинаций
Найдет любой, кому не лень,
В развале сел и деревень.

Теперь вот повернули вспять,
Те министерства возродили,
Без коих на ноги не встать.
О Минлесхозе не забыли,
На базе Главлесхоза он
Сегодня снова возрожден.

Бобров уехал... вновь леса
Возвращены от совнархозов
Во всех краях, во всех местах
В расположение лесхозов.
Но будут ли леса страны
От вырубса сохранены?!

Министра в главный кабинет
Управы всех лесов России
Верховный утвердил Совет.
По духу, по уму, по силе,
По биографии своей –
Он подходил для роли сей.

Ивана Воронова знал
Лесной народ по крепкой хватке,
Сей муж нигде не пасовал,
Еще при Сталине в упадке
Он принял Целлюлозапром
И отрасль возродил потом.

Однако ж пострадал и он
В страду хрущевскую слепую.
И был надолго удален
На север, в глухомань лесную.
При Брежневе туман стряхнули,
Его назад в Москву вернули.

Сперва, зачислили в Совмин,
Как заместителя премьера.
Он лесокомплекс вел один,
И лучше не было примеров.
Теперь возглавил Минлесхоз –
Кому ж еще тянуть сей воз?!

Он все леса объединил,
Подвел их под одну корону...
– Те, кто берег их и растил,
Должны блюсти их по закону.
Правдива логика, проста –
Все стало на свои места.

И вновь, как много лет назад,
Лесничества вошли в лесхозы.
Они вершили свой догляд
И в зной, и в лютые морозы,
Леса державные храня,
От браконьеров и огня.

Министр сумел в короткий срок
Повысить статус лесоведа.
– Чтоб в нашем деле вышел прок,
Нужна лесничеству свобода.
Никто не знает так, как он,
Лес на местах со всех сторон.

Не топором свою печать
От ставит на делянках зримо.
Его заслуги отмечать
По совести необходимо.
Добился Воронов прогресса –
Мы стали отмечать День леса.

На днях в Москву звонил Бобров,
О том министра беспокоя,
Что он Антипова готов
Представить к званию Героя.
– История немного знала
Людей такого идеала!..

И вот в один из летних дней
Он срочно приглашен в столицу,
Министр по отрасли своей
Впервые к празднику стремится
Тех лесоводов наградить,
Чей труд примером должен быть.

Бобров подробно доложил
Всю правду о лесничем века.
– Своим трудом он заслужил
Награду. В сущности, калека
Поднялся волею своей
Как равный, в строй богатырей.

– Да, Рэм Васильич, дорогой,
Антипов ваш, как говорится,
По сути, сказочный герой.
Ну как без рук, без ног трудиться?!
О нем, оплошность признаю,
От вас впервые узнаю.

И Воронов, лесов глава,
Указа нужного добился.
И вот летит уже молва:
Герой на Божий свет явился,
Какого не было вовек,
Как в мифах богочеловек!

– Смотрите, сколько телеграмм,
Открыток, писем, поздравлений!!!
И все, Григорьич, это вам
Пришло из разных направлений.
Одним из первых Кошевой
Прислал привет горячий свой.

Лесной старейший институт
Был переполнен: рать лесная
Собралась, торжествуя, тут,
Ведь, почитай, душа родная —
Антипов, брат их горевой,
Державой признан как герой.

Овацией со всех сторон
Петра смущенного встречали.
В президиум посажен он,
А люди все рукоплескали.
Неужто, думал наш герой,
Все это связано со мной?

И вдруг Петро увидел мать
Среди работников лесхоза.
Она платочком вытирать
Не уставала свои слезы.
Мать, пережив года лихие,
От счастья плакала впервые.

Собрание ректор открывал,
Он предоставил слово власти...
О, сколько искренних похвал
Восторга и душевной страсти
Петро услышал в адрес свой.
Указ зачитан – он Герой.

На кителе лесном Петра
Звезда воочью засияла,
И в зале грянула: «Ур-р-ра!..»
И тут ему вдруг грустно стало.
Но к удивленью своему,
Не мог понять он – почему.

Такое было с ним, когда
В себя он мыслью погружался.
В Москве с героями труда
В День леса Воронов встречался.
Он с ними долго говорил,
За честный труд благодарил.

Затем Антипову сказал:
– А вас прошу еще остаться.
Я рад, что близко вас узнал,
И встречей восхищен, признаться...
Не знал Петро, что с ним тогда
Министр прощался навсегда.

Шли годы. Подвиг трудовой
Петра все так же продолжался.
Каким до славы был герой,
Таким он с нею и остался.
Трудиться он всегда умел,
Чтоб лес над Волховом шумел.

Хоть время шло, но все равно
Войны не забывались беды.
И сняли вдруг о нем кино
К сорокалетию Победы.
То о танкисте был рассказ,
Он был показан много раз.

И письма хлынули в те дни,
Как снег негаданный из выси.
– Поди-ка, Аннушка, взгляни
Письмо от Паршиной Таисьи.
Из лап гангренозного огня
Она-то вырвала меня.

Ведь это ей благодаря
Остался я на Божьем свете
И встретил, Аннушка, тебя,
И с нами вместе наши дети...
– Ты напиши письмо ей сам,
Пусть в гости приезжает к нам.

И вот, волнуясь, на перрон
Антиповы выходят вместе.
Узнает ли хирурга он,
Не посрамит солдатской чести?
Не подведет ли его взор,
Ведь столько лет прошло с тех пор?

А вот и поезд тормозит,
Заметно скорость убавляя.
Петро во все глаза глядит,
И сердце бьется, замирая.
И вдруг, о радость: «Вот она
Рукою машет из окна».

Слез не стесняясь, обнялись
Перед вагоном, как родные.
Их свято породнила жизнь
Навеки в годы фронтовые.
– Вас, доктор, счастлив видеть я,
Вас любит вся моя семья.

Я специально отпуск взял,
Чтоб службою не отвлекали.
Такая встреча! Кто бы знал?!
Они былое вспоминали.
Таисья Павловна при том
Делилась памятью с Петром.

– В прифронтной той полосе,
Коль, не кривя душой, признаться,
Тогда ведь верили не все,
Что мне тебя спасти удастся.
Но как ты смог себя поднять?
Мне трудно и теперь понять.

– Когда б не вы, в земле сырой
Лежать бы мне давно чин-чином.
А скольких вы вернули в строй!..
Ваш муж сражался под Берлином.
Мне говорили – прервалась
Меж вами письменная связь?

– В канун Победы на него
Я похоронку получила.
На землю рухнув, ничего
Не помню, что со мною было...
Вдруг пишет: «Ранен тяжело,
В конце войны не повезло».

В свой госпиталь перевезла
Его, от раны чуть живого.
И выходить-таки смогла,
С тех пор мы счастливы премного.
В ладу по мере сил живем:
Большие дети, внуков ждем.

... Стояли солнечный дни.
Что может быть прекрасней мая?
Втроем поехали они,
Природе северной внимая.
– Неужто эти вот леса
Ты, Петр, сажал? Вот чудеса!

Таисья думала о том,
Что представлял собой Антипов.
Как объяснить его умом?
Таких характеров и типов
Мир медицины мало знал,
Ему Маресьев уступал.

Могилу матери Петра
С цветами утром навестили.
И Паршину, пришла пора,
На Украину проводили.
Но связь уже не прерывали,
Друг другу каждый год писали.

Мечту о парке в горсовет
Лесничий внес как предложенье.
Антипову препятствий нет,
Он все пласты привел в движенье.
И вскоре дружно у реки
Трудились славно лесники.

Антипов слал своих гонцов
В питомники, в лесные школы,
Чтоб взятые со всех концов
Пускали листья новоселы.
В ту осень удалось успеть
Создать тропиночную сеть.

Но дело шло. Из года в год
Преображался берег зримо.
Парк привлекал к себе народ.
Он был красив неоспоримо.
В его тиши и стар, и млад
Досуг свой провести был рад.

Недавно побывал и я
В том лесопарке рукотворном.
Приветилась душа моя
В его пространстве благотворном.
Как божества, шептали мне
Листвой деревья в тишине.

Затем, чтоб в души просто так
Беспамятство не вбило клинья,
Сегодня носит этот парк
Антипова святое имя.
Он сей дендрарий основал,
Растил его, оберегал.

Петро все чаще приходил,
Как в церковь, к матери родимой.
С ней бессловесно говорил,
Склонясь главою над могилой.
О жизни, детях, о жене,
О горестных делах в стране.

Однажды он принес цветы
И возложил их на могилу:
— О, мама, как сумела ты
Мне передать такую силу,
Что победил я сто смертей
И вырастил своих детей?!

Я внукам передам твоим
Сердечный негасимый пламень.
Вовеки Божий Серафим,
Могильный осеня камень,
Напомнит людям о тебе,
Словно о чуде на земле.

Недавно с Анной и детьми
Мы побывали в псковских лесах,
Где корни нашей всей семьи,
Где лес Кириллов в поднебесье
Поднялся ратью над рекой,
Храня родных могил покой.

Мы были и в святых местах,
Где русский гений упокоен.
Там каждый листик на ветвях
Тебе о нем поведать волен.
Смотри и слушай – благодать,
Там легче Пушкина понять.

Мы посетили Эрмитаж,
Побыв попутно в Ленинграде.
Сиял за этажом этаж
Шедеврами, как на параде.
Жена повсюду нас возила,
Чудес немало нам открыла.

Малышка Аннушка растет.
Она теперь ведь ученица.
И с братика пример берет,
Прилежна и сама стремится
По дому маме помогать –
В тебя работная, видать.

В Москву с Володей ездил я.
На слет Российский пригласили
И там в президиум меня,
Как чуду-юду усадили.
Вкусил я славы грешный плод
И как почетный лесовод.

Ты помнишь, мама, как Малков
Приехал к нам меня поздравить?
Я был расплакаться готов,
Считал, погиб он, что лукавить.
Похоронил и он меня,
Я не забуду того дня.

И вот с прискорбием узнал,
Что и Малков ушел из жизни.
А я живу. Как в грудь кинжал,
Мне поминать друзей на тризне.
Они лежат в земле сырой,
К себе зовут меня порой.

В молчанье долго он стоял
Перед надгробным изваяньем.
И Серафима лик сиял,
Он чувствовал его дыханье.
Простившись с матушкой своей,
Он обещал вернуться ей.

... Где с незапамятных времен
Могучий Волхов катит воды,
Был город ратный возведен,
Чтоб от варяг морские входы
Замком надежным оградить,
Чтоб Русь могла спокойна жить.

Он Старой Ладогою стал
Позднее в качестве пассивном.
Я посетить его мечтал,
Ведь много лет в краю том дивном
Семья Антиповых жила,
Судьба Петра меня звала.

И вот он, городок мечты,
Передо мной, как на ладони.
По берегу крепости – посты...
Не все об этом бастионе
Узнать мне помогли тогда,
Кем он построен и когда?

Легенда есть... Шел караван
Загруженных варяжских лодий.
Он рвался в лоно хладных стран
В обход опасных мелководий.
Ограбив русичей-купцов,
Был в Ладогу войти готов.

Осуществив на Русь набег,
Варяги шумно веселились.
И вдруг сменили вопли смех,
Так лодьи круто накренились,
Что их заполнила вода –
Пришла негаданно беда.

На лодках уж спешили к ним
В доспехах русские ватаги.
И с кличем: «Русь мы защитим!»
Те войны, полные отваги,
Варягов перебили всех.
То был последний их набег.

Секрет победы той был прост:
В речном фарватере под воду
Клинки-рогатины, как мост,
Поставили, да так, что сроду
Врагу беду не опознать,
И долго не пришлось ждать.

Здесь, в Старой Ладоге, был дом,
В нем жили вместе дети с Анной.
Его по ветхости на слом
Пустили на заре туманной.
Остался брошенный пустырь,
На нем бурьян разросся в ширь.

Контора, где Антипов славно
Трудился много-много лет,
По плану сломана недавно,
И рядом дом зажег свой свет.
При нем разбит уж новый сквер.
Усадьба – радостный пример.

В ней службы разместит лесхоз.
И по уму работу строя,
Возможно, разрешат вопрос
И с бюстом нашего героя.
Ведь славной отрасли лесной
Он образ близкий и родной.

Не оставляйте никогда
На завтра люди встреч заветных.
Крадет их черная беда,
Сквозя в одеждах незаметных.
О как ругаю я себя,
Переживая и скорбя!

Все занят был, все недосуг,
Дела своим сжимали кругом.
«Есть время», – думал. Только вдруг
Пришло известье, что недугом
Петро повержен в мир иной –
Твердь закачалась подо мной.

Струился тихий ясный свет
Над лесом, ладожским ополем,
Сирены ласковый привет
Звенел пчелиным богомолем.
Стоял я под шатром рябин,
Где спал в земле наш исполин.

Я думал: «Вот и он лежит
В ограде с матушкою рядом.
А жизнь извечная бежит,
Соседствуя с могильным хладом.
У Староладожских равнин
Покой обрел России сын».

Пополнилась череда имен,
Здесь по преданью рядом где-то
Олег был Вещий погребен.
И меч свой здесь, ища обета,
Князь Невский в церкви освятил,
Врагов сдержал и победил.

И Царь России Годунов
Прислал на Волхов именитый
С подарком из Москвы послов
В столице колокол отлитый.
За стражу Севера всего
Он наградил тогда его.

Писал Максимов в Лопино
Картины ладожского быта.
В живых его уж нет давно,
Но кисть его не позабыта.
Петро любил его картины,
В любви не зная середины.

Недавно я приехал вновь
На Волхов, как давно знакомый.
Меня приветил Терпугов,
Антипова преемник скромный.
При нем он службу начинал,
Его любил, не забывал.

В беседе мне поведал он:
– Антипов был лесничим строгим.
Бывать в лесу – его закон.
Зимою – сани, летом – дроги.
Он счет не вел свои часам,
Бывать стремился всюду сам.

За дело спрашивал сполна,
Зато и помогал немало.
Со мной приехала жена,
На жизнь, конечно, не хватало.
Окончив техникум лесной,
Что мы могли иметь с женой?

Зарплата, знаете вы сами,
Была у нас не велика.
Вопрос маячил перед нами
«Как жить?» Антипова рука
Все наши отвела печали,
Моей жене работу дали.

И с той поры я – лесовод,
Моя жена, Галина, тоже.
Антипова любил народ,
В нем спеси не было вельможи.
И память добрую о нем
Мы сохраним, пока живем.

Заключение

Как рыцарь чести и добра
Прославил он лесничий корпус.
На приз Антипова Петра
Объявлен ежегодный конкурс.
Своей судьбой он передал
Нам лесовода идеал.

Герои сказочных былин
Воскресли в нем. Ему внимая,
Лесник, быть может, не один
Умножит лес родного края.
О том и говорит как раз
Министра Шубина наказ.

Глеб Александрович Горышин (1931 – 1998) – русский советский прозаик, журналист, редактор, член Союза писателей, лауреат премии им. И.А.Бунина, автор более 30 книг.

С середины 1980 – х годов активный участник движения против загрязнения Ладожского и Онежского озер, прилегающих к ним рек и каналов. Одним из произведений писателя, посвященных этой теме, стал яркий публицистический сборник «Глядя в глаза Ладоге».

И. На Центральном фронте

В течение 20 ноября наша войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, приделываясь сопротивлению противника и отрянув контратаки его танковых и пехотных частей, в районе Сидлинограда уничтожили 72 грейдерных тракторов и самоходы.

В. Ахматов

АНЬШ

Вот как-то бо...
всегда на зто...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...

е мас

они н...
от н...

№ 283 (389)

ВТОРНИК

1

декабрь

1942 г.

Словесный

ировым

Вот как-то бо...
всегда на зто...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...

БЕС

Даль и...
Белые...
Синие...
Взду...
Нет на...
О: у...
Смерть...
Согни...

Чем...
Рассе...
Тем...
По...
Повал...
Людск...
Бить...

Вот как-то бо...
всегда на зто...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...

Вот как-то бо...
всегда на зто...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...

Вот как-то бо...
всегда на зто...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...

Вот как-то бо...
всегда на зто...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...
приводила мн...
вот в то время...
на Солнечны...
вот в то время...
Молодость в...

ЗВЕНО ЦЕПИ

Тридцать девять лет проработал лесничим в Волховском лесничестве Петр Григорьевич Антипов. За особые заслуги на лесной ниве ему присвоили в 1966 году звание Героя Социалистического Труда. В лесоводство Антипов пришел с фронтов войны: в 1941 году в Ленинграде выучился на танкиста, воевал под Калинином, подо Ржевом, под Ельцом, под Сталинградом, в Белоруссии, участвовал в победных боях под Ленинградом в 1944, освобождал Псковщину, брал Выборг. В январе 1945 года, в бою на реке Царев, в Польше танк Петра Антипова «КВ» — сгорел; тяжелораненый танкист пятеро суток пролежал на поле боя, на морозе. В госпитале ему ампутировали руки и ноги...

Воля к жизни, судьба, личность Петра Антипова вселяют веру в поистине титанические возможности человека — сына Отечества!

Мой рассказ — о двух встречах с танкистом-лесничим.

В первый раз мы приехали к волховскому лесничему с режиссером документального кино Читинским, с мыслью: «Ну да, сделать фильм о герое войны и труда. Давно было дело...»

Лесничество помещалось в простой пятистенной избе. Одну половинку избы занимала контора, в другой половине сидел лесничий; в прихожей-кухне топились плиты. Лесничий выслушал нас, усмехнулся:

— Чего вы хотите-то от меня, ребята? Чего мне вам говорить-то? Времени у вас, что ли, некуда девать?

Мы смиренно отвечали, что просто так посидим, поглядим. «А вы занимайтесь своими делами».

— Ну ладно, — сказал лесничий, — сидите. Только чур не курить. Я сам

не курю, и от чужого дыма у меня голова болит. Невтерпеж вам станет без курева, вон валите на волю. Места много у нас. И пить я не пью. Неудобный мужик для компании. Вам бы кого поудобней найти.

Лесничий сидел за столом. Его крупная, круглая голова прочно покоилась на плечах; левое плечо было подано назад, недвижно; правое, как у всех, в движении, в работе. Левый рукав у него пустовал, из правого рукава торчала голая, раздвоенная культя — двупалая клешня. Лицо выражало светлость, здоровье души, простоту. Губы чуток выпятились, припухли, будто лесничий прикусил горячую, прямо с жару, из чугуна, картошку, губы обжег. Говоря, он малость, по-детски картавил.

Я спросил у лесничего, откуда он родом. Лесничий сказал:

— Псковские мы. Со Скобщины. Природные скобари. Это еще при Петре Первом псковичам скобы заказывали делать. Вот и скобари.

В глазах у него голубело поле псковского льна.

Лесничий подписывал бумаги. Не так-то просто ему было поставить подпись на бумаге. То есть особой трудности эта работа не доставляла. Только шла она медленно, требовала последовательно отработанных приемов. Лесничий брал культей гирю, стоящую на столе, прижимал гирей бумагу. Затем брал со стола зубами ручку, вкладывал ее в культю, расписывался.

Он разговаривал по телефону с мелиораторами насчет того, сколько платить за прорубку просек для канав-осушителей, сколько за перегон экскаватора с болота на болото. Лесничий занимался обыденным делом; адресуясь к нам, комментировал это дело:

— Дают план мелиорации, осушаем болота. И план сбора клюквы дают. На наших же лесников такая обязанность возлагается: по клюкву ходить на болото. Болото-то мы осушим, дак клюква-то где наростет? А? Если клюквы не станет, опять нехорошо...

Лесничий вкусно выговаривал псковское словечко «если». Его говорила няня Пушкина Арина Родионовна, а теперь мало кто знает.

Мы слушали лесничего, смотрели на него, понемногу спрашивали о том, о сем. Главное было — высидеть, притереться, приобвыкнуть друг к дружке. И тогда подступиться к трудному, больному: как ЭТО было? как ЭТО случилось?

Лесничий знал, чего мы ждем от него, сам начал рассказ про ЭТО, впрочем, не выделяя его из обычного разговора, никак не меняя выражение на лице.

— ...Четыре раза я в танке горел. В последний раз в Польше, на Наревском плацдарме, в сорок пятом, в январе... Танк наш подбили уже в немецкой линии обороны... Выпрыгнул я — куда деваться? Невдалеке окоп чернеется, я со всего маху — туда! А там немцы!..

В этом месте я прерву пересказ того, что поведал нам с режиссером Петр Григорьевич Антипов в первую нашу встречу. Со временем рассказ танкиста-лесничего обрастет подробностями. Я чуть погодя доскажу...

Тот день мы просидели в Волховском лесничестве... То есть не весь день, а эдак за полдень. Выговорили себе право сходить к лесничему домой, познакомиться с его мамой. Мать Петра Григорьевича Анна Кирилловна встретила нас, провела в горницу. Сама присела к столу на диван, уложила на колени маленькие сильные руки. На столе был приготовлен семейный альбом с фотографиями сыновей, живых и погибших. Было четверо сыновей, осталось двое. Мать хотя и не плакала, но голос ее был проникнут глубокой, привычной, неизбывной скорбью.

— ...Я боялась ехать к нему в госпиталь, — рассказывала Анна Кирилловна, как исполняла работу, нужную сыну Петеньке, истово, от души, — боялась увидеть его жалким, потерявшим веру в себя человеком. В госпитале Пете сделали протезы. Он всему учился заново: ходить, есть, пить. Потом он вернулся домой. Целыми днями сидел в каком-то оцепенении, все думал и думал... Тогда я ему сказала: «Хватит, Петр! Парень ты молодой. Голова у тебя на плечах есть? Есть! Иди учись!» Тяжело мне это было говорить, но иначе нельзя. Он до войны два курса лесного техникума кончил в Тихвине... Вот я и подумала, что в лесу ему место. Отойдет он в лесу душой, да работа интересная, большую пользу будет

людям приносить. А это в его положении самое главное, что ты людям нужен. Отправила я его в Тихвин учиться, а сама себе места не находила. Да свет-то не без добрых людей. Помогли Пете в техникуме. Друг у него был, Юра Кошевой, так тот за Петей, как за родным братом, ухаживал.

Тяжело ему было, Петру-то. Но об этом только он один знает. Сколько страданий ему выпало! Но ничего, кончил он техникум. Работать стал. Спуску он себе не давал, работал, как и все. Иногда в день по пятнадцать километров по лесу отмахивал. Представляете? Это на протезах-то... День на работе, а вечером за книги садился. Институт лесной кончил, заочно учился в Ленинграде. Вот уже больше двадцати лет лесничим работает. Хорошо работает, если ему народ звание Героя Социалистического Труда присвоил. Да плохо работать он и не может. Не такой он!..

Мать открыла альбом именно на той странице, где хранится фотография сына Петра, каким он ушел на войну: молодой, белозубый парень, улыбается в аппарат. На крепких ногах, с большими руками, русский чуб на лбу. Фотография из далекой, другой жизни...

В конце того дня мы с режиссером вышли на берег реки. Река парила внизу: мороз накалился к вечеру добела. Река потому не замерзла, что бег ее тут убыстрялся: реку стеснила плотина Волховской ГЭС. Безлюдно было кругом, только ревела вода на плотине; звук накатывал волнами, нарастал, опадал, снова набирал силу. Что-то грозное слышалось в реве реки, что-то скорбное, величальное — кантата. И еще будто флейта играла. Мотив души человеческой звучал в студеном ветре над пустынной землей, над рекой и холмами; душа взывала без слов.

Фильма у нас тогда не вышло. Я помнил о волховском лесничем: буд-то что-то пообещал ему и не исполнил. Время для исполнения обещанного истекало...

Из вчернего сообщения
30 августа

И. На Центральном фронте

В течение 20 минут наша войска на ЦЕНТРАЛЬНОМ фронте, приделавая соприкослеме противника и отрядам контратаковала его

В. Актиний

АНЬШ

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ
СОВЕТСКОЕ СОЮЗНОЕ
МИНИСТЕРСТВО
ВНЕШНИХ ДЕЛ
12-13-14-15-16-17-18-19-20-21-22-23-24-25-26-27-28-29-30-31-32-33-34-35-36-37-38-39-40-41-42-43-44-45-46-47-48-49-50-51-52-53-54-55-56-57-58-59-60-61-62-63-64-65-66-67-68-69-70-71-72-73-74-75-76-77-78-79-80-81-82-83-84-85-86-87-88-89-90-91-92-93-94-95-96-97-98-99-100-101-102-103-104-105-106-107-108-109-110-111-112-113-114-115-116-117-118-119-120-121-122-123-124-125-126-127-128-129-130-131-132-133-134-135-136-137-138-139-140-141-142-143-144-145-146-147-148-149-150-151-152-153-154-155-156-157-158-159-160-161-162-163-164-165-166-167-168-169-170-171-172-173-174-175-176-177-178-179-180-181-182-183-184-185-186-187-188-189-190-191-192-193-194-195-196-197-198-199-200-201-202-203-204-205-206-207-208-209-210-211-212-213-214-215-216-217-218-219-220-221-222-223-224-225-226-227-228-229-230-231-232-233-234-235-236-237-238-239-240-241-242-243-244-245-246-247-248-249-250-251-252-253-254-255-256-257-258-259-260-261-262-263-264-265-266-267-268-269-270-271-272-273-274-275-276-277-278-279-280-281-282-283-284-285-286-287-288-289-290-291-292-293-294-295-296-297-298-299-300-301-302-303-304-305-306-307-308-309-310-311-312-313-314-315-316-317-318-319-320-321-322-323-324-325-326-327-328-329-330-331-332-333-334-335-336-337-338-339-340-341-342-343-344-345-346-347-348-349-350-351-352-353-354-355-356-357-358-359-360-361-362-363-364-365-366-367-368-369-370-371-372-373-374-375-376-377-378-379-380-381-382-383-384-385-386-387-388-389-390-391-392-393-394-395-396-397-398-399-400-401-402-403-404-405-406-407-408-409-410-411-412-413-414-415-416-417-418-419-420-421-422-423-424-425-426-427-428-429-430-431-432-433-434-435-436-437-438-439-440-441-442-443-444-445-446-447-448-449-450-451-452-453-454-455-456-457-458-459-460-461-462-463-464-465-466-467-468-469-470-471-472-473-474-475-476-477-478-479-480-481-482-483-484-485-486-487-488-489-490-491-492-493-494-495-496-497-498-499-500-501-502-503-504-505-506-507-508-509-510-511-512-513-514-515-516-517-518-519-520-521-522-523-524-525-526-527-528-529-530-531-532-533-534-535-536-537-538-539-540-541-542-543-544-545-546-547-548-549-550-551-552-553-554-555-556-557-558-559-560-561-562-563-564-565-566-567-568-569-570-571-572-573-574-575-576-577-578-579-580-581-582-583-584-585-586-587-588-589-590-591-592-593-594-595-596-597-598-599-600-601-602-603-604-605-606-607-608-609-610-611-612-613-614-615-616-617-618-619-620-621-622-623-624-625-626-627-628-629-630-631-632-633-634-635-636-637-638-639-640-641-642-643-644-645-646-647-648-649-650-651-652-653-654-655-656-657-658-659-660-661-662-663-664-665-666-667-668-669-670-671-672-673-674-675-676-677-678-679-680-681-682-683-684-685-686-687-688-689-690-691-692-693-694-695-696-697-698-699-700-701-702-703-704-705-706-707-708-709-710-711-712-713-714-715-716-717-718-719-720-721-722-723-724-725-726-727-728-729-730-731-732-733-734-735-736-737-738-739-740-741-742-743-744-745-746-747-748-749-750-751-752-753-754-755-756-757-758-759-760-761-762-763-764-765-766-767-768-769-770-771-772-773-774-775-776-777-778-779-780-781-782-783-784-785-786-787-788-789-790-791-792-793-794-795-796-797-798-799-800-801-802-803-804-805-806-807-808-809-810-811-812-813-814-815-816-817-818-819-820-821-822-823-824-825-826-827-828-829-830-831-832-833-834-835-836-837-838-839-840-841-842-843-844-845-846-847-848-849-850-851-852-853-854-855-856-857-858-859-860-861-862-863-864-865-866-867-868-869-870-871-872-873-874-875-876-877-878-879-880-881-882-883-884-885-886-887-888-889-890-891-892-893-894-895-896-897-898-899-900-901-902-903-904-905-906-907-908-909-910-911-912-913-914-915-916-917-918-919-920-921-922-923-924-925-926-927-928-929-930-931-932-933-934-935-936-937-938-939-940-941-942-943-944-945-946-947-948-949-950-951-952-953-954-955-956-957-958-959-960-961-962-963-964-965-966-967-968-969-970-971-972-973-974-975-976-977-978-979-980-981-982-983-984-985-986-987-988-989-990-991-992-993-994-995-996-997-998-999-1000

№ 283 (389)

ВТОРНИК

1

декабрь

1942 г.

ОЛОТНИН

говорил

ировым

1942

1942

1942

1942

1942

Апрельским утром 1988 года я сел в машину, приехал в Волхов, зашел в горком, справился об Антипове. Мне сказали, Антипов вышел на пенсию, шестидесяти семи лет. Мог бы еще работать, ему предлагали, и здоровье позволяет, но так он сам решил. Проработал в лесничестве тридцать девять лет. Проводили с почетом. По-прежнему общественно активен, выступает в школах, на предприятиях. Почетный гражданин города Волхова...

Я справился о телефоне и позвонил. Трубку взяла жена Петра Григорьевича Анна Тимофеевна. Вспомним, что мать его звали Анной Кирилловной. Дочь в семье тоже нарекли Анной. Три Анны сообщили Петру Антипову необходимое для жизни тепло родственных дуги. И была еще одна Анна — медсестра во фронтовом госпитале, в сорок пятом году. О ней еще будет речь впереди... Анна Тимофеевна отнеслась ко мне как-то по-знакомому, будто ждали и явился. Пригласила зайти отобедать.

И вот мы сидим с Петром Григорьевичем в той самой квартире, что и в первую встречу, за тем столом, на котором его мама раскладывала семейный альбом. Анны Кирилловны уже нет в живых. На столе горка писем: Петру Григорьевичу пишут отовсюду, присылают семена лесных культур, теперь у него появилось время.

В прошлом году в Лениздате вышел сборник «Танкисты в сражении за Ленинград», в нем короткий рассказ-воспоминание Петра Антипова «За отчий край» и такие строчки: «Считаю необходимым сказать о своей матери. Это был Человек с большой буквы. В 28 лет она осталась вдовой с четырьмя сыновьями — старшему из которых было всего лишь пять лет, а младшему — семь месяцев. Нелегко было матери вырастить четырех сыновей. Еще горше было получать похоронные с фронта: под Колпином в 1941-м погиб ее старший сын Федор, в сорок втором под Тулой погиб третий — Владимир. В сорок пятом искалечило меня. Только младший, Василий, отделался одним ранением. Сейчас он кандидат наук, доцент».

Не забыто в этом рассказе и о жене. «У меня прекрасная семья. Жена — Анна Тимофеевна — преданный друг, прекрасной души человек, инженер-экономист — работает на Волховском алюминиевом заводе. У нас сын Владимир и дочь Аня».

Анна Тимофеевна приняла меня как своего по той причине... что руководителем диплома в Лесотехнической академии был у нее мой дядюшка Павел Иванович Горышин, доцент, отвоевавший войну в артиллерии, ныне покойный. Вот как бывает, правда, мир тесен.

Отобедали на кухне, налегая по преимуществу на картошку, свою, антиповскую, со своими солеными огурцами. Анна Тимофеевна заспешила на работу. Мы с Петром Григорьевичем вернулись к разговору, начатому в первую нашу встречу, будто прерванному, но не забытому. Антипов говорил ровным одинаковым голосом, будто журчал ручей. От говорящего распространялось спокойное право изливаться повесть собственной жизни: она несла в себе какую-то неоспоримую, важную для всех истину.

За годы, что мы не виделись, Антипов как будто не постарел, но как-то обособился, вошел в свой собственный образ. Льняная голубизна его глаз пеплом припорошилась, но выражение на лице сохранило светлость. В танкисте-лесничем проглядывал — под спудом пережитого — его природный веселый нрав, что-то теркинское, безудержное, взახлеб.

Петр Григорьевич включил телевизор, как бы предлагая мне выбрать: скучно слушать меня, смотри, слушай другое. Посетовал на пишущих про него:

— Я рассказываю одинаково, а пишут по-разному.

Рассказ Петра Григорьевича Антипова состоял из уточнений к уже говоренному прежде. Что-то вдруг всплывало в памяти, как бы само по себе, но для чего-то нужное в общей цепочке, до сего дня протянувшейся — вот ведь чудо какое! Могли цепочку перерубить... До войны жили в Старой Ладоге, ружьишко было одно на всех четверых братьев, двадцать восьмого калибра, плохонькое, со слабым боем. Картечины Петр сам обкатывал, по две картечины на заряд. Пошел весной, когда гуси летели, на речку Ладожку, на разлив.

Присел в куст, а гуси прямо над ним...

— Вожака я пропустил, он старей, мясо жесткое, посредине одного выделил — тырк! — гусь крыльями вот так вот затрепыхал... Но выправился. А рядом со мной в мочежину, слышу: буль-буль. Не сразу сообразил, что это мои картечины... Одну бы положить в патрон, может, и убил бы...

В Старую Ладугу переехали из Островского района Псковской области; на Псковщине жили на хуторе неподалеку от границы с Латвией. Отец был пограничник. Погиб в 1924 году. Начальник погранзаставы Берг Эдуард Петрович уехал с границы в Старую Ладугу: его назначили директором учрежденного там совхоза. Он позвал к себе Анну Кирилловну с детьми, они и приехали.

— Тогда шла коллективизация, — сказал Петр Григорьевич, — раскулачивали. Скот сдали в совхоз, а кормить нечем. По полям солому собирали. Мама шила дома и вырастила нас четверых.

Без внешних признаков связи, при временных перебросах, в рассказе Петра Антипова улавливалась внутренняя логика — железное свойство ума: установить причинность событий, закономерность следствий, додумать все до конца.

— В Саратове в госпитале, в сорок шестом году, когда реампутацию делали, подгоняли кости к протезам, я попросил сестру принести что-нибудь про лес почитать. Она принесла «Учение о лесе» Георгия Федоровича Морозова. — Он так сказал: Георгия Федоровича Морозова, с величайшим почтением. — Это то, что мне надо. Из этой книги узнал, что лесоводство — дитя нужды. Сестру звали Маруся...

Рассказчик остановился, посмотрел на меня, чтобы я не забыл записать про Марусю.

В лесной техникум поступил, поскольку прочел в тихвинской районной газете объявление о приеме: это совпало с потребностью души лесного жителя. В Петиных детстве и отрочестве Старую Ладугу окружали леса, простирались на все четыре стороны. Нынче от лесов мало что осталось...

...Когда 148-й отдельный танковый батальон (в этом месте рассказчик задумался, что-то вспомнил, но не стал вдаваться в подробности. Сказал в

пространство: «Танковый батальон — велика ли штука...») после тяжелых боев подо Ржевом весной сорок второго года вывозили на переформировку, чтобы влить в третью гвардейскую танковую бригаду, бросить затем под Елец... Состав остановился в березовой роще, неподалеку от Москвы. Машинист паровоза бежал вдоль состава, просил танкистов напилить дров: что были, все вышли, нечем топить паровоз. У каждого экипажа танка (танки были тяжелые, КВ) нашлись пила с топором. В охотку — молодые были, не то чтобы сытые, но кормленые — напилили, нарубили, сложили чурки в тендер; машинист с помощником раскочегарили топку и поехали.

Из приятного воспоминания о пилке дров в подмосковной березовой роще, между боями, Антипов сделал общебытийный вывод: лес помог нам одолеть эту войну; без лесу бы дело швах; как без хлебной пайки не смогла бы действовать армия, жить — население, так без лесу, без дров стали бы транспорт и энергетика, и хлеба не испечешь. Лес помог Отечеству в годину крайней смертельной нужды. Значит, что же? Будет лес, выдюжит и Отечество. В этом краеугольный камень философии лесничего, дело его жизни.

Петра Антипова призвали в армию в июле 1941 года, привезли в Ленинград. Просился отправить на фронт, но приказано было учиться в училище радиоспециалистов. Из училища взяли в 12-й учебный танковый полк как радиста танкового экипажа — стрелка-радиста. Вошло навсегда в сознание наставление первого командира, «стройного, подтянутого, в кожаной тужурке»: «Запомните: вы теперь — танкисты, «кависты», а не мочала».

— Танк КВ стал для меня домом и цехом на все годы войны. В нем я жил, в нем работал — воевал.

В Ленинграде Петр видел, как горели Бадаевские склады. В блокадную зиму видел женщину, везущую на саночках запеленутый труп своего ребенка. Видел, как пожилой мужчина прислонился к стене, не устоял, упал и умер. Как шли строем девушки пожарного батальона, удивительно молчаливые, грустные. Как разорвался на улице снаряд, обрызгнуло кровью стены. В цехе Кировского завода, где ремонтировали танки, рабочему оторвало ноги

снарядом; Петр Антипов слышал, как рабочий пожаловался... что больше работать не сможет. Он думал не о потерянных ногах, а о том, что его работа нужна для победы.

В блокадном Ленинграде Петр Антипов прошел школу мужества. Здесь зажглось его сердце неукротимой жаждой — рассчитаться с врагом полной мерой. В феврале сорок второго обученных «кавистов» увезли в Челябинск за танками — и подо Ржев.

— В один день насчитали триста бомбежек по нашей бригаде...

В рассказе Петра о войне прослеживается мотив личного вклада стрелка-радиста в сальдо-бульдо войны, в баланс победы: кто кого. Еще в Тихвине в техникуме Петя сдал на значок «Ворошиловского стрелка»; значку отводится больше места в рассказе, чем полученным за бой орденам Красного Знамени, Отечественной войны. Славы, всем боевым медалям, какие есть.

— По улице идешь со значком «Ворошиловский стрелок», мальчишки останавливаются: «Смотри, смотри, Ворошиловский стрелок!»

Под Ельцом шли в атаку...

— На дубах у них «кукушки» посажены, сверху строчат по пехоте. Я смотрю в прицел, вижу, что-то в ветвях чернеется. Я приложился... — Петр Григорьевич показал, как приложился к своему «Дегтяреву», сощурил сохранивший зоркость глаз с маленьким зрачком, — тырк! — смотрю, повалился. Дальше едем, опять, гляжу, чернеется. Я — тырк! — и этот упал. Двоих «кукушек» снял, значит, кто-то из наших славян живой остался. Под хутором Рысковским, под Сталинградом, пятерых пулеметчиков уничтожил. Этих я видел. Может, еще кого, в каждом бою вел огонь... Других не видел.

Антипов очень внимателен к частности: на войне жизнь на волоске, волосок-то и надобно заметить.

В сентябре сорок второго бригаду погрузили в состав, повезли куда-то.

— ...Куда везут? Кто же его знает. Так гнали, как только буксы выдерживали. Их и не смазывали. Впереди два ФД, сзади еще толкач подцепляли.

Остановились ночью под станцией Котлубань. Объявили: враг может появиться внезапно. Южная ночь, такая темень, какой у нас не бывает. А надо сгружать с платформ тяжелые танки КВ, при полной светомаскировке. Это не шутка. Сгрузили. И сразу — «Вперед!» Надо было преградить немцам выход к Волге. Напор был страшный. «Мессершмитты» у нас по головам ходили. В бригаде пятьдесят — шестьдесят машин, после боя осталось три танка. Но выстояли.

На переформировку вывезли в Саратов. Здесь Петр Антипов был принят кандидатом в партию. И опять бои под Сталинградом, на полосе, отделявшей окруженную армию Паулюса от главных сил фашистских войск. Всего коридор шириною в три километра, с двух сторон простреливаемый. «По коридору взад-вперед...» Под новый, сорок третий год взяли Котельниково. Потом Новочеркасск. Под Батайском сходу ворвались на аэродром с невзлетевшими самолетами, покрутили их гусеницами в пух и прах...

В сорок третьем Петр Антипов воевал па Брянщине, в Белоруссии, форсировал Десну, Сож... В конце 43-го ему повезло. Вот как он пишет об этом в своих мемуарах «За отчий край»: «Велика была моя радость, когда... очутился снова на родной Ленинградской земле. Несмотря на мороз, от Тихвина до Ленинграда стоял на платформе, чтобы не проспать родной Волхов. И просмотрел. Ехали ночью. Густой туман. Ждал, когда въедем на красивый, с высокими металлическими фермами железнодорожный мост через Волхов. Не дождался. Мост был взорван. Нас провезли по временному, деревянному».

В январе сорок четвертого, после массированной, длительной артподготовки («И пушки с кораблей били») — фронтальная атака на Пулковские высоты и дальше в глубину с немецким тщанием выстроенной за два с половиной года обороны: Воронья Гора, Красное Село, Ропша, Гатчина (тогда это был Красногвардейск)... Под Гатчиной три прямых попадания в танк. Спасло мастерство механика-водителя Миши Тарханова. И — полная победа под Ленинградом! Покончено с блокадой! Двадцать седьмого января сорок четвертого года — ликование на улицах города,

победный салют в Ленинграде! Ликует душа танкиста Антипова; в победе есть его доля, труд, судьба!

В марте проехал на танке с победой по родной Псковщине, пьянел от воздуха ее лесов, полей, озер. «Синички пикали». Каждое село встречало его, как сына. И враг был силен. В разведке боем в танк Антипова ударило пять болванок. Пробило бак с горючим, танк вспыхнул. Остановились глаза у водителя Миши Тарханова. Петя хотел вытащить товарища, но самого его отбросило взрывом. Горел, катался по снегу под прицельным огнем. Товарищи уволокли его в укромное место, располосовали горящую одежду, а то бы сгинул.

Ремонтировать танки — опять на Кировский завод. А там у станков девчонки... На КВ прокатились на четвертой скорости по городу — и в бой, на Карельский перешеек...

За окнами квартиры Антиповых засумерничало. Рассказ замедливался. Рассказчик не то чтобы устал, но чаще задумывался, больше помалкивал. Шебуршал телевизор.

— В кино танковые бои показывают, — сказал Петр Григорьевич, — а танки все наши. Я их по звуку мотора узнаю. У немецких танков другой был звук. У наших пушки без набалдашников, вот и наваривают на наши. Вроде как немецкие.

Он посмотрел себе на ноги. Или это я посмотрел, а он перехватил мой взгляд. Его ноги в резиновых сапогах маленького размера, с завернутыми голенищами пребывали в абсолютной неподвижности, как если бы сапоги стояли под вешалкой.

— У меня была большая нога, — сказал Антипов, — сорок третий размер. Протезы сделали сорок первого. Экономия материала. С лесниками в марте пойдем по насту в обход, они пройдут, а у меня нога проваливается, наст не держит, мала опора.

Пришла с работы Анна Тимофеевна. Хозяин заметно оживился, то и дело обращался к своей подруге: «Тимофеевна!..»

Как неоднозначны человеческие слова, сколько сокрыто в памяти человека еще никому не сказанного, даже и себе самому!..

Паревский плацдарм — на реке Царев в Польше: три километра по фронту, полтора в глубину. На исходный рубеж вышли 14 января 45 года. Еще на марше подорвались на mine, выбило левый опорный каток. Механик-водитель, техник-лейтенант Самардак (стрелок-радист Антипов был гвардии старшиной) сказал: «Дойдем без катка». Натянули гусеницу, догнали своих. «Тяжелая машина вихрем неслась по заснеженной дороге».

15-го рано утром вышли на опушку небольшого леса. Впереди «белая простыня» (слова рассказчика) открытого места, чуть поправее впереди двухэтажный дом розоватого цвета... Все запомнилось Антипову в цвете... Комполка скомандовал: «Вперед!» Комроты дублировал команду: «Вперед!» Радист принял и передал.

— Комроты проскочил траншею, там сторел, — сказал Петр Григорьевич, чего не было в первом его рассказе. — Два танка и люков не открыли, сторели. От роты один танк остался (было пять)...

Самардак повел машину вдоль траншеи. Пушкарь бил из пушки, стрелок строчил из пулемета. Одна болванка попала в двигатель, мотор заглох. «У меня диск кончился, стал менять, пулемет горячий». Запахло дымом, появился огонь. Командир, артиллерист, заряжающий ушли через верхний люк. Водитель крикнул стрелку-радисту: «Выскакивай!» Сам вывалился через моторное отделение, Антипов за ним... «И сразу пулей ткнуло в правую руку».

В первую нашу встречу с Антиповым он сказал (или я так запомнил), что из горящего танка прямо угодил к немцам в траншею. В новой редакции рассказ оброс подробностями, уточнениями.

— ...На охоту пойдешь в Старой Ладоге, по уткам в лет стреляешь, выщелливаешь с опережением... Редко когда попадешь, особенно по чирку... Я вдоль траншеи-то и побежал, что было силенок. Метров сто пробежал. Шлем сдернул, еще когда из люка вылезал. Они палили в меня и мазали. Спиной бы к ним повернулся — и сразу наповал. Деться некуда было, тогда уже в траншею свалился.

А в траншее один на меня автомат наставил — ты-ды-ды. Я боли не почувствовал... Это как мы один раз с мамой в Новгородскую область ездили, на праздник. Там мужики чего-то повздорили. Один за ружьем сбегал и другому прямо в грудь — жаканом: убил. А тот еще крикнул: «Меня убили!» И шагов пятьдесят пробежал. В шоковом состоянии. Тогда уже упал. Вот и я — убитый или не убитый? Пошел по траншее... После оказалось, что он мне левую руку изрешетил. В госпитале на мне пятнадцать ранений насчитали, пулевых и осколочных — от гранаты...

Со сверхъестественной цепкостью Петр Антипов боролся в том последнем бою за собственную жизнь; до последнего проблеска сознания не посчитал себя вышедшим из боя. Сунулся в блиндаж — там полно немцев. Один прицелился ему в голову из «парабелла» (Антипов со вкусом выговаривает это словечко: «парабелл», малость картавя при этом). Петр стоял на четвереньках, то есть полз вглубь блиндажа. Ткнулся головой в землю на долю мгновения раньше, чем грянул выстрел. Добили его прикладами (на голове и лице Антипова сохранились следы тех ударов). И ушли из блиндажа. Вдруг один из фрицев (Антипов так сказал: «один из фрицев») вернулся. «Котелок забыл или что...» Петру бы тут притаиться, кажется, так бы должен сработать инстинкт самосохранения. Но было не так — это важно для рассказчика.

— Я «парабелл» свой, трофейный, вытащил, правой рукой, затвор стал отводить, а левая не слушается. Попробовал зубами и тоже не вышло. Я руку сжал в кулак — правая сжималась — и в спину ему погрозил, матом обложил.

Почему русского не добил немец? Кто ж его знает... Может, не до того было впопыхах боя или возня русского с «парабеллом» осталась незамеченной, мат не услышанным. Может, ничего такого и не было, только порыв...

Петр Антипов вылез из вражеского блиндажа на белый свет, а там немцы стоят. Кинули в него гранату. «Граната — пух!» И тут ему повезло: граната попала за дощатую опалубку траншеи. Удар приняла на себя доски и песок.

— Меня по левому боку осколками — как наждачной лентой.

Хватило сил (откуда силы у человека берутся?) унырнуть обратно в зев блиндажа.

— Переполз в темный угол. Нащупал клочок сена. Подложил под голову, лег. Правой рукой затащил левую на живот, правую — за борт куртки. И потерял сознание.

Очнулся от разорвавшегося над блиндажом снаряда. И опять же танкиста не задавило, а могло. Услышал русскую речь наверху, позвал:

— Славя-а-ане!

Голос был тихий, слабый; Петр понял: голоса нет. Подумал: «Если не услышат, не подберут, уйдут, я буду пропавшим без вести. А это уж совсем никуда...» Собрался с духом, крикнул, что было мочи:

— Славя-а-ане!

Услышали. Парнишка забрался в блиндаж. Попытался вытащить танкиста наружу, но не смог; танкист был дюжий. Сбегал, привел автоматчиков. Явился откуда-то майор, спросил у танкиста номер полка. Петр назвал точный номер. Попросил сходить к его танку, посмотреть, нет ли там кого живого. Сходили, пришли, говорят: «Один мертвый лежит по эту сторону, другой мертвый по ту».

Приехала подвода с кучером. Привезли в медсанбат, там спросили, когда был бой. Антипов вспомнил: пятнадцатого. А сегодня какое? Двадцатое...

Война все сделала, чтобы убить солдата, а солдат остался живой. Что его спасло? Может быть, мамина мольба не умирать донеслась до Пети? Так мама хотела, чтобы Петя вернулся живой.

Сын вернулся... Но до этого еще далеко — с того, последнего боя...

— В медсанбате сразу на операционный стол, по плечо левую руку отрезали. Потом я ноги свои увидел. Черные стали, распухли. Это я, стало быть, их отморозил, покуда лежал. Уже в госпитале, во время очередного обхода врач подошла, стала тыкать в ноги булавкой. «Больно?» — спрашивает. «Нет, — говорю, — не больно». «Так вот, — говорит, — Петр, надо резать ноги». Взяла карандашик и чиркнула мне по ногам: «Вот так иотрежем». «Режьте, раз надо», — говорю. Ну и отрезали.

Я лежал в палате тихо, не капризничал. Подойдет иногда сестричка Аня, посмотрит на мои ноги. «Ой, Петро, ноги-то у тебя какие стали!» И заплачет. Потом взялись за мою правую руку. «Газовая гангрена, — говорят, — опять резать надо!» Что я им мог сказать? Скажи они мне: «Так, мол, и так, Петр, — голову тебе надо отрезать». Я бы и спорить не стал.

Отрезали мне кисть правой руки. Все! Уже, кажется, больше резать нечего. Даже легче немного стало. Да! Парни мы были молодые, мне к началу войны двадцать первый пошел, думали: разобьем фашиста и домой придем... Лежал я тогда, помню, в госпитале и все думал: «Может, зря, что я в танке не сгорел? Куда я теперь такой? Кому нужен? Зачем?» Да! Если б не мать...

Госпиталь в польском городке Граеве (Говорове) — эвакогоспиталь № 1140 3-го Белорусского фронта. Для Петра Антипова — междуцарствие отчаяния и надежды. Была ли надежда? Надежду питала молодость (и голова на плечах!); сила возвращалась к Петру; сердце откликалось на добро, теплоту — и на красоту, на девичью...

— Медсестра Аня — красавица, — задумчиво вспоминает Антипов, — Она мне кровь вливала. Узелок на левой культе завязывала... У нее толстая черная коса ниже попы... Кости пилили обыкновенной слесарной пилой. Врач молодая была, подмышку возьмет и пилит. Потом в Саратове реампутацию делали, там хирурги муж и жена. Она мне левую ногу резала, он правую. Потом еще в Москве...

Врача в госпитале в Граеве не хватало на всех — в ключья порванных, обмороженных, с газовой гангреной, столбняком. Встреча с врачом произошла спустя целую жизнь — вторую жизнь Петра Антипова, лесничего.

— Меня показывали по телевизору в передаче «Служу Советскому Союзу»: я по лесу иду в леснической фуражке... И получаю письмо, его мне телевизионщики переслали. Врач пишет, Таисия Ивановна Паршина, в Никополе Днепропетровской области она живет. Увидела передачу и написала: «В январе 1945 года поступил тяжелораненый танкист...» Узнала меня. Я ей ответил, пригласил к нам приехать. Она сообщила, когда приезжает. Мы с Тимофеевной поехали на «Запорожце» ее встречать на вокзал. Тимофеевна за рулем...

Оказалось, что доктор Таисия Павловна Паршина попала во фронтовую госпиталь прямо со студенческой скамьи, после медицинского института. Доктору было в сорок пятом году двадцать пять лет. Танкисту Антипову — двадцать четыре.

Та, первая жизнь Петра Антипова — на войне — вдруг напомнила о себе грустно, трогательно и утешно: нашелся еще один родной человек — доктор Таисия Павловна...

И еще был случай, которого нельзя обойти. Вот как написал о нем Петр Антипов:

«Однажды в протезной мастерской встретился с молодым человеком, у которого, как и у меня, ампутированы ноги. Пристально посмотрел на него. Он говорит мне:

— Не падай духом. Слышал про летчика, который без ног воевал с фашистами?

— Слышал.

— Так вот это я. Писатель Полевой написал обо мне книгу.

Уже будучи дома, в книжном киоске увидел знакомое лицо на обложке одной из книг. «Это он! — мелькнуло в голове, — Тот самый, что говорил со мной в протезной мастерской».

Купил книгу «Повесть о настоящем человеке». С большим волнением прочитал ее. Во всех деталях вспомнилась беседа с Маресьевым. Это, пожалуй, ускорило мое решение о цели и смысле дальнейшей жизни».

Мы разговаривали с Петром Григорьевичем после обеда, по утрам отправлялись в объезд по округе. К восьми часам Анне Тимофеевне на работу. Она беспокоилась:

— К восьми я его одену, выезжайте, а то что же он будет одетый сидеть?

— Куда поедет, Петр Григорьевич? — спросил я, когда выехали на главную улицу города Волхова.

— Если можно, мне бы на могилку к матери, в Старую Ладугу.

Дорога шла по всхолмленной равнине, полями. Лесничий припоминал, когда здесь были леса, когда их свели под пашню. Переезжали речку Ладожку, вспомнил, каких щук здесь лавливали, бывало, с братьями. Между прочим заметил: «Были бы у меня руки, я бы рыбу ловил». При въезде в Старую Ладугу холмы моренного происхождения сменились рукотворными курганами. То есть холмы остались холмами, а на возвышенном левом берегу Волхова обозначили себя могильные курганы древнего русского городища. Красиво распахнулась внизу излучина Волхова...

— Вон там лесничество было, — оживился Антипов. — Новый год там встречали, шестидесятый. Я зашел. Там с Анной Тимофеевной и познакомился. Это — счастливое для меня место.

Кладбище в Старой Ладуге, как в каждом селенье, было вынесено за околицу, сокрыто лесом. Леса не стало, погост обстроили совхозными многоэтажками. Церковь на кладбище сохранила только стены, купол рухнул. На тополях истошно орали грачи с галками, строили гнезда.

Анна Кирилловна Антипова поглядела на сына ясными, добрыми, несостарившимися глазами — с фотографии, вправленной под стекло на белой пирамидке. Сын посмотрел в глаза матери. В ограде материнской могилы им оставлено место для себя. Посажены серебристые, с длинными, натопорченными хвоями, елки.

Постояли и поехали.

Лесничий сидел со мной рядом, в форменной фуражке с дубовыми веточками на козырьке. Скорее всего, он и не расстанется с нею: Антипов всем известен в Волхове, как лесничий, леса вокруг — все его. Языком статистики: в Волховском лесничестве 28 тысяч гектаров гослесфонда. За тридцать девять лет работы лесничим Антипов посадил-вырастил лес на площади в две тысячи гектаров. Это — легкие города Волхова, промышленного центра, весьма загазованного, окружающую среду и Ладугу отравляющего...

Когда мы ездили с Петром Григорьевичем по лесам, я подумал, что, может быть, самое незаметное в общих наших делах — лесопосадки: быстро растут одни тополя (волховский лесничий тополя не саживал, не любит). Елки, сосны, липы, дубы, лиственницы, кедры растут помаленьку (особенно кедры). Вырастут в лес — и не узришь в лесу чьего-то личного вклада: лес как лес, такой же при самосеве. Разве что лесничий да лесники узнают в молодом лесе свое родимое племя. До зрелости этого леса никто из них не доживет.

У французского просветителя XVIII столетия Гельвеция сказано в одном месте: «Все события связаны. Если вырубают лес на севере, то изменяются ветры, время жатвы, искусство этой страны, нравы и образ правления. Мы не видим целиком эти цепи, первое звено которых уходит в вечность».

Нимало не отступаясь от сути высказанной Гельвецием максимы, рискну оборотить ее во времени в нашу сторону. Когда сажают леса у нас на севере, мы также не видим цепей, первое звено которых на лесопосадке; они уходят в грядущую вечность.

Кажется, так.

И. На Центральном фронте

В течение 20 дней наша войска на Центральном фронте, прилагая героические усилия и отчаянные усилия, с успехом...

Из вчернего сообщения 30 августа

В течение 20 дней на фронте с успехом...

И. А. Акшин

А Н Ы Ш

Война требует от нас...
Каждый из нас должен...

е ма...
они н...
от н...

№ 283 (389)
ВТОРНИК
1
декабря
1942 г.

С. Ю. П. П. П.
говорил
ировым

В течение 20 дней...
Каждый из нас...

ДЕРЕВЬЯ СТАРТУЮТ В НЕБО

Любые сравнения корявы, блеклы рядом с его именем. В нем самом, названном древним словом «лес», — и полет, и мощь скалы, и легкость небесная. Он, кажется, сам — метафора. И все же так загадочна душа леса, столько в нем красоты и пользы, что испокон веку люди дают ему новые имена, пытаются в поэтические формулы вместить его существо. Но как его ни называй: земными легкими или зеленым шумом, — не передать всей бесценности и необходимости его жизни в сегодняшнем, а тем более в завтрашнем мире.

Обо всем этом думалось мне во время и после встречи с удивительным человеком, чья жизнь как раз и посвящена целиком лесному будущему. Петр Григорьевич Антипов — имя этого человека наверняка знакомо не только хранителям леса, лесоустроителям, волховчанам, чьим земляком является Петр Григорьевич. И дело вовсе не в трудных, трагических и героических страницах биографии П. Г. Антипова, ставшей достоянием журналистских и писательских рассказов, дело в многолетнем труде во имя сохранения и продолжения леса. Герой Социалистического Труда, первый, кстати, во всей стране лесничий, удостоенный этого высокого звания, Заслуженный лесовод РСФСР, Почетный гражданин города Волхова, Антипов несет все эти регалии легко и незаметно для стороннего глаза, но есть в нем, скромном и на редкость органичном человеке, значительность и авторитетность, идущие, конечно, не от званий, а от природы, опыта, самой судьбы...

Когда мы, несколько журналистов и писателей, договаривались с Петром Григорьевичем о встрече, мы знали, что что он — защитник Ленинграда и Сталинграда, кавалер многих боевых орденов, что его сегодняшние лесные владения занимают огромную территорию — 28 тысяч гектаров, что он человек чрезвычайно добрый и страстный в работе... Знали мы, кажется, много, но как зачастую бывает при таком «анкетном» знакомстве, — ничтожно мало...

«Газик» неся к одному из участков Волховского лесничества. Деревья то высились у самой дороги, то вдруг отступали на несколько километров, открывая поля.

— А это вот школа, — кивнул Антипов в сторону большого безлесного пространства.

— Школа?

— А вы присмотритесь. Вот те маленькие елочки — видите? — посажены нашим лесничеством. Подрастут здесь, наберутся сил, ума-разума, как говорится, и пересадим в лес.

Непросто этим игрушечным елочкам, которые не выше сапог школьников, ухаживающих за ними, оттолкнуться от земли и потянуться в небо. Бурьян куда шустрее крохотного ростка, проклюнувшегося из семечка, высеянного лесной сеялкой... Дожди зачастят — вроде бы на пользу, но трава в рост, а еловый росток задыхается в оплывшей глине, а если еще и заморозки следом придут — сожмется земля и вытолкнет ростки с неокрепшими корнями. Вот техники-лесоводы и холят своих питомцев — пропалывают, опрыскивают, подкармливают...

— У них иголки как у новорожденных ежат — только с виду колючие, — говорю я.

— Поднимем, выведем в люди! — улыбается Петра Григорьевич. — Были сомневающиеся в свое время, — продолжает он. — Мол, это вам не картошка — лес! Смеялся даже кое-кто над нашим начинанием — а первый питомник мы заложили в тысяча девятьсот пятьдесят третьем, — но жизнь оказалась на нашей стороне. Теперь не только ели — сосна и лиственница у нас вот в таких же школах «обучаются». А как иначе? Надо помогать лесу восстанавливаться, если уж такая у нас потребность в древесине...

— А новогодние порубки?

— Ну, это вопрос вопросов, — растягивая слова, сказал Антипов. — Я лично за сохранение древнего обычая, и все же, думаю, пора умереть нашу

праздничную расточительность... Не довольно ли в доме веточки еловой или сосновой в Новый год? И зелень, и запах лесной. Я, конечно, против этих ультрасовременных предложений—где-то слышал, на высоком, так сказать, уровне: мол, каждому по синтетической елке да по баллону хвойного одоранта, и—привет! Это перегиб. Никакая синтетика не заменит ели. Но и рубить направо-налево давно уж не то, что непозволительно—преступно. Все мы, вроде, о красоте радеем, а сами же ее и разрушаем. Ну зачем, скажите, у сосны верхушку ломать для зимнего букета? Встречал я таких. Зачем? Для красоты—отвечает. А дерево-то с отломанной вершиной уродиной вырастет! Отломи любую веточку боковую—и сосна не пострадает.

«Школа» осталась позади. Мимо пролетела низинка, поросшая густым лозняком, и глазам вдруг открылась такая картина: вповалку, переплетаясь корнями, задрав кверху ветви, лежали вырванные из земли деревья—будь здесь еще и воронка, вполне можно было предположить падение гигантского метеорита.

— Мелиораторы постарались, — хмурясь, сказал Антипов. — Выкорчевали, а убрать забыли. Все сроки вышли—деревья гниют, площадь засоряется.

Он старался говорить сдержанно, даже улыбался, но улыбка — напряженная, уголком рта — выдавала его, нет, не досаду, а скорее гнев, выдавала и характер: твердость при всей покладистости, настойчивость, упорство и готовность не пасовать ни перед чем, если речь идет о защите леса. Слушая его, я вспоминал слова, сказанные о Петре Григорьевиче в горьком партии:

— Это удивительно добрый человек — сами увидите, — но ни разгильдяю-леснику — а такие еще, к сожалению, тоже есть, — ни нерадивому хозяйственнику, ни тем же уважаемым мелиораторам, когда они насорят тут, спуску не даст... У него авторитета и прав достаточно, чтобы бороться самостоятельно, но и нас не забывает — просит, требует, предлагает. Хозяин, словом...

Это стало ясно нам всем уже в первый час нашего с ним знакомства. А были мы с ним не на каком-то показательном уроке, не на каком-то специально выбранном маршруте, — мы были рядом с ним в его каждодневном,

будничном объезде лесного хозяйства. Вот он, отведя в сторону — лишь обрывки слов долетают до нас, — сдержанно, но жестко отчитывает одного из своих подчиненных за то, что лесной участок прочищен неравномерно. Вот останавливает машину у какого-то специального лесохозяйственного знака, разглядывает свежестроганный шест, вбитый в землю, хмыкает недовольно, говорит водителю: «Напомни, пожалуйста, мне об этом вечером...» Вот, увлекаясь, рассказывает нам о деревьях и растениях: знаете, мол, что значит для земли ее зеленое богатство? Ведь земные растения перерабатывают углекислоту атмосферы, почта двести миллиардом тонн углерода в год они осваивают!

— По подсчетам советского ботаника, — уже не спеша, увидев наш интерес, говорит Антипов, — леса только одной Московской области выделяют лесных запахов, бесценного аромата на довольно конкретную сумму. Да, что-то больше шестисот миллионов рублей...

И вот мы забрались в глушь. Тропок не видно. Птицы. Кабаньи следы. На поваленной осине — следы лосиных зубов. Шум смыкающихся крон. Слепящие солнечные потоки льются сквозь окошки в листе...

— Если какое чудо и создано природой, так это наш русский лес. — Петр Григорьевич подставил лицо солнцу и негромко, точно боясь помешать траве и деревьям, продолжил: — Лес — и кормилец, и поилец, и воин... Сколько он на себя принял огня и металла... Двадцать миллионов гектаров леса погубил фашист. У Глеба Горбовского есть стихи: «На военных дорогах, помимо людей, убивало железо собак, лошадей. В реках рыб убивало. И птиц в небесах. А еще убивало деревья в лесах. Это очень печально — в эпоху чудес после боя войти в обезглавленный лес...» Радости, конечно, было мало здесь после войны. Как трудно было восстанавливать! Да, это древние леса. Ими кормились и любовались еще наши предки, прадеды. Что же мы иногда рубим их так, словно «после нас — хоть потоп»? Возьмите хотя бы сосну или елку — их же лесозаготовители могут брать только на сто первом году их роста. Да, сто

лет они должны расти — только на сто первом они могут стать товарной древесиной. Скажем, лесничий должен проработать двадцать пять лет, чтобы на пенсию выйти, так? Вот и получается, что четверо лесничих должны пестовать одну ель на сосну! А иной раз видишь... Хотя бы у вас, в Ленинграде: забор какой-нибудь стройки обшит отборной обрезной сосновой доской. А можно ведь было той же ольхой или осиной воспользоваться. Глаза бы мои не глядели на такую бесхозяйственность.

Четвертое десятилетие уже растит, охраняет, лечит лес Петр Григорьевич. И воюет — не щадит себя — и с бесхозяйственностью заготовителей, и с равнодушием иных администраторов... Это его инициатива «оживить» волховские леса лиственницей, дубом, сделать эти лесные края богатыми самыми разными породами деревьев. На своем садовом участке он пробует даже приручить к северному климату аралию маньчжурскую, чтобы и она украсила лесные уголья. Это небольшое дерево, почти кустарник, летом похоже на пальму — ветки у нее собраны на вершине, а листья очень большие, в семьдесят — семьдесят пять сантиметров, ствол же очень стройный... Вполне могла бы расти в нашем краю такая акклиматизировавшаяся северная пальма. Да и маньчжурский орех, и бархат дальневосточные породы надеется — Антипов «пригреть» в своих лесах.

Показывая нам небольшую лиственницу, он неожиданно вспомнил Некрасова: — Помните его строчки: «Ель, сосна, осина — грустная картина». Что Некрасов имел в виду? — В глазах Антипова вспыхнула лукавинка. — Я это перевожу так на прозаический язык: надо в русский лес вводить экзотические породы, «экзоты», как мы, лесоводы, говорим. Вот мы и стараемся... Да не нужно забывать и о традиционных деревьях русского леса! О дубе, например. Вроде бы привычен нам этот богатырь, а пойдешь его поищи! Маловато пока...

Давно сложилось традиционное мнение, и о нем знал еще в начале своей профессиональной биографии Петр Григорьевич, что в Ленинградской области дубу не житье — привык он к более плодородной, более влажной почве...

Но уж больно привлекательно было увидеть на волховской земле этого долгожителя — дуб живет до тысячи лет; этого целителя — танин, содержащийся в молодой коре и желудях, используется в медицине; этого медоноса и щедрейшего кормильца птиц и зверей. К тому же древесина дуба — одна из самых ценных. Не случайно дубовые листья — один из символов на эмблеме лесоводов.

Антипов подобрал участки с плодородной, рыхлой почвой и вместе с энтузиастами, товарищами своими принялся за дело. Высадили желуди. Возились с первыми ростками, как с малыми детьми. Школьники и тут — спасибо им! — помогали всюду. Всхожесть была до шестидесяти процентов... Это приободрило. И вот уже на новых участках, в новых лесных кварталах организовал Петр Григорьевич посадку дуба, но уже вместе с елью — естественным «лидером» дуба в его замедленном полете вверх, ель всегда его подгоняет, тянет за собой, как это бывает и в самом обыкновенном походе.

Народ давно заметил: дуб любит расти в шубе, но с открытой головой; то ли честолюбив больно, то ли солнца и влаги ему нужно больше. Вот и выходит, что ели вокруг него сплетаются в этакую зеленую игольчатую шубу, а он, с детства еще потянувшись за более стремительными еловыми ростками, перегоняет их и в конце концов, укрывая многолетних своих соперниц могучей гривой, торжествует на свету.

Сейчас уже несколько десятков гектаров лесных угодий занимают эти молодые деревца, пустившие здесь крепкие корни. Десятки и сотни лет расти им и набирать мощь и красоту, какую с юности определил волховский лесовод Антипов.

— А какое дерево вы больше всего любите, Петр Григорьевич?

— Любимое дерево? — Антипов рассмеялся. — Да все любимые. Но все-таки самое хорошее дерево в лесу, на мой взгляд, — липа. Вот когда города озеленяют тополями, говорят, мол, хорошее дерево, много углекислоты по-

глощает — это правильно, но я считаю, что это «липовое» озеленение. Надо липу сажать — пахучая, не подмерзает, красивая...

— А много вы в жизни посадили деревьев?

Кто-то из нас задал этот вопрос и тут же потупился. И все мы поняли почему... Вопрос был бестактным по отношению к человеку, жестоко искалеченному войной... Как посадишь дерево, не имея рук? И мало того — не имея ног?

Мы напряженно замолчали, оправдывая вопрос тем, что в течение всей нашей встречи, всей поездки Петр Григорьевич был настолько прост, естествен, подвижен и деятелен, что никто и не замечал последствий того давнего фронтového ранения.

Он, без сомнения, заметил наше неловкое топтание, опущенные глаза, но ответил легко, непринужденно:

— Когда я пришел сюда работать сразу после войны, высаживали по десять гектаров молодежи, а теперь — больше ста гектаров в год. Так что у меня сейчас больше тысячи гектаров на счету.

Так и сказал: «У меня...» Им посажено! Сказал это по полному праву человека, защищавшего этот край, этот лес, а теперь передающего любовь свою, жизнь свою этим стройным деревьям, которым суждено вот так же кивать вознесшимися над землей кронами и правнукам, и праправнукам нашим, по праву человека, преодолевшего самые жестокие обстоятельства, самую жестокую боль, какую можно встретить в жизни, поднявшегося над ними, — а это оказалось куда труднее, чем ростку подняться над землей, — чтобы овладеть любимой работой, чтобы доказать возможность невозможного. Когда я вчитываюсь в строки биографии Петра Григорьевича Антипова, я догадываюсь, откуда он черпал силы для того, чтобы не просто выстоять, выжить, но и жить, работать наравне со всеми, без поблажек. Конечно, прежде всего — из этой былинной земли, которую он с детства хотел возделывать и богатства которой хотел умножить, вслед за дедом, который был лесником, вслед за отцом, работавшим объездчиком...

Петр Антипов окончил второй курс Тихвинского лесного техникума, когда началась война. Петр, как и многие его товарищи, рвался на фронт, но его, в числе других призывников, направили учиться. Курсант училища радиоспециалистов. Стрелок-радиотанкового полка. Блокадный Ленинград. Подмосковье. Ржевское направление. Брянское... Сталинградский фронт. Белорусский... И снова — защита ленинградской земли. Карелия. Польша... За этим пунктирным перечислением — неполные четыре года, в которые вполне вместились бы несколько жизней. Да так оно и было. Время спрессовалось до почти физической сверхплотности. Каждая минута, каждый миг таили в себе и смерть, и подвиг, и боль, и упоение победой. Четыре раза за это время горел танк, в экипаже которого был Антипов. Рядом гибли его товарищи. Рядом в огненное крошево рассыпалась броня и над одичавшими, сожженными, истоптанными полями дымились факелы «тридцатьчетверок». Война до времени щадила Антипова, и он, словно осознавая эту отсрочку, дрался яростно и самоотверженно. Ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Славы III степени светились на его груди. И жгли его сердце письма матери, из которых он узнал о гибели своих братьев Владимира и Федора...

15 января 1945 года в бою на польской реке Нарев от нескольких прямых попаданий вспыхнула боевая машина Антипова. Любая ситуация, повторяясь, может родить привычку, но в этот раз ситуация оказалась чрезвычайной: погиб весь экипаж, кроме Петра. Едкая гарь резанула глаза, забила легкие... Отшвырнув опустевший пулеметный диск, Антипов выпрыгнул из ставшего недвижимой мишенью танка, и тут же автоматная очередь срубил его. Плотный огонь прижал раненого танкиста к земле. Пытаясь укрыться от него, Антипов поднялся с хриплым выдохом, словно выталкивая из себя всю боль, рванулся за какому-то блиндажу и рухнул в его узкий, тесный проход. Уже падая, понял, куда он угодил; блиндаж кишел фашистами. Было что-то тараканье в той поспешности, с которой гитлеровцы заматались и кинулись с прикладами на Антипова. На мгновение потеряв сознание от удара в голову,

Антипов оказался под сапогами врагов. Очнувшись, он увидел еще несколько огненных вспышек — в него, уже вмятого в темную, сырую землю, один из фашистов разряжал парабеллум. В памяти остался еще разрыв гранаты. Когда это было? Тогда же? Или уже к вечеру, когда он, все-таки вырвавшись из цепкой смертной черноты, попытался выбраться наверх?

Пять дней темная яма не отпускала его. Пять дней он открывал глаза и слепо, почти бессознательно шарил руками по тесному периметру ловушки. И снова в глазах мелкими разрывами вспыхивала боль, и он застыло принимал к лишнему от сырости и от крови дну. И вот сперва зашелестел, зазвенел, а потом оглушительно пронесся над ним бой. Каким-то седьмым, десятым, двадцатым чувством Антипов понял, что рядом — свои. Попытался подать голос. Из горла вырвался немой хрип. Напружинив все нутро, он позвал, как мог. Сверху донеслось:

— Кто здесь?

— Раненый танкист, — неслышно выдохнул Антипов, но уже и без его отклика бойцы поняли, кто ждет их помощи. Его поднимали на руках, высвобождая из могильного плена, но свет не принес ему облегчения.

Два с лишним года поджидала, подкарауливала его смерть у госпитальных дверей. Десятки недель и месяцев, минута за минутой, час за часом Антипов вместе с врачами старался уйти как можно дальше от того липкого, смертного кошмара в блиндаже на реке Нарев, но боль не отпускала, расползалась по всему телу... Он страстно хотел жить. Но чтобы выжить, нужно было лишиться рук. Чтобы жить — пришлось лишиться и ног. Настали тяжелые ночи с беспощадными снами. Ему снилась мать, Анна Кирилловна, он гладил ее, жалел, снова гладил, уже сквозь сон сознавая, что нечем... Просыпаться было страшно, но еще страшнее — видеть себя...

Шел 1947 год, Антипов вернулся в места, где прошла его юность, откуда он ушел защищать эту землю. Вернулся с твердым намерением заново овладеть жизнью, готовый к любым испытаниям, но много еще боли и разоча-

рований ожидало его на избранной дороге. Было и безразличие ко всему, и отчаяние... Помогли люди. Особенно мать, которая смогла возродить в нем желание выстоять, подняться.

Он начал с малого — хотя в его положении ничто не было малым, — стал учиться ходить, изнурял себя протезами до беспамятства, а чуть придя в себя, снова заставлял свое тело идти, висеться над землей. Осенью он отправился в Тихвин. Началась учеба в том самом техникуме, из которого его вырвала война. Но то, что до войны он делал играючи, теперь приходилось преодолевать с кровью и стоном. Наверное, он выдюжил бы теперь и один. Но и здесь ему помогли люди, товарищи его, особенно Юрий Кошевой, еще довоенный его приятель, благодаря которому Петр Антипов смог учиться на очном отделении техникума: Кошевой многие бытовые заботы взял на себя, и во многом на двоих поделили они тяжесть груза, взваленного на Антипова.

Когда узнаешь в подробностях историю Антипова, понимаешь, что доброта его — не просто природная доброта: к ней приживлены черенки от доброты многих людей. Он это и сам знает. Есть ведь доброта разного масштаба. У одного — только для близких. У другого — наоборот лишь для чужих, случайных людей; это доброта, так сказать, одноразового пользования. Кто-то добр только на беглый, поверхностный взгляд. Кто-то может изменить этому своему дару и естеству в трудную для себя минуту. Антипов верен своему чувству во всем. Есть в нем некая широта — не разбросанность, а широта, даже величие — во всех проявлениях, во всех побуждениях. Может быть, это главное из того, что он вобрал в себя во время долгого своего восхождения?

Его доброта того масштаба, который охватывает не только группу людей и клочок земли, а всех людей и всю землю. Может быть, это и несколько громко, может быть, и правда, что нельзя абстрактно любить всех, ведь все — это сумма индивидуальностей, и естественно через конкретных людей ощущать свое родство со всеми остальными... Но в том-то и дело, что доброта и любовь Антипова не абстрактны, хотя и адресованы всем: у него есть

лес, который связует для него не только землю с небом, не только настоящее с будущим, но и самое существо Антипова с современниками и грядущими потомками.

«Газик» мчал нас к Ленинграду. Встреча с Антиповым была позади. В руках у меня рдели цветы из его сада. А память все крутила, как на кольце из магнитной пленки, его фразы, мысли, признания...

«...Цветам от доброй руки не больно...» — сказал Петр Григорьевич, приглашая нас к веселой клумбе. Я разглядывал прожилки на бархатистых лепестках тюльпана, влажную поверхность срезанного стебля где-то там, внутри светящегося тела цветка, быть может, таилась его душа, жизнь которой дала легкая и добрая рука Антипова... Я вздрогнул от этой мысли, но тут же понял, что лишиться рук вовсе не значит не иметь их, — разве нет их у Антипова, если целый сад смог он поднять над землей, если целые леса шумят над Волховом, леса, которые он в полном праве называть своими?

«Газик» выскочил наконец на ровную трассу. Теперь можно было положить цветы у заднего окна. Дорога убаюкивала, и в такт мерному покачиванию машины в моей памяти перелистывались страницы биографии Петра Григорьевича Антипова... Вот окончен техникум. Вот практика — еще одно жестокое испытание, которое недавний солдат тоже выдержал, исходив на своих протезах не один десяток километров по волховским лесам. Вот учеба во Всесоюзном лесотехническом институте. Вручение Золотой Звезды. Это, так сказать, вехи. А между ними — работа, работа, работа. «За короткое время он привел в образцовый порядок леса, расположенные вокруг города Волхова...» — это цитата из рассказа о нем на ВДНХ... В восемь утра он выезжает на работу в лесничество. Целыми днями вышагивает, пробираясь уже без машины к самым глухим участкам. И снова дорога! Толковые, влюбленные в дело работники всегда ему рады, всегда ждут, нерадивые — побаиваются и молчаливо уважают... Работа. Работа. А дома его всегда ждали три

За отчий край

Воспоминания П.Г. Антипова из книги
«Танкисты в сражении за Ленинград»

Моя военная биография началась в грозном для нашей Родины году — сорок первом. Закончив второй курс Тихвинского лесного техникума, был призван в армию. И сразу же — обращение к командованию с просьбой направить на фронт. Доказывал, что в техникуме прошел хорошую военную подготовку: знаю винтовку, пулемет, гранату. Наконец, смотрите — на груди значки: «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне». Надо заметить, что в те годы эти значки имели большое значение. Идешь, бывало, по улице, мальчишки заметят и с восхищением произносят:

— Смотри, смотри, «Ворошиловский стрелок» ... Вот это да!

Однако меня направили вместе с группой призывников не на фронт, а в Ленинград. Зачислили в школу радиоспециалистов.

Как на грех, мне трудно давалась работа телеграфным ключом. Особенно на скорости. Не успевал в установленное время передать текст радиogramмы.

Вскоре в школу за радистами для танковых экипажей представитель танковой части. Так я оказался в 12-м учебном танковом полку. Не помню сейчас фамилии командира, принимавшего нас на Прибытковской улице, стройного, подтянутого, в кожаной тужурке, но осталось в памяти его категорическое наставление:

— Запомните: вы теперь — танкисты, «кависты», а не мочала.

Танк КВ стал для меня домом и цехом на все годы войны. В нем я жил, в нем работал — воевал.

В 12-м танковом мы прошли курс обучения стрелков-радистов и курс мужества. До сих пор перед глазами занесенные снегом трамваи, сугробы во всю улицу. Бледное лицо женщин, волокущей санки с завернутым в простыню трупом. Высокий худой мужчина, прижимаясь к заиндевевшей каменной стене, медленно опускается на снег. За поворотом, по другой улице, молча идет группа девушек из команды военизированных формирований. Над головой просвистел снаряд и ударил в стену противоположного дома. Следующий снаряд угодил в окно соседнего здания. Дым, пыль от рухнувшей стены. Выбегают люди. Но нет паники. Появляются санитары. Раненых увозят в

госпиталя. А заводы работают. Выпускают пушки и пулеметы, ремонтируют танки, изготавливают снаряды и мины. Ни мороз, ни голод, ни артобстрелы, ни бомбежки не сломили духа ленинградцев. Их мужество передавалось и нам, молодым воинам.

В феврале 1942 года маршевый батальон подготовленных и сформированных в 12-м учебном полку экипажей для танков КВ был перенаправлен на станцию Войбокало. Оттуда — в Челябинск. А в мае мы уже прибыли в 148-й отдельный танковый батальон и под Ржевом получили первое боевое крещение. Схватки с врагом оказались тяжелыми. Обе стороны несли большие потери.

Вскоре батальон вывели на переформирование, и нашу роты передали 3-й гвардейской танковой бригаде.

Запомнился бой западнее Ельца летом сорок второго. Прибыли в тот район на рассвете. Никого вокруг. Желтое море подсолнухов. По сторонам две дубовые рощи. Танки развернулись в линию, вошли в волновавшееся поле. Высокий частокол подсолнухов вырос перед люками водителей танков. Видны только кроны могучих дубов. Ориентируясь на них, механики вели свои машины. За танками шла наша пехота. Замаскировавшиеся на густых зеленых дубах фашистские «кукушки» стреляли из автоматов по нашим пехотинцам. Я заметил автоматчиков и направил свой пулемет на них.

На подходе к роще грянул бой. Стоявшие в засаде вражеские танки и пушки открыли огонь. Мы отвечали тем же. И продвигались вперед. Над полем стоял черный дым. Горели танки. Взлетали столбы земли от разрывов снарядов. Только к вечеру удалось достичь намеченного рубежа. Поздним сентябрьским вечером наша бригада прибыла на станцию Котлубань, что под Сталинградом. Голая ковыльная степь. Тишина. Человеку лесной стороны, мне как-то непривычно было смотреть на голую землю. Невдалеке, накрытые маскировочными сетками, стояли наши 152-миллиметровые пушки. По направлению их стволов, мы определили, где находится противник.

В отличие от ленинградских, ночи на юге обрушиваются на землю внезапно. Плотные, непроницаемые. И вот в такую темень раздалась команда: «Выгружаться!» Что значило снять с железнодорожных платформ танки КВ при полной светомаскировке! Мы справились с этой задачей успешно.

Выехали за станцию — и в атаку. Степь наполнилась ревом моторов, гулом орудийных выстрелов, разрывами снарядов. Земля дрожала. Зловещими кострами полыхали горевшие танки. Утром нам удалось овладеть высотой и преградить противнику путь к Волге. Плата за эту победу была немалой.

Бригаду вывели на переформирование в Саратов. Здесь в моей жизни произошло важное событие: меня приняли кандидатом в члены партии. Я понимал, что теперь должен быть во всем примером для товарищей.

Затем мы снова вели бои в сталинградских степях. А в ночь под новый, 1943 год овладели городом Котельниково. Довелось мне воевать и на Брянщине, на земле Белоруссии, форсировать реки Сож и Десну. И все эти годы моим командиром был смелый и находчивый, требовательный к себе и подчиненным, большой души человек и надежный товарищ Сергей Попов. За два года он вырос от командира танка до командира роты. Закалку он получил тоже в 12-м учебном танковом полку.

Велика была моя радость, когда в конце сорок третьего очутился снова на родной ленинградской земля. Несмотря на мороз, от Тихвина до Ленинграда стоял платформе, чтобы не проспать родной Волхов. И просмотрел. Ехали ночью. Густой туман. Ждал, когда въедем на красивый, с высокими металлическими фермами железнодорожный мост через Волхов. Не дождался. Мост был взорван. Нас провели по временному, деревянному.

Роту нашу включили в 260-й отдельный тяжелый танковый полк прорыва. Командовал им подполковник Красноштан. Через несколько дней после прибытия мы отправились в район Токсова на тактические учения. Отрабатывали вопросы взаимодействия родов войск при прорыве вражеской обороны. Мы чувствовали, что готовится большое событие. На учениях присутствовали командующий фронтом Л. А. Говоров и член Военного совета А. А. Жданов.

При преодолении противотанковых рвов была продемонстрирована интересная новинка: на одной тридцатьчетверке вместо башни приварен пролет моста. Машина входила в ров, и по ее мосту танки легко проходили через препятствие.

И вот январь сорок четвертого. В тот памятный день, пережившие ужасы блокады, ленинградцы были взволнованы грохотом артиллерийской канонады. Полевая, береговая, морская, бронепоездная артиллерия, авиация обрушили на врага сотни тонн смертоносного металла. Мы сидели в боевых машинах на исходных позициях у Пулковских высот, ждали сигнала атаки. Моя рация находилась на приеме. «Вперед!» — раздалось в наушниках. Передаю команду экипажу. Механик-водитель Михаил Тарханов включил скорость, и тяжелый КВ рванулся к вражеской обороне.

260-й полк наступал на Красногвардейск (Гатчину). Но на этом пути были еще такие укрепленные пункты врага, как Воронья гора, Красное село, Тайцы. Одна из рот нашего полка напоролась на минное поле. Нам удалось пройти через него благополучно. Подошли к Вороньей горе. Завязался ожесточенный бой. Он длился всю ночь. К утру наши части овладели Вороньей горой. Мы двинулись дальше.

В моей радиостанции отказал передатчик. Я выскочил из машины и увидел стоявший рядом вышедший из строя танк нашего полка. Попросил у радиста радиостанцию, попытался установить ее на своей машине. Не подходит. Расстелил на коленях плащ-палатку, заменил передатчик. Связь была восстановлена.

На подходе к Красногвардейску наскочили на торфоразработки. Только высокое мастерство механика-водителя Тарханова помогло нам выбраться из трясины. Остановились, открыли люки, осмотрелись. Что это? По снегу, точно по воде, рябь какая-то прокатывается. Да это же пехота в маскхалатах ползет.

— Братцы славяне! — крикнул кто-то из наших.

В ответ возле танка упала граната. Оказалось, это вражеская пехота. Пришлось угостить ее из пулемета. Командир орудия Федор Демидов дал

несколько выстрелов из пушки осколочными снарядами. Фашисты отступили. На рассвете подошли танки противника. Завязался огневой бой. В нашу машину попало четыре снаряда. Разорвало гусеницу. Заменяли два трака.

Вместе с другими частями полк «прогрызал» вражеские укрепления. За шесть дней тяжелых наступательных боев взломали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника. Были освобождены Красное Село, Красногвардейск, Волосово, Ропша, Пушкин и другие населенные пункты Ленинградской области. 27 января в 20 часов город Ленина дал свой первый за годы войны салют 24 залпами из 324 орудий. Родина салютовала войскам Ленинградской и Волховского фронтов, освободившим город имени Ленина от вражеской блокады. Нашему полку присвоили наименование Гатчинского.

В марте мы вступили на псковскую землю. Помню, подошли к крупному населенному пункту на берегу озера. Фашисты притаились, не выявляя себя. Командир полка решил провести разведку боем: уточнить огневые точки противника, его примерные силы. Наша машина была включена в состав разведки. Утром выдалось тихим, солнечным. Пахло весной, лес наполнился синичьим писком. Свежий пьянящий воздух. Настроение бодрое. Моя радиостанция — на волне командира полка.

Перед деревней — чистое ровное поле. Солнечные лучи скользят по белому снегу и бьют в глаза. По команде машины рванулись к деревне. Фашисты открыли огонь. Особенно интенсивно палили пушки, расположенные возле трех домов, стоявших поодаль. Один танк получил пробоину, остановился. Ему дали команду вернуться. Наш механик-водитель Тарханов повел машину прямо к трем домам. Зарываясь в снег, точно корабль в волнах, танк подошел к строениям почти вплотную. И в это время — прямое попадание. Еще одно!

- Два прямых попадания в танк, — доложил я по радио. — Еще удар!
- Повтори, — услышал я голос Бориса Горяинова, радиста командира полка.
- Три прямых попадания!
- Назад! — приказал Красноштан.

Я передал приказ Тарханову. Он включил заднюю передачу. Танк стал двигаться назад. Бьют из пулемета по домам, не даю гитлеровцам приблизиться к машине. Вдруг еще один удар — болванка пробил правый борт и попала в водителя.

— Миша, Миша! — кричу ему, еще не понимая случившегося. Попытался поднять его к люку. Но он обмяк. Я увидел остановившиеся холодные глаза. Тарханов был мертв. Младший механик-водитель Павел Чугайнов попытался запустить двигатель, но следующая, пятая, болванка прошла оба борта и бак с горючим. Танк загорелся. Мы выскочили из него. Я попытался вытащить из машины Тарханова. Только вступил на гусеницу, раздался взрыв и меня отбросило в лужу растекавшегося горячего. Впопыхах не заметил, как на мне загорелась одежда. Ползком, перебежками отходили мы от горящего танка под минометным и пулеметным огнем. Я катался по снегу, чтобы сбить пламя, но это не удавалось. Только в лощине товарищи сорвали с меня одежду. Обгорели руки, уши, шея. Кое-как добрался до леса. Доложил командиру полка обстановку, в которой мы оказались на окраине села. Он приказал доставить меня в медсанбат. Командир орудия Федор Демидов тащил меня на себе около километра.

И снова Ленинград. Экипажи на Кировском заводе ремонтируют танки. На моих руках еще пузыри от ожогов и сильная боль в позвоночнике от контузии. Парторг, организовывавший встречи фронтовиков с рабочими завода, попросил меня рассказать, что мы видели на освобожденной от врага земле.

Зашел в формовочную мастерскую литейного цеха. Молоденькая стройная девушка в белом хлопчатобумажном свитере набивала землю в опоку. Ее тонкие красивые руки с длинными пальцами крепко держали металлический стержень.

— Тяжело? — спрашиваю ее.

— А кому сейчас легко? — подняв голову, отвечает. — Самое страшное уже позади. Фашистов погнали уже от Ленинграда. Скоро будем город восстанавливать. Вернуться из эвакуации дети. Я ведь учительница.

Смотрю на эту хрупкую, истощенную голодом и непосильным физическим трудом девушку и восхищаюсь ее мужеством, ее верой в наше светлое завтра. Вот это и есть ленинградский характер. В цехах, в мастерских, бригадах рассказывал рабочим, что мы видели на освобожденной от оккупантов территории, как встречали нас там советские люди.

Однажды пригласили меня в палату при заводском госпитале. Здесь лежал рабочий, которому при бомбежке оторвало обе ноги. Долго беседовали мы с ним. К сожалению, не помню сейчас его фамилии. Он сетовал на то, что в цехе мало людей, работы много, а он вот вынужден лежать на больничной койке и что вряд ли скоро вернется к станку. Убеждал его, что все обойдется, будет он трудиться. А сам думал: «Да как же ему теперь жить-то?» Не ведал тогда, что судьба со мной обойдется еще круче.

Майским светлым утром выехали мы из ворот Кировского завода. Новый мезаник-водитель Петр Иванович Сычев открыл люк, включил четвертую скорость и, улыбаясь, крикнул:

— Ну, ребята, держитесь, с ветерком по городу прочим! На славное дело едем!

Дело нам предстояло действительно славное. Как известно, в первой половине 1944 года войска Ленинградского фронта вели бои на Карельском перешейке. Прошли по нему и освободили исконно русский город Выборг. В этих боях наш отдельный гвардейский Гатчинский Краснознаменный тяжелый танковый полк прорыва под командованием подполковника Красношта на успешно выполнил поставленную боевую задачу. До декабря мы простояли под Выборгом, держали оборону на государственной границе, готовились к новым боям.

В конце декабря прибыли на станцию Кушеловка, что на окраине Ленинграда. С разрешения командира выпили по сто фронтовых граммов. Появилась не разлучная с воинами гармошка. Пошли частушки частушки и перепляс. Плясал и я. Плясал самозабвенно. Не подозревая, что это была последняя моя пляска.

А случилось вот что. 14 января сорок пятого мы прибыли на Наревский плацдарм в Польше. Наш полк — в составе 3-го Белорусского фронта. Пошли на исходные позиции. Как на грех, на марше подорвались на mine. Отлетел опорный каток. Механик-водитель, техник-лейтенант заявил, что дойдем и без катка. Натянули гусеницу и снова в путь. Тяжелая машина вихрем неслась по заснеженной дороге. Догнали своих.

На рассвете 15 января взвилась в голубое небо ракета. Сигнал атаки. Двинулись вперед на предельной скорости. Ровное поле, покрытое снегом. Чернеет только бруствер извилистой ленты окопов. Самардак повел машину вдоль траншеи. Строчу по окопу из пулемета, гвардии старшина Медведев бьет из пушки. И вдруг сильный удар в броню, еще один. Оглянулся назад — в боевом отделении дым. Заглох двигатель. Самардак нажал на стартер — мотор не запускается. Кончились патроны в диске. Выхватил из кассеты второй, хотел заменить. В это время — еще удар по борту. Вижу, горим.

Медведев, заряжающий Иван Трифонов и командир танка Салтанов покинули машину через верхний люк. Самардак крикнул мне: «Выскакивай!» Только успел вывалиться почувствовал удар в правую руку — пулевое ранение. Упал. Кругом рвутся снаряды, горит танк. Сраженный пулями, гвардии старшина Медведев неподвижно лежит на снегу. Собираю, что оставаться тут нельзя. Вскочил, побежал вдоль траншеи. Там полно гитлеровцев. Вижу окопчик. Прыгнул в него, но и там враги. Один из них успел дать короткую очередь. Пули прострочили мне левую руку. Она повисла плетью. Из окопчика перевернулся в траншею и пошел по ней среди чужих солдат. Ошарашенные появлением русского, они на какой-то момент растерялись. Но быстро опомнились и стали неистово бить меня автоматами, рассекли лицо, голову. Один фашист направил на меня парабеллум, выстрелил, но, к счастью, падая, я успел наклонить голову. Пуля прошла мимо.

В это время раздалась команда, и гитлеровцы быстро выскочили из траншеи. Лежу один. Через минуту в траншею вернулся солдат. Очевидно, за был котелок. Захватил его, повернулся и уходит. Я достал парабеллум (трофейный у меня был), хотел пухнуть в поганого фашиста, но не смог курок взвести: руки-то перебиты, изранены. Погрозил ему вслед кулаком, сказал крепкое русское слово.

Стало темнеть. Поднялся на колени. Выглянул из траншеи. Вижу, стоят два наших сгоревших танка, рядом с ними — вражеский. За ним группа солдат. Один из них заметил меня и бросил гранату. Она шлепнулась рядом со мной и угодила прямо в щель за обшивкой траншеи. Шипит. Я пригнулся. Граната взорвалась. Песок и доски спасли меня. Стихло. Переполз в другой темный угол траншеи. Нащупал клочок сена. Положил под голову, лег. Правой рукой положил левую на живот, правую — за борт куртки. И потерял сознание.

Очнулся от резких разрывов снарядов. Один из них угодил в блиндаж, и он обрушился. Потом слышу голоса. Топот сапог. Различаю русскую речь. Значит, наши, думаю. Но кричать боюсь. По ошибке могут принять за чужого и метнуть гранату. Лежу. Когда стало потише, услышал — еще кто-то бежит, один.

— Славяне! — крикнул я тихо.

Не услышали. Повторил зов. Наверху щелкнул затвор.

— Кто здесь? — спросил молодой голос.

— Раненый танкист, — отвечаю.

— Кто с тобой?

— Я один.

Молоденький солдат вскочил в траншею, вытащил меня на свет, попробовал поднять наверх, но не смог. Вес во мне в то время был достаточный. Солдат снова поднялся наверх и минуты через три-четыре вернулся. С ним был заместитель командира стрелкового полка по политчасти. Он спросил у меня, какого полка, кто командир. Позвал автоматчиков. Положили меня на плащ-палатку на телегу и отвезли в медсанбат.

Так кончилась для меня война и начались страшные муки. Оказалось, что пролежал я в траншее пятеро суток. Без еды, без воды. На морозе. Меня доставили в полевой госпиталь в польском городе Говорово (Граево). Дежурный врач пощупал мою левую руку, пальцы его утонули в ней, как в подушке. На руке — пузыри.

— В газовую, — скомандовал он.

Это значило, началась гангрена.

Ночью ампутировали руку. Через несколько дней врач вынес новый страшный приговор: резать ноги. Они отморожены. Отрезали. Проснувшись от наркоза, я посмотрел на культы ног и говорю:

— Ой, какие короткие.

Молоденькая операционная сестричка Аня отвернулась и заплакала. Только тут до меня дошло, что ног-то нет!

Но и это было еще не все. Раненая правая рука тоже была отморожена. Тоже началась гангрена. И снова приговор врачей: резать.

Отрезали одну треть. Врачи и сестры плакали. У меня не было слез. Стиснув зубы, думал: как жить? А жить хотелось!

Два года провел в госпиталях Саратова и Москвы. Десять операций сделали мне врачи. Их сердечная доброта, чуткость, их забота, тревоги, волнения за меня помогли преодолеть мне боль и страх, вселяли в меня уверенность и новые силы. Нет слов, чтобы передать им всю мою признательность. До конца дней своих буду их помнить. В госпитале научился заново жить: ходить, пить, есть, писать. Больше того, закончил курсы бухгалтеров и пчеловодов. Там же научился резьбе по дереву. В жизни все пригодится, внушал себе.

В Московском госпитале сложного протезирования мне довелось видеть немало людей, искалеченной войной. Некоторые из них были чрезвычайно удручены и не находили выхода из своего положения, другие искали и находили этот выход. Однажды в протезной мастерской встретился с

молодым человеком, у которого так же, как и у меня, ампутированы ноги. Пристально посмотрел на него. Он говорит мне:

— Не падай духом. Слышал про летчика, который без ног воевал с фашистами?

— Слышал.

— Так вот это я. Писатель Полевой написал обо мне книгу.

Поговорили. Разошлись. А фамилию у собеседника не спросил. Уже будучи дома, в книжном киоске увидел знакомое лицо на обложке одной из книг. «Это он! — мелькнуло в голове. — Тот самый, что говорил со мной в протезной мастерской».

Купил книжку «Повесть о настоящем человеке». С большим волнением прочитал ее. Во всех деталях вспомнилась беседа с Мересьевым. Это, пожалуй, ускорило мое решение о цели и смысле дальнейшей жизни.

В марте 1947 года приехал домой, в Старую Ладугу. Здесь ждала меня милая, ласковая мать Анна Кирилловна.

Считаю необходимым сказать хоть несколько слов о своей матери. Это был Человек с большой буквы. В 28 лет она осталась с четырьмя сыновьями, старшему из которых было всего лишь пять лет, а младшему — семь месяцев.

Нелегко было матери вырастить четырех сыновей. Еще горше было получать похоронные с фронта: под Колпином в 1941-м погиб ее старший сын Федор, в сорок втором под Тулой погиб третий — Владимир. В сорок пятом искалечило меня. Только младший, Василий, отделался одним ранением. Сейчас он кандидат наук, доцент.

Возвращение мое домой легло на плечи матери новым тяжелым грузом. Сколько бессонных ночей провела она со мной, сколько дум передумали мы с нею. Не скрою, иногда подкрадывалось ко мне отчаяние. Мать моментально замечала это и когда лаской, когда строгой материнской требовательностью рассеивала горестные мысли. Я спрашивал себя: что делать? Вспоминая смерть своих друзей, их высокие подвиги, глядя на опустошенные войной

города, села, леса, все больше и больше приходил к мысли настойчиво, неутомимо бороться за то, чтобы был мир, Родина стали еще лучше, чтобы никогда больше на земле не гремели раскаты орудийного грома.

Жизнь требовательно звала остаться в строю. Что делать? Тянуло в лес — родной, любимый. Но чтобы растить его, нужны знания. Решил заканчивать техникум. Поехал в Тихвин. Туда, откуда ушел на войну.

Мне везет на хороших людей, и здесь, в Тихвине, встретил довоенного товарища, тоже демобилизованного, Юру Кошевого. Он стал моей добровольной нянькой: мыл, одевал, ходил со мной на занятия. Словом, был как бы моей второй половиной.

Через год получил диплом с отличием и направлением в Волховский лесхоз. С сентября 1948 года работаю здесь в должности лесничего. В 1960 году закончил Всесоюзный заочный лесотехнический институт. Получил квалификацию инженера лесного хозяйства. А далее — вдохновенный труд во имя любимой Родины.

Родина высоко оценила мои скромные военные дела: награжден орденом Красного Знамени, Красной Звезды, Славы III степени и многими медалями. За работу в лесничестве в 1966 году Президиум Верховного Совета СССР присвоил мне звание Героя Социалистического Труда. Президиум Верховного Совета РСФСР удостоил меня звания «Заслуженный лесовод РСФСР», а Волховский городской Совет народных депутатов присвоил звание почетного гражданина города Волхова.

Город наш награжден орденом Октябрьской Революции. Быть почетным гражданином такого города — большая честь. Стараюсь своей повседневной работой в лесничестве, общественной деятельностью, выполнением партийных поручений оправдывать высокие награды Родины и оказанные мне доверие и почести.

У меня прекрасная семья. Жена Анна Тимофеевна — преданный друг, прекрасной души человек, инженер-экономист — работает на Волховском алюминиевом заводе. У нас два сына — Анатолий и Владимир, дочь Аня.

Мне не довелось пройти со своим полком до победного дня и разделить с боевыми товарищами радость Победы. Наш 260-й полк хорошо дрался с фашистами в Восточной Пруссии и закончил боевые действия штурмом Кенигсберга. На его Боевом знамени — ордена Суворова и Кутузова. Большую радость мне доставляют встречи с первым командиром полка гвардии полковником в отставке Красноштаном, другими ветеранами. Нам есть что вспомнить, есть что рассказать сегодняшним молодым людям. Самое святое для всех нас — беречь мир, свою любимую Советскую Родину.

СОДЕРЖАНИЕ

Нина Курзанова «Быль Геройская...»	5
Особый случай	7
Дорогу осилит идущий	9
Родом из детства	11
Сразу столько друзей	14
Боевое крещение	19
Дороги фронтовые	22
Перекресток судьбы	27
За первым шагом — второй	34
Лесная книга	36
Не расточай добра напрасно	38
Сила примера	40
«Не ты ли мой сынок?...»	42
Русская женщина	43
Антиповские дубы	46
Под одной крышей	49
Где вы, друзья фронтовые?	51
Подвиг в песню просится	55
Лебениный крик	59
Быль геройская	60
Д.М. Гиряев	
«Лесничий Петр Антипов» (поэма)	61
Глеб Горышин «Глядя в глаза Ладоге»	155
Звено цепи	157
Александр Плахов «Ладога»	175
Деревья стартуют в небо	176
За отчий край	189

Литературно-художественное издание

Петр Антипов: ПОДВИГ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ.

Сдано в набор 01.03.20.

Гарнитура «Petersburg».

Формат 60x90/8. Бумага мелованная.
Тираж 1000 экземпляров. Заказ №133.

Отпечатано в ООО «ИД Третьяков»

Москва, 5-ая Магистральная, д.15.

Тел. 8 495 940 22 74

www.id-tretyakov.ru